

Павел I.

Величие или забвение.

Великий реформатор
или безжалостный тиран

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РФ

ФГБОУ ВО ПЕНЗЕНСКАЯ ГСХА

И.В. Самойлова

**ПАВЕЛ I. ВЕЛИЧИЕ ИЛИ ЗАБВЕНИЕ.
ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР ИЛИ
БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ТИРАН**

Монография

Пенза 2015

УДК 93/99
ББК 63.3
С 17

Печатается по решению методической комиссии инженерного факультета от 12.10.2015 г., протокол № 1

Рецензенты – декан историко-филологического факультета ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный университет», доктор исторических наук, профессор О.В. Ягов;

канд.истор.наук, доцент кафедры «Экономическая теория и экономика АПК» ФГБОУ ВО «Пензенская ГСХА» Н.Н. Сологуб

Самойлова, Ирина Викторовна

С 17 Павел I. Величие или забвение. Великий реформатор или безжалостный тиран: монография / И.В. Самойлова. – Пенза: РИО ПГСХА, 2015. – 208 с.

Монография представляет собой краткий очерк жизни одного из самых загадочных российских императоров, отличавшейся трагическими чертами, подобных которым не встречается в жизни ни одной из венценосных особ как в России, так и в Европе. Автор дает общий обзор жизни и царствования Павла I, заполняя определенные пробелы, существующие в исторических исследованиях по данной проблематике. Для дополнительного чтения по дисциплине «история» для студентов всех направлений.

© ФГБОУ ВО

Пензенская ПГСХА, 2015

© И.В. Самойлова, 2015

ISBN 978-5-94338-781-4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1 Детские годы будущего императора	9
Глава 2 В ожидании власти	35
Глава 3 Государственная деятельность Павла I	64
Глава 4 Государственный переворот 1801 г.	88
Заключение	154
Приложения.....	161
Список литературы	203
Список источников.....	204

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее интересным периодом в истории России, на наш взгляд, является XVIII в. Правление двух мировых гениев: Петра I и Екатерины II, дворцовые перевороты с их сложными историческими комбинациями, богатством культурных красок, эпизодическое правление Павла I, без изучения которого невозможно установить связь между царствованиями Екатерины II и Александра I и т.д.

Павел I — самая загадочная фигура на историческом небосклоне. Жизнь его наполнена трагическими моментами, которых не было в жизни ни одного из венценосных особ, как в России, так и в Европе. Он претендовал на лавры своего великого прадеда, его политика во многом повторяла государственные изменения времен Петра I, в основе ее лежала та же концепция «всеобщего блага». Так же, как и его старший родственник, он все стремился делать и контролировать сам. Только в скрижалях истории он, к сожалению, сохранился как сумасшедший, тиран и даже слабоумный. Он известен тем, что находился на престоле четыре года, четыре месяца и четыре дня, и закончил свою жизнь, так же, как и не любимый им отец — в результате государственного переворота.

Долгое время в историографии период правления Павла I считался временем, когда государственная жизнь в России замерла, когда вся деятельность правительства сводилась к непомерным и несправедливым наказаниям, к стеснению частной жизни дворянства. Считалось, что и сам император в своих действиях не придерживался какой-то единой политической системы, а вел законодательную деятельность только под влиянием собственных впечатлений и личных чувств, производя тем самым в стране хаос. Историки, главным образом, занимались освещением лишь отрицательных сторон царствования императора, приводили те факты, в которых выражалась причудливая, нервная натура государя. Тем не менее, правление потомков после смерти Павла I осуществлялось по правительственной линии, намеченной еще в годы, когда у власти находился император-«сумасброд», как его часто называли. Например, вахтпарады приобрели значение важного государст-

венного дела и на многие годы сделались неперменным ежедневным занятием русских самодержцев.

В настоящее время произошел полный переворот во взглядах историков на характер и ум Павла I, так же, как и на значение его царствования. Причины этого переворота: прогресс науки, доступность многих, закрытых ранее источников и тому подобное. В глазах новейших русских биографов Павла он превратился почти в великого человека. Все сходятся во мнении, что если у него было бы больше времени, то в своей реформаторской деятельности он превзошел бы своего великого прадеда. Но история не любит сослагательного наклонения. Не стоит забывать и о том, что общество не ждало и не хотело этих перемен, что дворянство за время правления Екатерины II настолько привыкло к «паразитирующему» образу жизни, что малейшее изменение одного состояния вызывало огромное недовольство с его стороны. Павел I задумал, подготовил и хотел произвести полный переворот того правления, которое дало России могущество, блеск и обаяние, каких она не имела до тех пор. «Орлы» Екатерины II не знали поражения ни на суше, ни на море. Достигнув власти, он если и не привел в исполнении весь свой план, то, во всяком случае, попытался осуществить очень многое из него.

Одни говорили, что это царь – демократ и человек редкий в нравственном отношении, другие с ужасом кричали о его деспотичном самодовольстве.

Как наследник престола, он был невыносим не только для Екатерины, но и для большинства лиц, имевших с ним дело; его поведение и планы пророчили заранее, что царствование его будет катастрофой для очень многих. Да он и не скрывал своего твердого намерения произвести в России полную революцию, как только вступит на престол. Его резиденции □ Павловск и Гатчина □ служили в миниатюре проработкой этого будущего; здесь Павел создал себе маленькое царство в ожидании власти, где на свой лад производил опыты, применяя на практике свои идеи, принципы будущих преобразований.

Исторические деятели редко удостоиваются единодушного восхищения или безоговорочного осуждения. Оценки современников и потомков слишком зависят от их собственных пристра-

ствий, вкусов и политических убеждений. Рыцарь с благородной душой или бездушный и взбалмошный правитель? Что приобрела и что потеряла Россия в короткие годы его правления?

Историография эпохи Павла I довольно необычна. Главный документ истории царствования Павла I – это «Полное собрание законов» и статьи «Санкт-Петербургских Ведомостей». Павел виден в них весь, со всеми своими чудачествами и запальчивостью.

Более подробно эта тема освящена Ю.М. Макарецвым на историческом сайте¹. Данный вопрос рассматривался автором в контексте другой проблемы, но нас интересовало, насколько подробно изучена личность императора, как в России, так и за рубежом.

В 50-е гг. изучение павловской эпохи было затруднено свирепыми цензурными условиями в области исторического исследования. Историки обращались к личности и деяниям императора, изучая при этом иные сюжеты. Например, Д.А. Милютин в монографическом труде, посвященном войне 1799 г., дает обобщенную характеристику политики Павла I в целом, выдвигая тезис о наличии у монарха продуманной программы государственной деятельности, которая оценивается в традициях официально-охранительной историографии, как направленная на заботу о народе².

В конце 60-х. – начале 80-х гг., когда значительно расширяется база источников за счет публикаций мемуаров XVIII в. в историко-литературных журналах «Русский Архив», «Русская старина» и других и был несколько смягчен цензурный гнет, историки смогли подойти к более детальному изучению павловской эпохи. Центр внимания исследователей смещается с личности императора на его мероприятия в области внешней и внутренней политики.

Специально этим вопросом занимались профессор С.Б. Окунь³ и А.В. Скоробогатов⁴. Интересно, что мемуары современников

---

¹ <http://www.historichka.ru/works/pavel1/>

² Милютин Д.А. История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I. СПб., 1852. 176 с.

³ Окунь С.Б. Дворцовый переворот 1801 г. в дореволюционной литературе / Вопросы истории. 1973. С. 25-34.

⁴ Скоробогатов А.В. Цесаревич Павел Петрович: политический дискурс и социальная практика. М., 2004. 374 с.

Павла I Скоробогатов рассматривает в ряду других исследований той эпохи. Оба историка согласны с тем, что с приходом к власти в России большевиков научный интерес к эпохе Павла исчез, так что в основном приходится иметь дело с дореволюционной историографией. В курсе лекций В.О. Ключевского о правлении Павла I, прочитанных им в 1883-1884 гг., высказывается ряд интересных мыслей, в частности: «инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями – его главной задачей» и «Павел превращал равенство прав в общее бесправие»¹. Мысли В.О. Ключевского оказали немалое влияние на взгляды следующих поколений историков.

В первом томе истории России в XIX в. первая глава посвящена правлению Павла I. М.Н. Покровский писал эту главу «в тяжелых условиях эмиграции, не имея документальных источников, по материалам, заимствованным из вторых рук». Это сказалось на манере изложения материала: большую часть главы составляли эмпирические рассуждения автора. Самой яркой, определяющей фразой его работы можно признать следующую: «Убийство крепостными жестокого барина и убийство Павла I его придворными – два совершенно параллельных явления»².

Работу Н.К. Шильдера об императоре Павле (1901 г.) можно считать первым шагом к всестороннему раскрытию личности Павла I. Книга была рассчитана, скорее всего, на посетителей дорогих салонов, а не на научную общественность (издание было выполнено слишком роскошно)³.

Е.С. Шумигорский подходил к исследованию личности Павла I постепенно: в 1892 г. вышла в свет его работа об императрице Марии Федоровне – супруге Павла, в 1898 г. – о подруге императора Екатерине Нелидовой, и уже в 1907 г., после снятия цензурных запретов – о самом Павле⁴.

После работы Шумигорского о жизни императора Павла не было исследований на русском языке вплоть до начала 90-х

---

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. СПб., 1895. 725 с.

² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1921, ч. 1-2. 845 с.

³ Шильдер Н.К. Император Павел I. СПб., 1901. 507 с.

⁴ Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. - СПб., 1907. 264 с.

гг. В 1991 г. вышла книга Г.И. Чулкова «Императоры»¹. Несмотря на почти полное отсутствие ссылок на источники, изложение велось последовательно и обстоятельно. Основной упор делался на психологическом обосновании мировосприятия и воздействия на мир Павла. На именованное историческим исследованием данная книга вряд ли может претендовать.

Наверное, единственным капитальным исследованием личности и жизни Павла I является книга Ю.А. Сорокина². В своей работе автор опирается на большой круг источников, произведенную им классификацию литературы про императора Павла, по мнению Скоробогатова, «можно считать господствующей в современной отечественной историографии». Особенное внимание этой книге следует уделить потому, что кандидатская диссертация Сорокина была именно о Павле I.

В книге «Русские цари 1547-1917» были собраны работы иностранных (преимущественно немецких) авторов. Очерк о Павле I, помещенный в этой книге, принадлежит перу профессора университета в Бонне А. Фишеру³. Фишер отмечает следующее: Павлу не удалось убедительно объяснить перемену во внешней политике, русское дворянство было заинтересовано в экспорте зерна в Англию, впервые в России предпринята попытка налогообложения дворянства.

Книга члена французской академии литературы Анри Труайя «Павел Первый» бесспорно не лишена литературных качеств, но построена, как кажется, почти исключительно на литературе, а не на исторических источниках, что лишает ее научной ценности⁴.

Таким образом, несмотря на то, что историография этого времени насчитывает почти двухсотлетнюю историю, она столь же сложна и противоречива, как сама эпоха императорства сына Екатерины II.

---

¹ Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. □ М., 1928. 197 с.

² Сорокин Ю.А. Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996. 205 с.

³ Фишер А. Павел I // Русские цари 1547-1917. М., 1997. 175 с.

⁴ Труайя А. Павел Первый. М., 2007. 310 с.

Глава 1 ДЕТСКИЕ ГОДЫ БУДУЩЕГО ИМПЕРАТОРА

Ребенок, который переносит меньше оскорблений,
вырастает человеком, более сознающим
свое достоинство.

Н.Г. Чернышевский

20 сентября 1754 г. в семье Софьи Фредерики Августы Ангальт-Цербстской и Карла Петера Ульриха Голштинского (в России они стали Екатериной Алексеевной и Петром Федоровичем) на свет появился будущий император Павел I.

Хотя данный союз назвать семьей очень сложно, настолько супруги неприязненно к друг другу относились и еще меньше стремились демонстрировать взаимную любовь и верность. Но будем последовательны. 10 февраля 1728 г. в городе Киле, столице маленького германского герцогства Голштейн родился Петр III, будущий император России и отец Павла.

Петр III и Екатерина II

При рождении мальчик получил тройное имя – Карл Петр Ульрих. Родился он в поистине счастливой семье, чего не скажешь впоследствии о его собственной семье. Его родители любили друг друга, и он был желанным ребенком. Матерью мальчика была старшая дочь Петра I Анна, а отцом – герцог голштейн-готторпский Карл Фридрих, племянник Карла XII. В честь рождения наследника был устроен праздник с фейерверком, но, любуясь им, Анна заболела и скоропостижно скончалась. Герцог так и не смог простить себе ее смерти и оставшиеся десять лет жизни провел в тоске и печали. Он не занимался своим сыном, ребенок его раздражал, и Карл Фридрих полностью перепоручил воспитание мальчика гувернерам и учителям, совершенно не заботясь о компетентности последних. Именно поэтому учителя будущему российскому императору достались не самые лучшие: обергофмейстер Брюмер постоянно унижал своего воспитанника, бил за малейшую провинность и детские шалости, мучил его голодом. А когда ребенок таскал с кухни хлеб, в наказание гнал мальчика от обеденного стола и заставлял стоять в углу столовой на коленях с повешенной на шею картиной, на которой был изображен осел. Естественно, что при таком воспитании Карл Петр Ульрих рано научился лгать, стал упрямым и раздражительным, усвоил дурные привычки и вкусы. Мальчика никогда не хвалили, а только говорили, какой он гадкий и глупый ребенок.

Тем не менее, он был сыном царствующих особ и мог претендовать сразу на два престола: шведский и российский. С раннего детства его заставляли учить шведский язык, латинскую грамматику, лютеранский катехизис. Герцогу внушали неуважение к России и пренебрежительное отношение ко всему русскому.

Однако, как только в России сестра его матери Елизавета Петровна вступила на российский престол, она незамедлительно прислала за 14-летним мальчиком майора Корфа, с тем, чтобы он немедленно доставил племянника в Россию, который к тому времени уже остался сиротой.

Карл Петр Ульрих Гольштейнский – Петр III

В Россию Карл Петр Ульрих прибыл 7 февраля 1742 г. Царствующая тетка сразу пожаловала ему орден Андрея Первозванного, роскошный дворец и несколько богатых поместий. Вскоре голштинский герцог принял православие, его стали называть князем Петром Федоровичем и объявили наследником российского престола. К Петру представили лучших придворных педагогов, которые должны были обучить наследника русскому языку и православному катехизису, была разработана особая система обучения. Но гуманитарные науки совершенно не привлекали будущего наследника, его интересовали только дисциплины военные: артиллерийское дело, фортификация. Все свободное от занятий время наследник проводил с игрушечными солдатами.

По определению В.О. Ключевского, Петр словно остановился в своем развитии, так и не став взрослым. «Его образ мыслей и действий производил впечатление чего-то недодуманного и недоделанного. На серьезные вещи он смотрел детским взглядом,

а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа»¹. Конечно же, Елизавета Петровна пребывала в отчаянии от характера, поведения и невежества своего племянника. Она надеялась, что супружество остепенит Петра, поможет ему поумнеть и повзрослеть.

В 1744 г. в Россию прибыла Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская. Мало кто мог предвидеть в тот период времени, что данное событие окажет такое влияние на будущее России. Будущая императрица России Екатерина II родилась в семье принца Христиана Августа Ангальт-Цербстского. Еще в детстве девочке предсказали, что ее голову будут венчать сразу три короны. Ее обучали немецкому и французскому языкам, богословию и музыке, воспитывали в строгости, стараясь подавить все признаки гордости и тщеславия, она рано научилась скрывать свои чувства и эмоции. Беззаботному детству принцессы пришел конец 1 января 1744 г., когда мать Софии Фредерики Августы получила письмо от российской императрицы с приглашением вместе с дочерью приехать в Россию.

Софья Фредерика Августа Ангальт-Цербстская

---

¹ Ключевский В.О. Указ. соч.

В сватовстве участвовал прусский король Фридрих II, который давно желал иметь верного человека при российском престоле. Принцессе предстояло стать женой наследника престола Петра Федоровича. Жених не понравился ей, но императрица явно благоволила к девушке и возлагала на нее большие надежды.

Свадьба Екатерины и Петра состоялась 21 августа 1745 г. Муж вел себя несколько странно по отношению к молодой супруге. Он не перестал играть в солдатики и куклы, а в жене видел лишь партнера по играм. Екатерина поначалу поддерживала Петра, соглашаясь с его просьбами, слушала его бесконечные рассказы о воображаемых сражениях, но скоро ей это надоело. Она была молодой женщиной, полной сил и энергии, но муж был к ней совершенно равнодушен. Екатерина оказалась в золотой клетке и уже себе не принадлежала. За каждым ее шагом зорко следили придворные и докладывали императрице буквально обо всем, что происходило в покоях наследника. Она даже не имела возможности ни с кем подружиться. Как только это происходило, человек навсегда исчезал из дворца. Придворные развлечения скоро наскучили молодой женщине. Однажды она забрела в дворцовую библиотеку, поразилась количеству книг и погрузилась в их чтение. После Монтескье, Вольтера, Дидро, перевернувших ее представление о мире, молодая женщина заинтересовалась юриспруденцией, историей европейских стран, экономикой. Екатерина стала прекрасно разбираться во многих вопросах государственной власти.

Елизавету Петровну очень беспокоило отсутствие детей у Петра и Екатерины. После пяти лет бесплодного брака Петр прошел лечение, и Екатерина, наконец, в сентябре 1754 г. родила сына Павла.

Первым, кто попытался всесторонне раскрыть личность Павла, был Н.К. Шильдер, который написал историко-библиографический очерк «Император Павел Первый», приурочив свое издание к столетию со дня смерти Павла (1901 г.). На наш взгляд, в данном издании очень подробно описаны годы детства будущего императора, обстановка, в которой он находился.

Елизавета Петровна

Поэтому далее мы приводим выдержки из произведения Н.К. Шильдера.

Итак, спустя несколько лет после торжественного бракосочетания великая княгиня родила сына, нареченного Павлом. Данное событие можно было рассматривать, как залог правильного наследования престола и прекращения дворцовых переворотов. Историк Екатерины II, описывая данное событие, справедливо замечал: «В данном случае это не была семейная радость – это было политическое событие, полное государственного значения. Елизавета Петровна могла теперь спать спокойнее: образ – дитяти – императора Ивана III заслонялся колыбелью новорожденного великого князя; младенец, покоившейся в этой колыбели, яв-

лялся опорой трона, не только ограждавшего его от случайностей, но, в случае крайности, представлявшее угрозу своему отцу. Этими соображениями вполне объясняется восторг, возбужденный рождением первенца у великой княгини»¹.

Лично для Екатерины данное счастливое событие было омрачено горем – полным отчуждением сына от матери. Императрица Елизавета Петровна, как только духовником были прочитаны все положенные молитвы, взяла к себе маленького Павла, ревниво оберегая его от всякого вмешательства или даже участия в воспитании со стороны матери. С одной стороны, весь царский двор утопал в радости, ликовала вся Россия, с другой стороны, материнское горе. Спектакль, где каждый играл строго отведенную ему роль, а режиссером выступила великая императрица Елизавета. Новорожденный младенец всецело завладел вниманием двора, что же касается матери, то она сделала свое дело, и все о ней позабыли. Это грубое пренебрежение его, на наш взгляд, глубоко огорчило Екатерину и никогда не изгладилось из ее памяти.

Известно, что решающую роль в формировании личности ребенка всегда играет его мать. В детстве закладывается тот вектор развития, по которому человек следует всю свою жизнь. Павел, да и Екатерина тоже, просто были лишены появления возможности обоюдной любви, взаимоуважения и взаимообщения. Они оказались пешками в истории.

25 сентября происходили крестины великого князя Павла Петровича в придворной церкви Летнего дворца. По окончании церемонии императрица посетила великую княгиню и принесла ей на золотой тарелке указ кабинета о пожаловании ей 100 000 рублей. Деньги очень обрадовали Екатерину, так как, по собственному ее признанию, она имела много долгов и ни копейки денег. Но радость ее была непродолжительной: через несколько дней после получения ею денег, барон Черкасов стал умолять великую княгиню вернуть кабинету деньги, потому что императрица требует денег, а в кабинете нет ни копейки. Екатерина незамедлительно отослала деньги и объяснила в своих записках загадку следующим образом: «Великий князь, узнав, что я получи-

---

¹ Бильбасов В.А. История Екатерины Второй. Спб., 1980. т. 1-й, 275 с.

ла от императрицы подарок, ужасно разгневался, отчего ему ничего не дали. Он с горячностью говорил об этом графу Александру Шувалову; тот пересказал императрице, которая немедленно повелела выдать великому князю такую же сумму, какую я получила, для этого и заняли у меня деньги»¹.

После крестин и до великого поста непрерывно следовали различные празднества: обеды, балы, маскарады, фейерверки. В частности, непосредственно в день крестин, был устроен великолепный фейерверк: «Россия была представлена на коленях перед жертвенником с надписью внизу: «Единого еще желаю». Потом явилось с высоты на легком облаке окруженное великим сиянием Божье Провидение с новорожденным принцем на пурпуровой бархатной подушке, с надписью: «Тако исполнилось твое желание». Надпись, обращенная к Елизавете, гласила:

И так уж Божья десница увенчала,
Богиня, все, чего толь долго ты желала»².

Только на сороковой день после родов великой княгине было разрешено увидеть собственного сына, но после совершения очистительной молитвы государыня велела снова унести младенца к себе. Вот что Екатерина написала в своих записках: «*Je le trouvais fort beau et sa vue me rejoit un peu*»³. Императрица поместила Павла в своих покоях и, как замечала Екатерина в записках, «прибегала к нему на каждый крик его, излишними заботами ребенка буквально душили. Его поместили в чрезвычайно жаркой комнате, во фланелевых пеленках, в колыбели, обитой мехом черных лисиц, покрывали его стеганым на вате атласным одеялом, сверх которого постилали другое одеяло из розового бархата, подбитого мехом черных лисиц. Впоследствии я сама много раз видела, как он так лежал: пот выступал у него на лице и по всему телу, вследствие чего, когда он несколько подрос, то малейшее дуновение воздуха причиняло ему простуду и делало его больным. Кроме того, он окружен был множеством старушек, лишенным всякого смысла, которые своим неуместным усердием

---

¹ Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Спб., 1901. С. 15

² Там же, С. 16

³ «Я обнаружила его сильным, красивым и его вид меня успокоил немного» – перевод автора.

причиняли ему несравненно более физического и нравственного зла, нежели добра».

Таким образом, императрица Елизавета Петровна, окружив Павла своей неумемной заботой и опекой, испортила физическое здоровье ребенка, что впоследствии отразилось на характере Павла: появилось нервозность, чрезмерная раздражительность.

Вот что пишет К.Н. Шильдер по поводу сложившейся ситуации вокруг мальчика: «На Екатерину в этом отношении не падает никакой ответственности; меры, принятые со стороны императрицы, препятствовали ей быть матерью и руководить первыми шагами своего первенца, причем ничего не было упущено, чтобы довести взаимное отчуждение до степени как бы нормальной привычки. Екатерина могла только украдкой узнавать о положении своего ребенка, потому что всякие вопросы о нем могли быть истолкованы в смысле сомнения в заботливости императрицы. Наконец, для полной характеристики этой безотрадной семейной картины достаточно упомянуть, что только в конце царствования императрицы Елизаветы Петровны Екатерина получила дозволение видеть сына раз в неделю. А ранее того было еще хуже. Когда весною 1755 г. великокняжеский двор собирался переехать в Ораниенбаум, императрица разрешила Екатерине перед отъездом взглянуть на сына; по счету это было в третий раз после его рождения. Великая княгиня нашла несчастного ребенка по-прежнему в удушливой жаре и при известной нам обстановке»¹.

Медицинский надзор за здоровьем мальчика также осуществлялся не лучшим образом. С малых лет Павел страдал расстройством пищеварения, которое без должного лечения обычно приводит к расстройству воображения и к неестественной напряженности в будущем, чем, собственно говоря, и страдал Павел Петрович, будучи императором всея Руси. К сожалению, лейб-медик Павел Захарович Кондоиди, который был приставлен следить за состоянием здоровья наследника, ничего не предпринимал для исправления положения и лишь докладывал императрице: «Благоверного государя великого князя Павла Петровича вседражающее здоровье, Господу способствующему за молитвами вашего императорского величества, продолжается саможелательно и во

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч., С. 17

всем благополучно»¹. Интересно, что в детстве великого князя наказывали тем, что кормили молочными продуктами, а это, как известно, очень вредно действует на желудок, а затем впадали в другую крайность: заставляли его есть много мяса (до рвоты).

Итак, великому князю исполнилось четыре года, и императрица доверила его дальнейшее воспитание Федору Дмитриевичу Бехтееву, бывшему поверенному в делах при Версальском дворе. Как отмечает К.Н. Шильдер, «по свидетельству Порошина, записавшего рассказы Павла о его детстве, великий князь в ожидании прибытия Бехтеева «очень боялся, думал, что наказывать будет». Опасения его не оправдались: женское царство, окружавшее Павла, удержалось и при Бехтееве, который никого не тронул. С великим князем по прежнему обедали бедные дворяне, жившие при дворе: Иван Иванович Ахлебинин, Савелий Данилович Титов и мамушка Анна Даниловна Титова; нянюшки прислуживали»².

Федор Дмитриевич Бехтеев

---

¹ Там же, С. 19

² Там же, С. 20

В первый же день, как только Бехтеев занял свой пост, он посадил своего воспитанника учить грамоте: для того, чтобы дело пошло быстрее за стол сели и Иван Иванович, и Савелий Данилович, и Анна Даниловна, притворившись неграмотными. Благодаря, этой педагогической уловке, трудные шаги первоначального обучения обошлись без плача и рыданий. А мы помним, что ребенок изначально был запуганным и с большим недоверием относился к новым людям в своем окружении. Самое главное – Павел Петрович перестал носить детское платье и впервые надел парик, а новый кафтан няня предварительно окропила святой водой. Также учитель стал издавать особые ведомости, в которых печатались все достижения и проступки великого князя, при этом уверив его, что данную газету рассылают по всей Европе.

Однако в 1760 г. императрица Елизавета Петровна для воспитания внука назначила нового воспитателя – Никиту Ивановича Панина, генерал-поручика и действительного камергера. В окружении Павла ожидали перемен, и потому женский персонал постарался заблаговременно напугать впечатлительного великого князя и настроить его против Панина.

Как отмечает Порошин, Павел начал плакать за месяц до его определения: «как у государыни Никита Иванович обедал, (его высочество) подсылал подсмотреть его; сказывали, что парик с узлами и старик угрюмый¹. Поехали в Петергоф. 2-го июня великий князь был у государыни и стоял с нею на галерее, что в Петергофе, между дворцом и церковью. Вдруг увидел (великий князь), что идет старик в парике, в голубом кафтане, с обшлагами желтыми, бархатными, и заключил, что это Никита Иванович, и неописано струсил...»².

Естественно, что появление нового учителя в покоях мальчика вызвало массу отрицательных эмоций. Первое свидание произошло вот как: великий князь сидел за столом, а с ним, по обыкновению, Матрена Константиновна, Анна Даниловна, Савелий Данилович, Иван Иванович и прочие.

---

¹ Н.И. Панину в это время было только 42 года. Он родился в 17185 г.

² Записки Порошина. СПб. 1881. (Издание 2-е, дополненное, без пропусков первого издания, появившегося в 1844 г.). С. 607: «Воспоминания великого князя Павла Петровича о жизни его с 1755 по 1761 годы, записанные с его слов С.А. Порошиным в 1764 и 1765 годах».

Никита Иванович Панин

Вдруг растворились двери. Вошел Иван Иванович Шувалов, а за ним граф Михаил Ларионович Воронцов и Никита Иванович Панин. Шувалов и Воронцов объявили, что Никита Иванович пожаловал к его высочеству обер-гофмейстером. Слезы у мальчика покатились в три ручья. Панин удалился, а великий князь сказался больным. Через полчаса опять встал. Слезы несколько успокоились. Вошел опять Никита Иванович и заставил играть великого князя в волан. Он несколько успокоился, когда увидел, что Матрена Константиновна и прочие еще не удалены. Когда

Панин посадил великого князя писать, опять возобновились слезы. Постепенно люди из ближайшего окружения Павла удалялись, что сопровождалось слезами великого князя¹.

Педагогическая деятельность Панина подвергалась различной оценке, как со стороны современников, так и со стороны историков. Тем не менее, ради исторической справедливости, и будучи объективными, отметим, что выбор императрицы был наилучшим, который она могла только сделать в то время. Бесспорно, Панин принадлежал к числу достойнейших и образованнейших людей Елизаветинского царствования. Он много путешествовал, занимал место посланника в Копенгагене, а затем уполномоченного министра в Стокгольме, но после падения Бестужева он, как ставленник канцлера, был отозван в Петербург. Елизавета Петровна давно знала Панина и когда-то была даже к нему неравнодушна, поэтому она вновь приблизила Панина ко двору и доверила ему воспитание своего внука.

В одной исторической рукописи встречается следующая характеристика Панина: «Это был красивый, статный царедворец; 23-х лет он был сделан камер-юнкером, 29-ти – камергером. Всю свою жизнь, от юных лет до самой смерти, он провел в придворной атмосфере, при чем около тринадцати лет состоял по дипломатической части. Всегда приветливый и любезный со всеми, мягкий по манерам, вежливый в обращении, он легко снискал себе уважение придворных, своих и чужих. Ни резкое слово, ни грубое движение никогда не обличало его. По образованию он стоял выше многих современников; многолетнее пребывание за границей и служба среди иноземных людей, к тому же, дипломатов, обогатили его многими познаниями, особенно драгоценными для русского человека того времени... Придворная сфера, как известно, не вырабатывает характеров, а Никита Иванович и по природе своей был скорее податливого, чем твердого нрава... Как царедворец, предпочитал плыть по течению и примиряться с *fait accompli*². Инициативой он не отличался, великих идей не провозглашал и оставил по себе добрую память высокообразованного советника и безукоризненно честного человека»³.

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч., С. 21

² Дело сделано, т.е. с обстоятельствами (перевод автора)

³ Шильдер Н.К. Указ. соч., С. 22

Стоит отметить, что назначение Панина было последним распоряжением императрицы Елизаветы Петровны в деле воспитания великого князя Павла Петровича.

Вот что думала Екатерина по поводу назначения Панина воспитателем сына. Несомненно, она обрадовалась. «Пустота, образовавшаяся по изгнанию Бестужева, теперь заполнена; Панин – Бестужев № 2; он умен, сообразителен, осторожен; с ним можно говорить о государственных делах; он не введет в беду, напротив – остережет при случае. Разговоры Екатерины с Паниным касались, конечно, и будущего, причем выяснилось, что Панин против Петра Федоровича, но не за Екатерину, а за Павла Петровича»¹.

Итак, ни мать, ни отец с сыном не общались. Причем, если мать поначалу стремилась к встречам, к возможностям влиять на воспитание и обучение сына, то отца ребенок не интересовал вовсе. Это стало особенно заметно после воцарения Петра III, который продолжал выказывать к сыну обычное презрительное нерасположение и не обращать на него никакого внимания, почти не встречаясь с ним. По свидетельству княгини Дашковой, император выказывал полное равнодушие к Павлу, и Панину стоило большого труда, чтобы, при содействии Сальдерна и принцев голштинских, добиться присутствия императора при одном экзамене, сделанном цесаревичу. Петр намерен был пожаловать сына капралом гвардии, но Панину удалось, однако, отклонить эту награду под предлогом, что она возбудит тщеславие великого князя и даст ему повод думать, что он уже взрослый человек². Из современников же этого царствования один Штелин упоминает о некотором внимании Петра III к цесаревичу. Навестив однажды великого князя и поцеловав его, государь сказал окружающим: «Из него со времен выйдет добрый малый; пусть пока он остается под прежним надзором; но я скоро сделаю другое распоряжение и постараюсь, чтобы он получил иное, лучшее воспитание, военное, вместо женского»³. Но это воспоминание стоит особняком в

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч., С. 22

² Там же, С. 37

³ Записки Штелина в Чт. О. И. и Д. 1866 г., IV, С. 102 и в сборнике М. Погодина «Утро», Москва, 1868 г., С. 346

истории, и, пожалуй, оно единственное напоминание об отношении отца к сыну.

Далее события разворачивались слишком быстро. Действующий император за довольно короткий срок настроил против себя не только общественность, но и церковь, военных, дворян и т.д. Вскоре был подготовлен и осуществлен дворцовый переворот, в результате которого к власти пришла Екатерина II, мать великого князя Павла Петровича. Петр III находился у власти всего 186 дней. Вот, что говорит В.О. Ключевский о кратком правлении императора: «Случайный гость русского престола, он мелькнул падучей звездой на русском политическом небосклоне, оставив всех в недоумении, зачем он на нем появлялся»¹.

Мы не будем подробно останавливаться на всех перипетиях подготовки и осуществления переворота, поскольку эта тема отдельного исследования. Нас, в рамках данной работы, интересует лишь, что чувствовал Павел, находясь в такой ситуации, что он переживал и чем он вообще был занят все это время, пока шло политическое и личное противостояние между его родителями. Как эти события отразились в дальнейшем не только на характере великого князя, но и на его политических преобразованиях (автор имеет в виду, прежде всего, указ Павла об изменении порядка престолонаследия, то есть исключения всех лиц женского пола из порядка наследования власти).

Не смотря на то, что воцарение Екатерины осуществилось мирным путем и не сопровождалось кровопролитной междоусобной борьбой, тем не менее, на великого князя оказала огромное влияние внезапная смерть отца. И если прибавить к этому нашептывания ближайшего окружения Павла, а также его впечатлительную натуру, то можно с уверенностью сделать вывод о том, что отныне пропасть в отношениях между сыном и матерью только увеличилась.

Прежде всего, Екатерину волновал вопрос состояния здоровья ее сына. Медицинское обследование отпрыска было поручено доктору Крузе, который собрал консилиум для изучения припадков Павла и способов от них избавиться. И вот к каким выводам медики пришли. В записке к императрице было подробно изло-

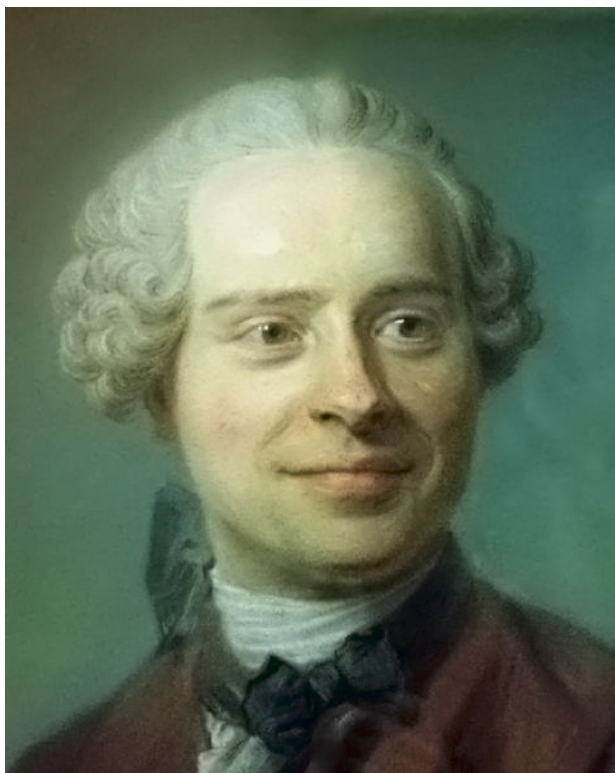
---

¹ Ключевский В.О. Указ. соч.

жено, что цесаревич с самого рождения страдал припадками, которые возникали вследствие накопления кислоты в желудке, позже его начали беспокоить опухоли в железах, которые переходили в нагноении. Иногда он страдал от рвоты, но чаще от поноса. Затем доктор перечислял методы лечения данной болезни, и с ним соглашались остальные медики.

Вскоре наметился переезд двора из Петербурга в Москву, где должна была состояться коронация Екатерины. По дороге Павел заболел, но, тем не менее, в Москву приехал раньше матери и даже участвовал в церемонии торжественного въезда в город будущей императрицы. После окончания придворных торжеств, связанных с вступлением на престол Екатерины II, Павел снова заболел, причем благополучный исход болезни был крайне сомнительным. Во время болезни сына Екатерина не покидала дворца, в случае трагического исхода вновь встал бы вопрос о наследнике.

Пока Екатерина находилась в Москве, она попыталась привлечь к воспитанию сына философа из Европы, некую знаменитость Даламбера.

Даламбер

Она лично ему писала, в переговорах участвовал и Н.И. Панин. Однако Даламбер отклонил приглашение императрицы, облачая свой отказ в шутливую, ироническую форму: «Я очень подвержен геморрою, а он слишком опасен в этой стране», якобы философ не признает в себе дарований для предназначенной ему воспитательной роли: «Если бы дело шло о том, чтобы из принца, о котором вы заботитесь, сделать довольно хорошего математика, порядочного литератора, может быть, посредственного философа, то тогда бы я не отчаивался в успехе, но велико расстояние между геометром, литератором, даже философом, от великого государя, и никто не знает и не доказывает этого лучше вас». На наш взгляд, отказ, возможно, был вызван тем, что философ знал о плохой наследственности мальчика со стороны отца и не верил в способности ребенка к обучению.

После этого события Н.И. Панин до совершеннолетия Павла оставался единственным полноправным распорядителем воспитания цесаревича.

К.Н. Шильдер в свое работе, опираясь на воспоминания князя П.А. Вяземского, вот как описывает воспитательную среду, в которой находился цесаревич после воцарения Екатерины: «Воспитатель молодого великого князя, Панин, всецело оставаясь, как он был, дипломатом и министром иностранных дел, не только руководил в области политики русскими стремлениями и началами, но он был чисто русский с ног до головы. Ум его напитан был народными, историческими и литературными преданиями. Ничто, касавшееся России, не оставалось для него чуждым или безразличным. Поэтому-то он любил свою страну не тою теплою любовью, не тем корыстным и эгоистичным инстинктом человека, занимающего видное место и любящего свое отечество, потому что он любит власть, но он любил Россию с пламенною и животворную преданностью, которая возможна лишь тогда, когда человек привязан к своей родине всеми узами, всем сродством, порождающими общность интересов и симпатий, общность, в которой выливаются в одной и той же любви, прошедшее, настоящее и будущее отечества. Только тогда можно любить и хорошо служить своей стране и своему народу, сознавая в то же время их недостатки, странности и пороки и борясь против них всеми силами и всеми имеющимися в распоряжении средствами.

Всякая другая любовь – любовь сильная, бесплодная, безрассудная и даже пагубная»¹.

Вступив на престол, Екатерина пожаловала цесаревича полковником в лейб-кирасирский полк (до этого он носил звание генерал-адмирала), затем императрица назначила ему содержание в 120 000 рублей в год, а потом подарила ему Каменный остров. Стоит заметить, что ко всем новым назначениям, выпавшим на долю цесаревича во время правления Екатерины, историографы относятся очень оригинально: если наследник стоит в стороне от дел суетных, то раздаётся возглас негодования: Павел забыт, им пренебрегают. Если же Екатерина даёт наследнику какое-либо назначение, выдвигает его – новая беда: императрица этим вниманием развивает непомерную суетность и тщеславие в ребенке. То есть для Екатерины дело обстояло как в сказке об Иване-царевиче и найденных им трех дорогах: везде грозит беда, одна хуже другой.

«Что касается до воспитания молодого князя, то можно и должно заметить, что:

1). Он был воспитан в среде общественной и умственной, быть может, не много не по возрасту для него, но во всяком случае в среде, способной развить его ум, просветить его душу и дать ему серьезное практическое и вполне национальное направление, знакомившей его с лучшими людьми страны, ставившей в соприкосновение со всеми дарованиями и выдающимися талантами эпохи, □ одним словом, в среде, способной привязать его ко всем нравственным силам страны, в которой он будет некогда государем.

Разговоры, которые велись у него за столом и в его присутствии, быть может, неуместные и чересчур эксцентричные, были, однако, вообще поучительны и привлекательны. Они отличались большою свободой ума и откровенностью мнений, что должно было возбуждать и укреплять суждения молодого великого князя и приучать его выслушивать и уважать правду. Это общество – нужно принять это особенно во внимание – не состояло из недовольных и лиц оппозиций, а напротив того, состояло из людей,

---

¹ Князь П.А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. 7-й, С. 69-77 (статья о записках Порошина)

горячо преданных своей государыне и своему отечеству. Поэтому-то они и позволяли себе свободно выражаться и не боялись скомпрометировать себя и повредить делу монархии, порицая то, что им казалось достойным порицания и противным истинным пользам родины, которую они любили, прежде всего.

2). Военный элемент не преобладал в воспитании среди лиц, окружавших юного великого князя. Военные упражнения не отвлекали его от занятий. Его не приучали быть, прежде всего, военным. Конечно, будущий монарх такого великого государства, как Россия не мог оставаться чуждым того, что должно отчасти составлять силу и безопасность государства, но его обучали военному делу с высшей точки зрения, а не погружали в мельчайшие практические подробности, которые только могли бы сбить и ложно направить ум ребенка. Ему отнюдь не вменяли в важнейшие и первейшие обязанности то, что на самом деле для него было бы ни чем иным, как забавою, и неизбежно должно было бы отвлечь его от занятий более серьезных и помешало бы приготовиться к исполнению несравненно более суровых и священных обязанностей.

3). Религиозное воспитание великого князя было особенно тщательно. Кроме своих уроков, архимандрит Платон, бывший впоследствии украшением нашей церкви, занимался каждое воскресенье и каждый праздник благочестивым чтением с учеником своим.

Он был допущен в его общество и часто обедал у него, вследствие чего отношения великого князя к своему законоучителю и духовнику были не только в известных случаях духовные, а в других официальные, но постоянно и вне духовно-служебных обязанностей имели характер душевный. Платон говорил проповеди при дворе. Истины, которые он высказывал во имя слова Божия, имели самой лучшее и благотворное влияние на ум юного великого князя и на весь двор»¹.

Но так ли все было идеально в окружении юного князя, действительно ли его учителя отличали все те благородные черты, которыми его наделяют современники?

---

¹ Князь П.А. Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. 7-й, С. 69-77 (статья о записках Порошина)

Архимандрит Платон

Историк Екатерины II указал на одну существенную черту Н.И. Панина: «Панин не обладал ни энергией замысла, ни решительностью воли, так что ему никогда не могла бы прийти мысль воспользоваться своим питомцем для произведения переворота... Брату Панина, Петру Ивановичу, императрица никогда не доверила своего бы сына»¹.

В характеристике Н.И. Панина, сделанной князем Вяземским, отсутствует еще один оттенок, касающийся непосредственно воспитательной деятельности Никиты Ивановича. Несомненно, никто из современников 1762 г. не знал и не понимал лучше его всех прелестей кратковременного правления Петра III. Будучи сам одним из выдающихся деятелей в деле свержения действующего императора, Панин, тем не менее, не признал нужным

---

¹ Шильдер К.Н. Указ. соч., С. 55

объяснить своему воспитаннику истинные цели переворота 1762 г. и историческое значение воцарения Екатерины, по сравнению с правлением ее предшественников. Напротив того, восхваляя отца и вселяя в сына снисходительное отношение к его заблуждениям, он ни слова не сказал о том, чем Россия обязана Екатерине, а подобное слово, услышанное из уст Панина, имело бы громадное значение для Павла и не прошло бы для него бесследно. Это одно только, на наш взгляд, могло побудить наследника быть продолжателем дел совей матери на пользу России¹.

Действительно, учителя имеют огромное влияние на своих воспитанников, именно от них зависит, как их ученики воспримут ту или иную ситуацию, в данном случае Н.И. Панин, на наш взгляд, поступил самым предательским образом по отношению к своей императрице. Откуда же еще мог почерпнуть великий князь информацию, оценку правления своего отца, если не из бесед со своим главным наставником. В результате такого общения, по мнению Павла Петровича, Петр III вступил на престол и «принялся заводить порядок; но стремительное его желание завести новое помешало ему благоразумным образом приняться за оное. Прибавить к сему должно, что неосторожность, может быть, была у него в характере, и от нее делал многие вещи, наводящие дурные импресии, которые соединившись с интригами против персоны его, а не самой вещи, и погубили его, и заведениям порочный вид старались дать. Чего интриги не в состоянии навести, если благоразумие, осторожность и твердость духа не противостоят им?»² Таким образом, очевидно, что Павлу рассказали историю его отца, как человека, желавшего добра России и ею непонятого, неоцененного, отсюда явилось в великом князе желание подражать отцу.

Стоит отметить, что Н.И. Панин собрал вокруг цесаревича самый лучший педагогический состав, который был возможен в то время. Например, выдающееся значение в воспитании наследника имел бывший флигель-адъютант Петра III, Семен Андреевич Порошин, который находился при цесаревиче с июня 1762 г. Впервые Порошин увидел великого князя на торжественном обе-

---

¹ Лебедев. П. Графы Никита и Петр Панины. Спб., 1863. С. 88

² «Русская старина», т. 33-й, С. 748 (Переписка цесаревича Павла Петровича с графом Петром Ивановичем Паниным в 1778-1779 гг.)

де 30 ноября 1761 г. – Павел Петрович произвел на него настолько благоприятное впечатление, что он уже тогда пожелал со временем попасть в его окружение. И желание его вскоре исполнилось. Хотя Порошин преподавал математические предметы, но его беседы с наследником касались также истории и литературы и имели глубокое воспитательное значение. Профессор В. Иконников пишет: «Весьма много говорит в пользу Порошина замечательная для него начитанность и способность пользоваться в живой беседе известным ему материалом»¹. «Трудно было найти человека, который бы до такой степени привязался к своему питомцу, до такой степени усердно пользовался малейшим случаем, чтобы внедрить впечатлительному и пылкому отроку благородные мысли и чувства, как это делал Порошин. Все советы, какие он давал великому князю, все его замечания и наставления исполнены ума и высокого благородства»².

Семен Андреевич Порошин

---

¹ Иконников В. Разбор сочинения «Цесаревич Павел Петрович» (Отчет о двадцать седьмом присуждении награды графа Уварова), С. 85

² Семевский М. Семен Андреевич Порошин. 1741-1769 / «Русский Вестник», 1866

После себя Порошин оставил дневник, в который вносил все то, что, по его мнению, заслуживало внимания из ежедневных событий жизни цесаревича, записи охватывают период, начиная с 20 сентября 1764 г. и заканчивая 13 января 1766 г. «Записки эти, хотя и неполные, составляют несомненно весьма ценный документ во многих отношениях», писал князь Вяземский. «Кроме главной цели, поставленной себе автором, □ вести изо дня в день отчеты об умственном и нравственном развитии своего августейшего воспитанника, □ записки эти, за неимением других, воспроизводят в легких очерках, в отдельных чертах, верную и живую картину того времени, тогдашних нравов, стремлений и личностей, которые, более или менее, все носили своеобразную печать, чего напрасно искать в наши дни»¹.

Однако, вскоре Порошин был удален из двора и ближайшего окружения Павла. Он один из первых испытал непостоянство характера своего воспитанника. Немаловажную роль в его опале сыграли записки, которые он имел неосторожность прочесть цесаревичу, клятвенно пообещавшему молчать об их существовании. Тем не менее, Павел в один прекрасный день предал своего учителя и рассказал Панину о существовании записок. Никита Петрович потребовал одну из немногих тетрадей для прочтения, и он отметил в Порошине зоркого наблюдателя всего происходящего вокруг великого князя. Затем недоброжелатели автора записок уверили Павла Петровича, что записки со временем будут служить только «к его стыду и посрамлению».

Не смотря на то, что Павел с удовольствием слушал записки, кое-что ему в них не нравилось, и он просил своего учителя часть текста удалить. Естественно, что Порошин не соглашался, и объяснял будущему императору, что история должна быть правдивой. Видимо, эти возражения больно ударили по самолюбию будущего императора, и он затаил обиду. К тому же Порошин имел неосторожность влюбиться в графиню Анну Петровну Шереметьеву, которая сделалась потом невестой Н.И. Панина. Вот лишь те не многие обстоятельства, которые привели к отлучению Порошина от двора. Не помогло в этой ситуации даже заступничество графа Григория Григорьевича Орлова.

---

¹ Князь П.А. Вяземский, Т. 7. С. 69

Открытым остается вопрос об отношениях матери и сына. После смерти Елизаветы Екатерина получила возможность безграничного общения с сыном. И здесь ценным материалом также остаются записки Порошина, который отмечал, что в означенный период Павел был мальчиком десяти, одиннадцати лет. Обращение Екатерины было с ним самым нежным. Он жил при ней, был возле нее не только на больших, но и на малых собраниях при дворе. Сопровождал ее всюду: на маневрах, на охоту. Она присутствовала при его экзаменах, радовалась его успехам и говорила ему, что, «когда его высочество возмужает, то она изволит тогда по утрам призывать его к себе для слушания дел, дабы к тому привыкнуть»¹. Самые приближенные к ней лица, такие как Орловы и Чернышевы, постоянно бывали в покоях Павла и оказывали ему почтительное внимание. Приезжие иностранцы, губернаторы, генералы, все сколько-нибудь замечательные люди тотчас являлись к нему и были приглашены к его столу. Видимо, Екатерина старалась подготовить достойного себе преемника. Но уже в тот период времени мальчик испытывал холодность и недоверчивость к матери, скуку и нетерпение в ее присутствии. Возможно, это были последствия ранней разлуки, возможно, определенную роль сыграли доброжелатели, которые считали Екатерину виновной в смерти Петра III. Тем не менее, даже Порошин, горячо любивший Павла, однажды сказал ему: «*Avec les meilleures intentions du monde, vous vous ferez hair, Monseigneur* (при самых наилучших намерениях, вы заставите себя ненавидеть)»². Вообще в записках иногда встречаются короткие лаконичные заметки о поведении воспитанника, некие черновые варианты, которые наиболее полно отражают особенности характера цесаревича: крик, брань с учителем, лень и тому подобное. Другой наставник Павла □ профессор Эпинус, говорил о нем: «Голова у него умная, но в ней есть какая-то машинка, которая держится на ниточке: порвется эта нитка, машинка завертится, □ и тут конец и уму и рассудку»³.

---

¹ Записки Порошина. С. 422. Екатерина обратилась с этими словами к цесаревичу 9 сентября 1765 г.

² Там же, С. 302

³ Греча Н.И. Записки о моей жизни. Спб., 1886. С. 241

Далее ниже приведем некоторые выдержки из записок Порошина, характеризующие особенности характера Павла Петровича.

29 октября 1764 г. «Часто на его высочество имеют великое действие разговоры, касающиеся кого-нибудь отсутствующего, которые ему услышать случиться. Неоднократно наблюдал я, что, когда при нем говорят в пользу или похвалу какого-нибудь человека, такого человека после увидя, его высочество, особливо склонен к нему является; когда же, напротив того, говорят о ком не выгодно и хулительно, а особливо не прямо к его высочеству с речью адресуясь, но будто в разговоре мимоходом, то такого государь великий князь после увидя, холоден к нему кажется».

7 декабря. «У его высочества ужасная привычка, чтобы спешить во всем: спешить вставать, спешить кушать, спешить опочивать ложиться. Перед обедом за час еще времени или более до того, как за стол обыкновенно у нас садятся (то есть в начале второго часу), засылает тайно к Никите Ивановичу гоф-фурьера, чтобы спросить, не прикажет ли за кушаньем послать, и все хитрости употребляет, чтобы хоть несколько минут выгадать, чтобы за стол сесть пораньше. Об ужине такая же забота. После ужина камердинерам повторительные наказы, чтобы как возможно они скорее ужинали с тем намерением, что, как камердинеры отужинают скорее, так авось и опочивать положат несколько поранее. Ложась, заботится, чтобы по утру не проспать долго. И сие всякий день почти бывает, как ни стараемся его высочество от того отвадить».

24 февраля. «Вечеру назначено ему было видеть ее императорское величество. Его высочество изволил открыться мне, что он опасается, чтобы не удержали его долго у государыни, как идти туда не хочет, что там ему скучно и принужденно, и что принуждение такое ему несносно».

28 февраля. «Хотели было из-за стола уже вставать, не помню, кто-то из нас попросил масла и сыру. Великий князь, осердясь тут на тафельдекера, сказал: для чего прежде не ставите? И потом, оборотясь к нам: это они все для себя воруют. Вооружились мы все на его высочество и говорили ему по-французски, как дурно оскорблять таким словом человека, о котором он, конечно, заподлинно знать не может. Виноват ли он или нет.

Вставши из-за стола, продолжалась сия проповедь. Господин Остервальд и я говорили его высочеству весьма сильно, как дуренный поступок был, и как он тем у людей в ненависть привести себя может. Признавался он в том и раскаивался».

24 марта. «С некоторого времени примечаю я, что его высочество начал становиться слишком резок, и несколько свое нравен».

1 июля. «Побранил Никита Иванович великого князя за его бешенство и кривляние. Все головою вниз мотает».

После того, как Порошин был удален из покоев цесаревича, уже невозможно было проследить отношения между Екатериной и сыном. Приблизительно, можно выделить главные вехи их взаимоотношений:

1. Первая женитьба великого князя в 1773 г.,
2. Вторая женитьба в 1776 г.,
3. Возвращение его из заграничного путешествия, смерть Н. И. Панина и пожалование Павлу Гатчины в собственность.

Очевидно, что в каждый последующий период отношения между матерью и сыном ухудшались, и становилось все более заметным охлаждение между ними. В последние же годы правления матери великий князь, уже достигший тридцатилетнего возраста, зажил совершенно самостоятельной жизнью.

Глава 2 В ОЖИДАНИИ ВЛАСТИ

В 1768 г. цесаревичу Павлу Петровичу исполнилось 14 лет и, согласно воспитательному плану Н.И. Панина, наступило время, когда «учинить особое рассуждение, каким способнейшим образом приступит к прямой государственной науке, то есть: к познанию коммерции, казенных дел, политики внутренней и внешней, войны морской и сухопутной, учреждений мануфактур и фабрик и прочих частей, составляющих правление государства его, силу и славу монаршу»¹.

К этому времени Порошин, который готовил для своего ученика сочинение под заглавием «Государственный механизм», и занимался разработкой особого курса математических наук в связи с особой склонностью своего воспитанника к военному делу, был уже отстранен от двора великого князя.

Теперь же на первый план выдвинулся Остервальд, давний недоброжелатель Порошина, который был довольно посредственным педагогом, и Г.Н. Теплов, который также очень неумело вел преподавание. Оба вызывали у Павла Петровича лишь скуку и раздражение.

Не смотря на то, что его учителя во главе с Н.И. Паниным предпринимали все попытки отвлечь цесаревича от военных игр, склонности к экзерцирмейстерству, к парадомании, к военному дурачеству проявилось в нем очень ярко.

Вот как Порошин объясняет данную склонность к тонкостям военного дела своего воспитанника: «Его императорское высочество готовится к наследию престола величайшей в свете империи Российской; многочисленное и преславное воинство ждать будет его мановения, науки и художества просить себе промицания его и покровительства, коммерция и мануфактуры неутомимого попечения и внимания, пространные реки удобного соединения требовать будут; словом сказать, обширное государство несчетные пути откроет, где может поработать учение, остроумие и глубокомыслие великое, и по которым истинная слава во всей вселенной промчится и в роды родов не умолкнет. Таковы ли огромные дела оставляя, пуститься в офицерские мелко-

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч., С. 55

сти? Пренебреженно тем было великое служение, к коему его императорское высочество призывает промысел Господний. Я сам до военного дела великий охотник. Главнейшее мое упражнение всегда было в нем и в тех науках, кои ему основание служат, кои его освещают и приводят в систему. Но в данном случае не своей охоте следую, а беру в рассуждение звание государя и благополучие сограждан своих. Я не говорю, чтобы государь совсем не упоминал про дело военное. Никак, в том опять было сделано упущение, но надобно вложить в мысли его такие сведения, кои составляют великого полководца, а не исправного капитана или прапорщика. Если бы кто сказал, что надобно собой показать пример в повиновении и в исправности офицерской, тому отвечал бы я, что армия уже ныне не такая, как была до первой Нарвской битвы, что порядок и подчинение в оной господствует, и что ежели из десяти полков в одной роте и сыщется какой прапорщик беспорядочный, для того потребно ли великому государю спускаться до неприличной его низости; капитан наказанием или своим примером даст таковому наставление. Сверх сего, в безделки спускаться весьма опасно. Они и такого человека, который совсем к ним не склонен, притянуть к себе могут. Лениности нашей то весьма угодно, а тщеславие не применит уже стараться прикрыть оную видимой пользой и необходимости. Легче в безделках упражняться, нежели в делах великих. Таким образом, пораздумавшись, положил я в себе твердо, чтобы государю к оным и тому подобным мелочам отнюдь вкусу не давать, а стараться, как можно приучить его к делам генеральным и государственной великости достойным»¹.

Поскольку к цесаревичу довольно часто приходили обедать именитые люди, то за столом велись различные разговоры, которые касались и дел государственных. Очень часто обсуждались и военные дела, одни хвалили русскую армию и восхищались ее превосходством, другие же наоборот преклонялись перед прусским образцом военной службы. Очень часто тема подобных разговоров шла вразрез с взглядами Н.И. Панина. Лишь Порошин опасался влияния подобных разговоров на впечатлительный ум цесаревича, поскольку очень часто отмечал в своих записках

---

¹ Записки Порошина. С. 24 (Запись 1 октября 1764 г.)

склонность своего воспитанника очень много воображать, надумывать и довольно часто пребывать в вымышленном мире, где он командует полками.

Интересно отметить тот факт, что в рассматриваемый в этой главе период произошло очень важное событие для России, а именно для здоровья нации. В 1768 г. в Российской империи распространилась оспенная эпидемия. Екатерина поставила вопрос о том, чтобы ввести оспопрививание. Для этой цели был вызван из Англии доктор Димсдаль¹.

Почти два месяца он осуществлял подготовку вакцины, и наконец, Екатерина первая ее испытала на себе. Оспопрививание прошло успешно. Следующий, кто подвергся данной процедуре, был Павел Петрович. В своих воспоминаниях о пребывании в России Димсдаль пишет: «Никто, я думаю, не прочтет этого отчета, не изумившись, как неосновательно обращались с великим князем во время его детства.

Доктор Димсдаль

---

¹ Английский врач, вызванный из Лондона в 1768 году для введения в России прививок от натуральной оспы. Императрица Екатерина II, сознавая опасность заражения оспой, поручила привить оспу ей и великому князю Павлу Петровичу. Предстоящее мероприятие держалось в строгой тайне. Императрица выехала в Царское Село, где Димсдаль сделал ей прививку. Выздоровление императрицы и ее сына стало знаменательным событием в жизни русского двора. Его жена, баронесса Элизабет Димсдаль приезжала на следующий год вместе с мужем в Россию и Царское Село и оставила об этом путешествии пространные заметки.

Г. Фуссадье уверял, что тому была причиною чрезмерная нежность покойной императрицы Елизаветы, которая взяла на свое попечение наследника империи с самого дня его рождения. Хотя она вообще была государыня весьма осторожная, но, к несчастью, она имела предубеждение в пользу некоторых старых дам, коим она вверила попечение о воспитании великого князя. Несмотря на все эти неприятные обстоятельства, я с радостью убедился, что великий князь был прекрасно сложен, бодр, силен и без всякого природного недуга. Цесаревич и великий герцог Голштинский Павел Петрович, единственный сын ее величества, росту среднего, имеет прекрасные черты лица и очень хорошо сложен. Его телосложение нежное, что происходит, как я полагаю, от сильной любви к нему и излишних о нем попечений со стороны тех, которые имели надзор над первыми годами наследника и надежды России. Несмотря на то, он очень ловок, силен и крепок, приветлив, весел и очень рассудителен, что не трудно заметить из его разговоров, в которых очень много остроумия. Что касается до его воспитания, то едва ли есть принц, которому было оказано более заботливое внимание. Он имеет по всем наукам отличных учителей, которые каждый день приходят его наставлять, и им он посвящает большую часть своего времени. Утро проводит он весьма прилежно с ними, около полудня он отправляется изъявить свое почтение императрице, после того он проводит несколько времени с дворянами, которые имеют честь обедать за его столом. Окончив обедать, после кофе, он отправляется к своим учебным занятиям, в свои внутренние покои, до самого вечера»¹.

Несмотря на все внутренние и политические события Екатерина никогда не забывала вопроса огромной династической важности, который заключался в заблаговременном подборе невесты для наследника. Решение данного вопроса требовало сбора сведений о немецких принцессах. Императрица избрала в этом деле своим дипломатическим агентом бывшего датского посланника в Петербурге Ассебурга, прусского подданного,

---

¹ Сборник ИРИО, т.2 (Записка барона Димсдаля о пребывании его в России в 1768 г.). С. 313, 321

сумевшего во время пребывания в России заручиться поддержкой Екатерины.

Пока Екатерина подыскивала сыну невесту, при дворе интриговали, а придворная обстановка этому как нельзя лучше способствовала. Интриги были связаны с тем, что в 1772 г. цесаревичу исполнилось 18 лет и его сторонники вообразили: отныне он должен принимать самое активное участие в управлении государством, а Екатерина должна непременно поделить свою власть или даже уступить престол. Однако не следует забывать, что закона, определявшего срок совершеннолетия для наследника престола, тогда не было. Лидером одного из заговоров был некий Сальдерн, мечтавший о перевороте и втянувший в свои интриги Павла Петровича, который первоначально скрыл все от Н.И. Панина.

Каспар фон Сальдерн

Переговоры между заговорщиками велись письменно. Вскоре цесаревич признался во всем своему учителю, и тот убедил великого князя отвергнуть предложение заговорщика. А вскоре и сам Сальдерн был выслан из столицы. Но придворные интриги усложнились внезапно в виду новых обстоятельств, связанных с графом Г.Г. Орловым, который 25 апреля 1772 г. отправился на конгресс в Фокшаны, а на политическую арену вышел Васильчиков.

Панин был давним антагонистом Орловых и их партии, поэтому несказанно обрадовался сложившейся ситуации и поддерживал в тех же мыслях цесаревича (опять мы подчеркиваем мысль о том, что Павел поддавался влиянию окружающих, не имел своего мнения и доверял во всех важных государственных вопросах и перестановках своему учителю).

Данная ситуация отразилась на взаимоотношениях матери и сына. Достаточно было со стороны графа Панина проявить примирительное настроение, чтобы вызвать подобное чудо. Насколько улучшились их взаимоотношения можно видеть из следующих строк письма Екатерины к г-жен Бельке от 24 августа 1772 г. Императрица пишет: «Во вторник я возвращаюсь в город вместе с моим сыном, который не хочет уже оставлять меня ни на шаг, и которого я имею честь так хорошо забавлять, что он за столом иногда меняет записки, чтобы сидеть со мной рядом»¹. Однако вскоре такая идиллия закончилась.

Как только граф Орлов узнал о переменах, которые произошли при дворе, он тотчас возвратился в Петербург, (к тому же и переговоры зашли в тупик). По прибытии в Гатчину ему было велено выдержать карантин, затем он отправился в отпуск в Ревель. Тем не менее, в мае 1773 г. он окончательно вернулся в Петербург и приступил к выполнению прежних своих обязанностей. Панин и цесаревич остались этими переменами очень недовольны.

Все эти интриги и связанные с ними волнения не прошли бесследно для великого князя. Он ушел в себя, в его характере стали проявляться подозрительность и мнительность. Он стал

---

¹ Сборник ИРИО, т.13. С. 259-261 и 265-266

опасаться за свою жизнь, боялся, что его отравят. Правда, некоторую долю успокоения цесаревич находил в дружеских беседах с близким ему графом А.К. Разумовским.

Андрей Кириллович Разумовский

«Как мне было тяжело, дорогой друг, быть лишенным вас в течение всего этого времени. Впрочем, клянусь вам, еще большое счастье, что все идет у нас хорошо, и что решительно не произошло ничего не приятного как в нравственном, так и в физическом отношениях. Я проводил свое время в величайшем согласии со всеми окружавшими меня, □ доказательство, что я держал себя сдержанно и ровно. Я все время прекрасно чувствовал себя, много читал и гулял, настоятельно помня то, что вы так рекомендовали мне, я раздумывал лишь о самом себе, и благодаря этому (по крайней мере, я так думал), мне удалось отделаться от беспокойств и подозрений, сделавших мне жизнь крайне тяжелой.

Конечно, я говорю это не хвастаясь, и, несомненно, в этом отношении вы найдете меня лучшим. В подтверждении я вам приведу маленький пример. Вы помните, с какого рода страхом или замешательством я поджидал момент прибытия принцессы. И вот теперь я поджидаю их с величайшим нетерпением. Я даже считаю часы... Я составил себе план поведения на будущее время, который изложил графу Панину, и который он одобрил, □ это как можно чаще искать возможности сблизиться с матерью, приобретая ее доверие, как для того, чтобы по возможности предохранить ее от инсинуаций и интриг, которые могли бы затеять против нее, так и для того, чтобы иметь своего рода защиту и поддержку в случае, если бы захотели противодействовать моим намерениям. Таковы мои планы; вы, конечно, одобрите их... Я ожидаю вас с большим нетерпением и точно мессию»¹.

Через несколько дней цесаревич продолжил изложение своей откровенной исповеди Разумовскому: «Раз уж было принято за принцип стараться по возможности жить со всеми в самых сердечных отношениях, все прошло благополучно и спокойно как внутри, так и извне. Я поступал так и заметил, что очень часто наши собственные ошибки являются первоначальными причинами обратных явлений, что вызывается беспокойством, которое мы допускаем проявляться внутри самих себя, и которое заставляет нас считать черным если не белое, то серое. Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства, поведение ровное и отвечающее лишь обстоятельствам, которые могли бы встретиться, □ вот мой план; счастлив буду, если мне, удастся мой план или, вернее, наш общий проект. Я обуздываю свою горячность, насколько могу; ежедневно нахожу поводы, чтобы заставлять работать мой ум и применять к делу мои мысли... Не переходя в сплетничество, я сообщаю графу Панину обо всем, что предоставляется мне двусмысленным или же сомнительным. Вот в нескольких словах все то, что происходит во мне, и все, что я делаю в духовном отношении; что же касается физической стороны, то порядок жизни приблизительно почти тот же, который вы оставили при отъезде, то есть совершенно однообразный»².

---

¹ Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. Т. 3, часть 1-я. С. 16

² Там же.

Таким образом, мы видим, что цесаревич был воодушевлен и позитивно настроен в ожидании принцессы, и, как заметно, свое счастливое состояние он выражает правильными и хорошими словами. Однако, на наш взгляд, это были всего лишь намерения, планы, для осуществления которых очень часто у великого князя не было выдержки. Его характера хватало только на мгновение, возникновение непредвиденных обстоятельств, проблем или огорчений вызывало у Павла неразумную вспышку гнева. Иногда после этого шло сожаление, но чаще всего задуманное хорошее дело отодвигалось на недостижимую даль и оставалось лишь словами на бумаге.

Интересно, что если цесаревич хотел, то внешние формы его общения отличались приветливостью, изысканной вежливостью, любезностью. Все эти черты благоприятно поражали лиц, мало его знавших, от которых ускользали неприятные стороны его характера и мрачные думы, которые терзали его разум и отравляли ему существование.

Итак, сватовство состоялось. Принцессы прибыли в Ревель в июне 1773 г. Первое свидание с женихом произошло по дороге в Царское Село. Павел должен был выбрать одну из трех. Императрица предоставила сыну полную свободу выбора, но дала ему на размышление три дня. По словам Екатерины, цесаревич с первой же встречи полюбил принцессу Вильгельмину, которая ответила ему взаимностью. На четвертый день началось обучение принцессы русскому языку, преподавание ей Закона Божьего. Однако, согласно другим сведениям, все было искусно подведено к тому, чтобы выбор Павла пал именно на нее. Он оказался просто марионеткой в руках более опытных политических деятелей. Граф Панин, желания которого совпадали с намерениями Фридриха Великого, стоявшего за принцессой Вильгельминой, повел дело таким образом, чтобы Павел Петрович незаметно для себя свыкся с мыслью считать ее своей будущей невестой. И уже в августе 1773 г. в церкви Зимнего дворца было совершено миропомазание принцессы Вильгельмины, которая была наречена Натальей Алексеевной, а на другой день в церкви Летнего дворца состоялось обручение ее и цесаревича.

Великая Княгиня Наталья Алексеевна

Данное обстоятельство послужило тому, что Екатерина уволила графа Н.И. Панина с должности обер-гофмейстера великого князя, что олицетворяло окончание воспитания и обучения наследника. За графом осталось заведование иностранными делами.

Императрица щедро отблагодарила многолетнего сотрудника своего правления. Были даны:

1. Звание первого класса в ранге фельдмаршала с жалованием и столовыми деньгами по чину канцлера;
2. 4.512 душ в Смоленской губернии;

3. 3.900 душ в Псковской губернии;
4. Сто тысяч рублей на ведение дома;
5. Ежегодный пенсiон в 25.000 рублей, сверх получаемого им уже ранее пансионa в 5.000 рублей;
6. Ежегодное жалование по 14.000 рублей;
7. Велено купить для него в Петербурге дом, который он сам выберет в городе;
8. Серебряный сервиз в 50.000 рублей;
9. Провизию и вина на целый год;
10. Экипаж и ливреи придворные.

Сверх всех этих наград императрица удостоила еще графа Панина собственноручным письмом: «Граф Никита Иванович! Сoвокупные важные ваши труды в воспитании сына моего и, притом, в отправлении дел обширного иностранного департамента, которые вы несли и отправляете с равным успехом столько лет кряду, часто в течение оных во внутренности сердца моего возбуждали чувства, разделяющие с вами все бремя сих, силу человеку данную, исчерпаемых упражнений; но польза империи моей, по горячему всегдашнему моему попечению о благом устройстве всего, мне от власти Всевышнего врученного, воспрещала мыслить прежде времени облегчить вас в тягостных упражнениях, доверенностью моею вам порученных. Ныне же, когда приспела зрелость лет любезнейшего сына моего, и мы, на двадцатом году его от рождения, с вами дождались благополучного дня брака его, то, почитая по справедливости и по всесветному обыкновению воспитание великого князя тем самым оконченным, за долг ставлю вам при сем случае изъяснить мое признание и благодарность за все приложенные вами труды и попечения о здравии и украшение телесных и душевных его природных дарований, о коих, по нежности материнской любви и пристрастию, не мне пригоже судить; но желаю и надеюсь, что будущие времена в том, оправданием служить будут, о чем Всевышнего ежедневно молю усердно. Окончив с успехом, соединенным с моим удовольствием, важную такую должность и пользуясь сим утешением, от нее вам происходящим, обратите ныне с бодрым духом все силы ума вашего к части дел империи, вам от меня, вверенной и на сих днях вновь подтвержденной, и доставьте трудами своими согражданам вашим желае-

мый мною между всеми добрый мир и тишину, дабы дни старости вашей увенчаны были благословением Божиим благополучия всеобщего, после бесчисленных трудов и попечений. Пребываю вечно с отменным доброжелательством»¹.

Бракосочетание цесаревича состоялось в конце сентября 1773 г. в Казанской церкви, празднества продолжались двенадцать дней и закончились фейерверком на площади возле Летнего дворца. Цесаревич был счастлив и доволен, великая княгиня была почтительна и внимательна к императрице. Все были счастливы. Каждый играл свою роль при дворе. Однако, семейная идиллия не продержалась и года. Вскоре Екатерина разочаровалась в характере своей невестки и не скрывала данного обстоятельства от окружающих.

Уволив графа Н.И. Панина с должности обер-гофмейстера великого князя, Екатерина 5 ноября 1773 г. назначила состоять при цесаревиче генерал-аншефа Николая Ивановича Салтыкова.

Николай Иванович Салтыков

---

¹ Сборник ИРИО, т. 13. С. 361

Императрица снабдила его особой инструкцией¹ и по этому случаю написала сыну следующее письмо: «Я назначила к вам генерала Салтыкова. Таким образом, при вас будет выдающееся лицо, и не для того, чтобы придать важности вашим выходам, но и для того, чтобы он держал в должном порядке лиц, назначенных состоять при вас соответственно вашему званию. Он будет представлять вам иностранцев и других лиц, он будет заведовать вашим столом и прислугою, смотреть за порядком и внешностью, требующиеся при дворе. Этот человек, преисполненный честности и кротости, которым были довольны везде, где он употребляем, поэтому я не сомневаюсь, что вы поладите, и что он поведением своим постарается заслужить ваше благорасположение, которое прошу вас ему оказать.

Ваши поступки очень невинны, я это знаю и убеждена в том, но вы очень молоды, общество смотрит на вас во все глаза, а оно – судья строгий; чернь во всех странах не делает различия между молодым человеком и принцем: поведение первого, к несчастью, слишком часто служит к помрачению доброй славы второго. С женитьбою кончилось ваше воспитание; отныне невозможно оставлять вас в положении ребенка и в двадцать лет держать вас под опекою; общество увидит вас одного и с жадностью следить будет за вашим поведением. В свете все подвергается критике, не думайте, что пощадят вас, либо меня. Обо мне скажут: она предоставила этого неопытного молодого человека самому себе, на его страх, она оставляет его окруженным молодыми людьми и льстивыми царедворцами, которые развратят его и испортят его ум и сердце; о вас же будут судить, смотря по благоразумию или неосмотрительности ваших поступков, но подождите немного. Это уже мое дело вывести вас из затруднения и унять это общество и льстивых и болтающих царедворцев, которые желают, чтобы вы были Катонном в двадцать лет, и которые стали бы негодовать, коль скоро вы бы им сделались. Вот что я должна сделать; я определяю к вам генерала Салтыкова, который, не имея звания гофмаршала вашего двора, будет исполнять его

---

¹ Русский Архив. 1884 (Изд. 2). С. 482. «...но не спешите всем и без всякой суеты, ибо сначала думать надлежит, что, по молодости и по другим побочным причинам, он несколько дичиться станет. Но вы на это не смотрите и возьмите одинаковое, ровное и почтительное поведение».

обязанности, как увидите из приложенной записки, в которой я подробно перечисляю его обязанности. Сверх сего приходите ко мне за советом так часто, как вы признаете в том необходимость: я скажу вам правду со всей искренностью, к какой только способна, а вы никогда не оставайтесь недовольным, выслушав ее. Вдобавок, чтобы основательнее занять вас, к удовольствию общества, я назначу час или два в неделю, по утрам, в которые вы будете приходить ко мне один для выслушивания бумаг, чтобы ознакомиться с положением дел, с законами страны и моими правительственными началами. Устраивает это вас?»¹

Таким образом, из этого письма Екатерины к цесаревичу видно, что на данном этапе взросления императрица видит в нем своего наследника и даже немного начинает готовить к занимаемому в будущем положению.

Однако, не смотря на все принятые меры со стороны Екатерины, Павел встретил Салтыкова достаточно враждебно, но постепенно их отношения стали меняться к лучшему. Вскоре цесаревичу донесли, что Салтыков приставлен к нему с целью наблюдения за каждым действием новой семьи и личным докладом Екатерине. Соответственно, Павел немедленно передал услышанное императрице. Раздражительность в соединении с крайней впечатлительностью и подозрительностью по-прежнему не покидали великого князя. Подобное поведение сына сильно беспокоило Екатерину. Здесь следует привести пример подобного, который очень часто историки вставляют в свои исследования, стремясь очернить еще больше образ Павла Петровича. «Незадолго до отъезда в Царское Село ему подали за ужином блюдо сосисок, кушанье, до которого он большой охотник, и в нем он нашел множество осколков стекла; в первую минуту гнева он поспешно встал из-за стола и, взяв с собою блюдо, отправился прямо в комнаты императрицы и с величайшим раздражением высказал ей, что этот случай доказывает ему намерение отравить его. Императрица была чрезвычайно поражена этим подозрением, так же как и небрежностью прислуги, послужившей единственным поводом к тому»².

---

¹ Русский Архив. 1864. С. 485

² Сборник ИРИО, т. 19. С. 889

Появление Потемкина при дворе вызвало еще большее недовольство со стороны Павла. Новый фаворит отличался умом и сообразительностью, и его влияние вскоре почувствовалось в государственных делах, в то время как самолюбивый наследник по-прежнему оставался в тени и «должен был без дела и без скуки сидеть, поджавши руки»¹. Такие обиды не прощаются, в особенности, когда обиженный чувствует за собой законное право быть чем-то другим. К тому же цесаревич усмотрел еще в Потемкине не только врага по убеждениям, но и, в первую очередь, соперника, который пользовался доверием императрицы, а это преимущество он считал своим исключительным законным правом. Впрочем, в Павле мы видим типичного сына-эгоиста, который искренне считает себя центром Вселенной, любовь и забота матери которого должны принадлежать всецело ему одному.

В 1744 г. цесаревич представил императрице записку «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оного, и касательно обороны всех пределов». В этой записке, которая по существу является ни чем иным, как жестокой критикой царствования, которое началось в 1762 г. В ней наглядным образом отразилась политическая и военная мудрость Н.И. Панина и его брата. Екатерина – умная женщина – сразу же узнала в «записке» мысли своих двух непримиримых врагов, а сына признала их послушным последователем. Графы Панины никогда не скрывали, что выступали против Екатерины, но за Павла Петровича. А цесаревич был, еще раз повторимся, легко внушаемым и к тому же с глубокой привязанностью и доверием относился к своему учителю. К тому же, ему импонировала сама мысль о том, что он незаконно лишен власти и именно он достоин править Российской империи.

Итак, Павел начинает свою записку с объяснений, что Российской империи необходим покой, что это истина бесспорная, но иной раз трудно осуществимая и применимая к политической жизни народов. Рисуя картину бедственного положения империи, цесаревич приходил к заключению, что России следовало отказаться от наступательных войн и устроить военную систему государства для обороны. С этой целью великий князь предлагал покрыть Россию чем-то

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч., С. 97

вроде военных поселений и ввести строгую регламентацию в военном деле и для этого дать войскам подробнейшие штаты, уставы, инструкции. Введением строжайшей подчиненности, по мнению Павла Петровича, была бы достигнута цель, когда «никто от фельдмаршала до солдата не мог извиниться недоразумением, начиная о мундирных вещах, кончая о строе». То есть строгая регламентация, по поводу которой было справедливо замечено: «Необыкновенное развитие бюрократии и формалистики, довольствование наружностью, не проникая во внутренность вещей и дел, а главное тяжелый уровень, наложенный на всякую мысль или желание, выходящее из принятого порядка – вот что было последствием централизации, при столь обширной территории, как русская»¹.

«Рассуждение» свое цесаревич окончил следующими словами: «Показав теперь все то, что к равновесию потребно, и какую военная часть связь и пропорцию иметь должна в рассуждении всего государства,... совершил намерение себя сделать полезным государству, писав сие от усердия и любви к отечеству, а не по пристрастию или корысти, в такое время, где, может быть, многое, забыв первые два подвига, заставившие меня писать, следует двум последним, а что больше еще, и жертвуя всем тем, чего святее быть, не может. А сему я был сам очевидцем и узнал сам собою вещи, и как верный сын отечества молчать не мог».

Своим сочинением великий князь в глазах матери окончательно уронил свою политическую правоспособность. Екатерина ставила интересы государства выше всего, приносила им в жертву все другие соображения и чувства, цель оправдывала средства. Признавая невозможность переубедить сына и справедливо полагая, что ближайшее участие цесаревича в управлении государством привело бы только к бесполезному столкновению его с разными лицами иного образа мыслей, императрица решила оставить наследника в стороне от дел, ограничиваясь только самыми необходимыми сообщениями. Великий князь посмел не только критиковать существующее положение дел в государстве, но он открыто заявил, что не одобряет политики матери и требует в корне ее изменить. Что было невозможным, прежде всего, по эти-

---

¹ Лебедев П. Графы Панины. М., С. 199

ческим соображениям. К тому же агрессивная, наступательная внешняя политика Екатерины позволила не только сохранить, но и значительно расширить государственные границы, сделала Российскую империю мощнейшей державой в мире.

Вынужденное бездействие не могло благотворно повлиять как на дальнейшее развитие характера Павла, так и на дальнейшие благополучные взаимоотношения между матерью и сыном. Он продолжал видеть все в мрачных красках, все вокруг него не делалось так, как ему хотелось. Его раздражительность и подозрительность усиливались. Екатерине оставалось только одно утешение – терпеливо ждать появления внука, чтобы уже в нем воспитать достойного себе преемника. Однако и этим надеждам пришлось не скоро сбыться.

Юная княгиня со временем обрела большое влияние на своего мужа, она умело им управляла и даже относилась к нему деспотически. Она постепенно удаляла его от важных дел, осуждая его действия в тесном кругу лиц, во главе которого стоял ближайший друг Павла, граф А.К. Разумовский. Дело дошло до того, что императрица сочла нужным вмешаться и предостеречь сына от козней его друга. Но все было тщетно. Великая княгиня со слезами на глазах убедила своего мужа в противном, и в результате у цесаревича появился новый повод к гневу против матери, будто бы желавшей преднамеренно рассорить его с горячо любимой женою. Семейные раздоры разрешились, когда у княгини проявились явные признаки беременности. К сожалению, при родах великая княгиня Наталья Алексеевна скончалась. Дело по продолжению династии приходилось начинать сначала.

Решительный образ действий императрицы сделал открытым вопрос о вторичном браке цесаревича. И вновь внимание Екатерины остановилось на виртембергской принцессе Софье-Доротее, которая ранее уже приглянулась ей, но была слишком мала и не могла быть признана в Россию. Теперь же обстоятельства изменились. На этот раз мысли сына не расходились со взглядами матери.

5 мая 1776 г. цесаревич писал своему бывшему законоучителю, архиепископу Платону: «За долг свой почитаю благодарить вас за труды ваши в наставлении, за дружбу и за все сделанное вами перед самой кончиной покойницы. Я имел всегда причины

быть вам благодарным и любить вас по бытности вашей при мне в младенчестве моем и по трудам и старанию, приложенными вами к воспитанию моему. Еще имею причину взирать на вас, как на друга своего. Ваше преосвященство были всегда свидетелем и подкреплением тех чувств сердечных моих, которыми я всегда наполнен. Вы знаете сердце и намерения мои. Сколь же приятно мне знать, что есть на свете люди, которые отдают справедливость честности и чистоте духа»¹. Вот в этой задушевной исповеди, которая была написана в трудные минуты жизни, отразился возвышенный образ мыслей цесаревича, когда он не действовал под впечатлением тягостных воспоминаний далекого прошлого или же в гневе, вызванном соприкосновением с неприятными для него сторонами придворной жизни; в последнем случае светлый ум его затемнялся, и гневные речи, а порой, и злобные поступки отталкивали от него лучших друзей и почитателей, вызывая в нем самом новые тягостные разочарования и позднее раскаяние. Трагический исход первого брака повлиял на усиление именно дурных сторон его характера, впрочем, к тому времени уже сложившегося.

Встреча Павла с новой невестой должна была произойти в Берлине.

В течение всего этого путешествия, между ним и императрицею происходила самая оживленная переписка, которая позволяла следить за всеми впечатлениями и эмоциями, которые испытывал великий князь на пути к прусской столице. Не смотря на то, что он находился далеко от матери, как это и парадоксально звучит, но путешествие сблизило их, в письмах они открыто и довольно искренне говорили друг с другом.

Первая более продолжительная остановка цесаревича произошла в Риге, где он нашел в военном ведомстве страшные беспорядки, о чем незамедлительно сообщил матери. Екатерина, отвечая цесаревичу, старалась успокоить его, обещала расследовать беспорядки, но прибавила не лишнее юмора заключение: «Сердцем, конечно, жалею о подобных нестройностях и давно знаю пословицу, что в большой семье без уроды не бывает». Вос-

---

¹ Русский Архив. 1887. Кн. 2-я. С. 9

пользовавшись случаем, императрица заговорила о вреде подражания прусскому королю.

Из Риги Павел отправился в дальнейший путь через Митаву. Вообще, все путешествие по прусским владениям явилось сплошным триумфальным шествием, которое могло вскружить голову и произвести неизгладимое впечатление и на более хладнокровного путешественника, чем цесаревич, который не привык служить предметом такого повышенного внимания к своей персоне. В июле состоялся торжественный въезд наследника в Берлин, где он исполнил свою давнюю мечту – встретиться с Фридрихом Великим.

13 июля великий князь сообщил императрице о своем сговоре с принцессой виртембергской следующим письмом: «Бог благословляет все намерения ваши, ибо благословляет он всегда доброе. Вы желали мне жену, которая бы доставила нам и утвердила домашнее спокойствие и жизнь благополучную. Мой выбор сделан, и вчера по рукам ударили; припадаю с сим к стопам вашим и с тою, которая качествами своими и расположениями приобретет милость вашу и будет новым домашним союзом. Препоручаю невесту свою в милость вашу и прошу о сохранении ее ко мне. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбора своего не стыжусь. Что же касается до сердца ее, то имеет она его весьма чувствительное и нежное, что я видел из разных сцен между родней и ею. Ум солидный, знаниями наполнена, и что меня вчера весьма удивило, так разговор со мной о геометрии. Весьма проста в общении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкой, жадничает учиться по-русски»¹.

Императрица осталась довольна счастливым исходом путешествия, которое предпринял цесаревич, и отвечала ему истинно материнскими прочувственными строками: «Письма ваши меня веселят, ибо вижу, что вы в пути вашем здоровы и благополучны. Бог да благословит вас и обратный путь ваш. Жду тебя нетерпеливо, любопытно узнать из уст ваших все подробности сего путешествия»².

---

¹ Русский Архив. 1887. Кн. 2-я. С. 15

² Там же

Фридрих Великий

В свою очередь, Фридрих Великий писал Екатерине, что он доволен встречей с принцем, что он восхитил его своими манерами и умом. Но в своих исторических трудах он ближе всех подошел к истине и начертал совершенно иную характеристику своего высокого гостя, выводы которой можно назвать пророческими. Король пишет: «Мы не можем пройти молчание суждение, высказанное знатоками относительно характера этого молодого принца. Он показался гордым, высокомерным и резким, что заставило тех, кто знает Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором, будучи призван управлять народом грубым и диким, избалованном к тому же мягким правлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца»¹.

Пребывание цесаревича в Берлине сопровождалось для него неизгладимыми впечатлениями; дремавшие в нем думы, неясные стремления оживились и выступили в его воображении уже в жи-

---

¹ Oeuvres de Frederic le Grand. Berlin. 1847. T. 6. P. 122

вых образах, усилилось его пристрастие к Пруссии, усилилась страсть к милитаризму. И если Екатерина называла прусскую военную систему «обрядом неудобноносимым», то цесаревич с подобными взглядами не мог смириться, и со времени поездки в Пруссию разлад между сыном и матерью на политической почве только усилился.

Павел настолько боялся повторения печального опыта, связанного с первым браком, что составил своей невесте наставления, как должно себя вести с императрицей и с ним самим¹.

По поводу желательного обращения с ним принцессы великий князь писал: «Ей придется, прежде всего, вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость. Я желал бы, чтобы она принимала снисходительно все то, что я могу выразить, иногда даже быть может, довольно сухо, хотя и с добрым

---

¹ Наставление великого князя Павла Петровича было впервые напечатано в русском переводе Е.С. Шумигорским в «Русской Старине» 1898 г., т. 93. с. 247. Рукопись начинается перечислением краткого содержания 14 статей наставления, а затем уже следует подробное объяснение каждой статьи.

1-я статья касается религии, т.е. того, что надобно соблюдать по отношению к церковным обрядам, обычаям

2-я статья касается императрицы и поведения принцессы по отношению к ней

3-я статья касается желательного обращения принцессы с великим князем

4-я статья касается русской публики, следовательно, косвенно и репутации принцессы в чужих краях

5-я статья касается русского народа, который легко может быть оскорблен в своих чувствах

6-я касается русского языка и необходимых сведений о России

7-я касается личного штата и прислуги принцессы

8-я касается денег, гардероба и иных расходов

9-я касается доверия, какое принцесса должна иметь к супруге фельдмаршала

10-я касается образа жизни вообще

11-я касается тех лиц, с коими великий князь и принцесса могли сталкиваться в обществе

12-я касается образа жизни дома и лиц, допущенных в домашний кружок.

Следующим двум статьям великий князь придавал особо важное значение.

13-я. Никогда не вмешиваться ни в какое дело, непосредственно не касающееся принцессы, тем более ни в какие интриги и пересуды

14-я. Не принимать ни от кого, кроме лиц, специально для того приставленных, а тем более от прислуги, никаких, хотя бы самых ничтожных советов или указаний, не сказав предварительно обо этом великому князю.

намерением, относительно образа жизни, умения одеваться и тому подобное».

Принцесса Софья-Доротея (Мария Федоровна)

Императрица увидела принцессу в конце августа в Царском Селе. Она полностью соответствовала ее ожиданиям. Все были счастливы и довольны; даже иностранные дипломаты, всегда готовые воспроизводить в своих донесениях всякое злословие, должны были признать, что в императорской семье царствовало согласие, которое никогда прежде не случалось замечать в столь высокой степени. Об этом внутреннем мире может свидетельствовать следующая записочка принцессы Софьи-Доротеи, посланная к цесаревичу после посещения ее Екатериной: «Императрица только что вышла от меня; Боже мой, какая она чудесная; я обожаю, до безумия люблю ее; это посещение доставило мне такое большое удовольствие, что я захотела тот час же уведомить вас о том, так как хочу разделить с моим дорогим князем все мои хо-

рошие мгновения: маленькое следствие дружбы, которую я испытываю к нему»¹.

Цесаревич препроводил эту записочку императрице, сделав на ней приписку: «Я посылаю вашему величеству результат посещения, которое вы только что сделали»².

Екатерина возвратила записочку сыну, приписав, со своей стороны, на том же листе следующие строки: «Я тоже сообщу вам о результатах и посещения и письма – обоих вас я люблю от всего сердца»³.

Наступило счастливое время. Великий князь сиял радостью, императрица восхищалась, принцесса восторгалась. 14 сентября состоялось миропомазание принцессы Софьи-Доротеи, которая была наречена великой княжной Марией Федоровной, а на другой день, 15 сентября, совершенно было обручение ее с цесаревичем. В семейной жизни цесаревич был счастлив как никогда. Великая княжна постоянно писала ему записочки, в которых неоднократно признавалась ему в своей любви, дружбе. Ради него она выучила довольно быстро русский язык и писала ему исключительно по-русски. Вскоре княжна находилась в ожидании своего первенца. На зимний период они переезжают из Царского Села в Петербург, в Зимний Дворец. Однако оба были не довольны вынужденной сменой мест, ибо городская жизнь не устраивала их своей суетливостью. Как только они приехали, в городе началось большое наводнение, которое угрожало гибелью населению столицы. Великое событие ожидали с нетерпением всем двором и всем населением столицы. 12 декабря в Зимнем дворце родился первый сын великого князя, которого императрица Екатерина нарекла Александром, в честь Александра Македонского.

Но вслед за этим счастливым событием совершилось другое, на которое никак не рассчитывали родители. А именно, признавая сына и невестку неспособными воспитать будущего русского государя, Екатерина, как глава императорского дома, считала своим правом и обязанностью взять на себя заботу о воспитании внука, в надежде увидеть в нем впоследствии воплощение лучших своих дум и стремлений. Воспитание собственного сына

---

¹ Сборник ИРИО. Т. 23. С. 59

² Там же

³ Там же

не удалось Екатерине в желаемом ей направлении по независящим от нее обстоятельствам, теперь же перед императрицей явилась новая возможность, и все ее материнские нежные чувства обратились к внуку в надежде достигнуть иного, лучшего результата.

Александр Первый

Когда же 27 апреля 1779 г. родился великий князь Константин Павлович, то и он, подобно брату, был взят на ближайшее попечение бабушки. Со своим сыном Екатерина поступила так же, как некогда в свое время обошлась с ней Елизавета Петровна. Правда, полного отчуждения детей от родителей не последовало. Но эта уступка невыгодно отразилась позже на формировании характера детей.

Константин Павлович

Подобная ситуация окончательно разрушила установившейся было семейный мир. Цесаревич рассматривал решение императрицы по воспитанию внуков как новое нарушение его законных прав. Его сердце прониклось желчью, а душа гневом. Идиллия лишь оставалась при великокняжеском дворе. Образ Александра как будущего императора Российской империи все более пленял Екатерину. Добрые отношения матери к сыну испортились вконец, и на этот раз безвозвратно.

Лишенный возможности руководить воспитанием детей, отстраненный от непосредственного участия в делах империи, цесаревич снова погрузился в прежние свои теоретические измышления об изменении государственного строя России. Поддержку, как всегда, оказал ему его бывший учитель Н.И. Панин, который не только в переписке не оспаривал суждений, высказанных цесаревичем об устройстве военной части, но подкреплял заблуждения великого князя дальнейшим развитием основных идей его преобразовательных планов.

В сентябре 1787 г. началась очередная война России с Турцией, и Павел решил направиться в действующую армию. У им-

ператрицы он просил дозволения отправиться в армию «в качестве волонтера». Екатерина отговаривала его от этого намерения, но в конце ноября 1787 г. она уступила ему и дала свое согласие на отъезд. Готовясь к опасной, с точки зрения Павла, поездке в воюющую армию, великий князь написал завещательные письма жене и детям. Одно из них содержало «предписание» Павла о порядке управления Россией на случай, если он погибнет и российским императором будет после смерти провозглашен его старший сын Александр. Павлу так и не удалось выехать на войну, но эти мысли государственного преобразования воплотятся в жизнь, когда великий князь станет императором. «Предписание о порядке управления государством»¹ хотя и составлялось в спешке, тем не менее, содержало идеи многолетних размышлений об организации государственного управления в России, внутренней и внешней политики самодержавной власти. Содержание предписания интересно тем, что обнаруживает истинный масштаб Павлова государственного мышления. Вот темы, которые цесаревич Павел намеревался рассмотреть в своем произведении:

«1. О правлениях, их преимуществах и неудобствах, особливо относительно до нашей земли.

2. О образе правления.

3. О законе фундаментальном и о наследстве.

4. О прочих законах.

5. О правительствах верховных.

6. О государевом совете.

7. О чинах, составляющих оный, и о их должностях. Здесь следуют мысли о каждой особенно.

8. О духовенстве.

9. О дворянстве.

10. О среднем состоянии.

11. О крестьянстве.

12. О воспитании и нравах.

13. О школах и училищах.

14. О торговле.

15. О мануфактурах, фабриках и о прочих ремеслах.

16. О вине и соли.

---

¹ Материалы к русской истории XVIII в. // Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 322

17. О рудах и заводах.
18. О государственных, заводских, экономических и дворцовых крестьянах.
19. О доходах.
20. О долгах.
21. О государственном кредите.
22. О государственных и партикулярных долгах.
23. О расходах.
24. О доброй вере.
25. О безопасности общей и полиции земской и городской.
26. О политическом положении России.
27. То же по связям и обстоятельствам.
28. Какая генеральная политика ее от сего?
29. Чем приобрести большее уважение к себе и доставить большую безопасность?
30. К чему все сие?
31. О военной силе.
32. О морской силе.
33. О силе государственной и о ресурсах на все»¹.

Приведенный список показывает, что Павел стремился вникнуть во все основные сферы государственной политики. Структура «Предписания о порядке управления государством» почти полностью совпадала с перечнем тем, данных в списке. Текст «Предписания» был разделен на тридцать три статьи, содержание которых вполне соответствовало названиям тем, обозначенных в списке. Содержание мы более подробно рассмотрим в следующей главе, где и осветим, что же из задуманного императору удалось сделать за столь недолгий срок правления.

Возможность изменения порядка престолонаследия в пользу великого князя Александра Павловича очень волновала цесаревича. Мысль утратить престол лишала Павла всякой способности спокойно обсуждать, какое бы то ни было дело. Каковы же были намерения Екатерины в вопросе, имевшем столь важное значение для будущего благополучия России?

Во-первых, императрица отлично осознавала, кого она имеет перед собой в качестве признанного наследника российского

---

¹ Русский архив. 1882. No 1. С. 396-397

престола: «Вижу, в какие руки попадет империя после моей смерти. Из нас сделают провинцию, зависящую от воли Пруссии».¹ Благодаря многочисленному потомству цесаревича, династические опасения Екатерины исчезли навсегда, но вместе с тем закончилась и политическая роль Павла. Также не стоит забывать, что закона, который бы в точности устанавливал порядок престолонаследия, не было. Закон Петра Великого 1722 г. сохранял еще полную силу, а следовательно, императрица в качестве наследника престола могла выбрать любого преемника, по собственному усмотрению. Поэтому Екатерина могла спокойно заняться обсуждением политических мер для замены одного наследника другим, более подходящим. К тому же, еще раз повторимся, наследником мог стать любой. После второй турецкой войны намерения Екатерины относительно устранения от престола цесаревича Павла Петровича не оставляли уже тайны для близких лиц и получали с каждым годом более определенный характер. Вскоре состоялось бракосочетание Александра и настало время для решительных мер, все уже было готово к проведению коронации. На сие действие повлиял граф Валентин Платонович Мусин-Пушкин, сказав, что нравы и инстинкты наследника, когда он сделается императором, могут перемениться. Совет установил императрицу, но она продолжала искать возможности, чтобы справиться с сопротивлением государственных сановников. Возможно, было осуществить государственный переворот, но для этого ей было необходимо запастись согласием великого князя Александра, не возмущая его сыновних чувств. И это было самым трудным в ее плане. Александр, чтобы не огорчить императрицу и выиграть время, дал видимое согласие. Таким образом, он проявил обычную свою уклончивость, которую Екатерина подметила в нем еще в детстве, к тому же она болела, и дни ее уже были сочтены. С одной стороны, Александр, видимо, твердо решил сохранить за отцом право наследования, а с другой – он жаждал только мира и спокойствия, стремился к уединенной жизни.

Екатерине становилось хуже. Все старания докторов привести ее в чувство оказались тщетными; комнатная прислуга бы-

---

¹ Hermann: Geschichte des russischen Staates. Gotha. 1860. B. 6. P. 451

ла не в силах поднять императрицу на кровать, и она лежала в спальном комнате на полу на сафьянном матрасе. Среди царедворцев царил смятение. Наконец они решили уведомить о случившемся цесаревича, а Александра даже не пускали в покои бабушки. Хотя они напрасно беспокоились. Тогда Александр был далек от мысли воспользоваться положением дел, чтобы предпринять что-либо против прав своего отца на престол.

Вечером около девяти часов цесаревич с великою княгиней Марией Федоровной прибыли в Зимний дворец. Великие князья Александр и Константин встретили родителей в мундирах своих гатчинских батальонов. Цесаревич тотчас посетил умиравшую мать. Хотя Екатерина еще дышала, но уже чувствовалась близость новой злополучной эры!¹ Толпа в приемных Зимнего дворца увеличивалась. Начали появляться гатчинцы. На рассвете императрица умерла. Наступил довольно-таки краткий, но незабвенный по жестокости период четырехлетнего царствования императора Павла.

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 279

Глава 3 ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАВЛА I

Не теряя ни одной минуты, император Павел призвал к себе митрополита Гавриила, объявил ему о кончине императрицы Екатерины и повелел, чтобы в церкви было все приготовлено к принесению присяги. Первая присягу принесла Мария Федоровна, затем сыновья с супругами, великие княжны, затем духовенство и все знатные особы, которые находились в то время в церкви.

Интересно, что когда император возвратился в свои собственные покои, то призвал к себе Ростопчина: «Ты устал и мне совестно, но потрудись, пожалуйста, съезди с Архаровым к графу Орлову и приведи его к присяге. Его не было во дворце, а я не хочу, чтобы он забывал 28 июня. Завтра скажи мне, как у вас дело сделается». Вот и открылся основной мотив нового царствования: возмездие за 1762 г. Ничто из того времени не было забыто, и с каждым днем тяжелые воспоминания давно забытых темных дел умышленно выводились на свет Божий, причем сын являлся как бы судьей отношений, существовавших между его отцом и матерью.

На другое утро император начал обычное гатчинское времяпрепровождение, но уже в Петербурге. В девятом часу Павел Петрович совершил первый верховой выезд по городу в сопровождении цесаревича Александра Павловича, а затем в одиннадцать присутствовал при первом вахтпараде или разводе. С этого дня вахтпарады приобрели значение важного государственного дела и сделались на многие годы неперенным ежедневным занятием русских самодержцев.

Начиная с первого дня царствования Павла Петровича, государь ежедневно отдавал при пароле наследнику приказы, которые подписывались цесаревичем и скреплялись Аракчеевым, такой порядок продолжался до отъезда двора на коронацию в марте 1797 г.

Первый высочайший приказ, отданный при пароле его императорскому высочеству Александру Павловичу 7 ноября, состоял из нижеследующих десяти статей.

«1-е. Пароль Полтава.

2-е. Его императорское величество император Павел принимает на себя шефа и полковника всех гвардии полков.

3-е. Его императорское высочество великий князь Александр Павлович в Семеновский полк полковником.

4-е. Его императорское высочество великий князь Константин Павлович в Измайловский полк полковником.

5-е. Его императорское высочество великий князь Николай Павлович в конную гвардию полковником.

6-е. Полковник Аракчеев комендантом в город.

7-е. Адъютанты при его императорском величестве императоре Павле Петровиче назначаются: генерал-майор Плещеев, генерал-майор Шувалов, бригадир Ростопчин. Полковник Кушелев, майор Котлубицкой и камер-паж Нелидов, который и жалуется в майоры.

8-е. Полковник Аракчеев в Преображенский полк штабом.

9-е. Подполковнику Кологривову быть в эскадроне гусар, как в лейб, так и в его полку и казаками, что и будет составлять полк, прочее ж поступать по уставу.

10-е. Господам генералам другого мундира не носить, кроме того корпуса, которому принадлежат; вообще, чтобы офицеры не носили ни в каком случае иного одеяния, как мундиры»¹.

Щедрые милости посыпались не только в военном мире, но и в гражданском и даже в духовном ведомствах.

10 ноября Гатчинские войска, вызванные в Петербург, вступили в столицу. Образ жизни гвардейских офицеров совершенно изменился. По словам очевидца, «при императрице мы думали только о том, чтобы ездить в театры, в общества, ходили во фраках, а теперь с утра до вечера на полковом дворе, и учили нас всех как рекрутов»². Высшим чинам армии, не исключая и фельдмаршалов, также пришлось учиться и знакомиться с тайнами гатчинской экзерциции. Введение старого прусского военного устава сопровождалось новыми требованиями по службе, так что старые генералы оказались настолько же несведущими, как и вновь произведенные прапорщики.

---

¹ Н.К. Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 289

² Там же. С. 292

Стоит отметить, что военные преобразования касались не только внешности войск, они шли гораздо глубже. Так, например, унтер-офицерам были даны алебарды вместо ружей, что делало сразу же бесполезными для боя до 100 человек в полку.

Новое царствование сделалось отрицанием предыдущего: роскошный, пышный двор императрицы превратился в огромную кордегарию. Один из современников князь О.Н. Голицын писал: «Все через сутки приняло совсем новый вид: перемена мундиров в полках гвардии, вахтпарады, новые правила в военном учении; одним словом, кто бы за неделю до того уехал, по возвращении ничего бы не узнал. Дворец как будто обратился весь в казармы, внутренние бекеты, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, с приказами, особливо, по утру. Стук их сапогов, шпор и тростей, все это представляло совсем новую картину, к которой мы не привыкли. Сей быстрый переход из кроткого и милосердного в столь строгое правление привел россиян в ужас и негодование»¹.

Павел решил поспешить со своим коронаванием, вероятно, он знал о совете, который когда-то дал Фридрих Великий его отцу, Петру III. Это было верное средство упрочить свои позиции на престоле. Павел торопился и его не смущало, что для этого процесса выбрано не самое лучшее время года, а именно весенняя распутица.

28 марта, в Вербную субботу, согласно церемониалу состоялась торжественный переезд императора Павла Петровича из Петровского в Слободской дворец. Погода не благоприятствовала торжеству: улицы еще были покрыты снегом, мороз был настолько чувствителен, что многих из придворных чинов, которые ехали верхом, согласно церемониалу, приходилось снимать с лошадей совершенно заледеневших. Впереди кортежа скакали верховые и приказывали снимать шапки и перчатки. Государь почти постоянно держал в руке шляпу, чтобы приветствовать толпу, но особое внимание зрителей было приковано к цесаревичу Александру Павловичу, который выделялся красотой и приветливым лицом. Все происходило спокойно, но ощущения толпы были похожи скорее на любопытство, чем на действительную радость.

---

¹ Русский архив. 1874. С. 1306 и 1307. Записки князя О.Н. Голицына

Коронация совершилась 5 апреля, в день Светлого Воскресения. Как на одну из особенностей сего действия следует указать, что кроме других императорских регалий Павел возложил на себя еще далматик и что короновалось не одно лицо, а два: император и императрица □ супруга. После того, как было совершено коронование, Павел, стоя, во всеуслышание прочитал в храме фамильный акт о престолонаследии по прямой линии в мужском колене, составленный им вместе со своей супругой еще в 1788 г., в котором он, первым из русских государей, официально называл себя главой церкви. По прочтении акта император через царские врата вошел в алтарь, положил его на святой престол в нарочно устроенный серебряный ковчег и повелел хранить его там во все будущие времена. Так было покончено с правом женщин занимать российский престол, и так был отменен закон Петра I о возможности императора выбирать себе наследника по своему усмотрению.

Независимо от акта о престолонаследии, император издал в день коронации еще три закона: учреждение об императорской фамилии, установление о российских императорских орденах и манифест о трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении крестьян к работе в воскресные дни. Кроме того, во время пребывания государя в Москве последовал еще 29 апреля всемилостивейший манифест о прощении отлучившихся самовольно нижних чинов и разного звания людей¹.

Также торжество коронации сопровождалось щедрою раздачей чинов, орденов и крестьян (более 82 000 душ). Затем более недели продолжались приемы поздравлений и многочисленных депутаций, наводившие скуку и страшную усталость на присутствующих. Император и императрица принимали представлявшихся в Грановитой палате, сидя на троне. Павел Петрович, однако, находил, что их было слишком мало. Государь с какой-то присущей ему особой страстностью и мелочностью придумывал все новые усовершенствования для придворного этикета, и по этой причине празднества и даже балы делались все более утомительными и скучными. Императрица же со своей стороны, гово-

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 314

рила, что будто слышала от императрицы Екатерины, что во время ее коронации толпа, целовавшая ей руку, была так велика, что рука государыни распухла, и поэтому Мария Федоровна выражала неудовольствие, что ее рука не пухнет. Обер-церемониймейстер Петр Степанович Валуев, желая помочь «горю» и сделать приятное ее величеству, заставлял одних и тех же лиц представляться под разными именами. Церемония удлинялась, но цель, предусмотренная ловким царедворцем, была достигнута.

Вообще, по замечанию очевидца московских празднеств, император Павел похож был на тщеславное частное лицо, которому разрешили играть роль государя; он как бы спешил вдоволь насладиться своим новым положением, словно предчувствуя всю кратковременность этого удовольствия. Тщеславие, издавна присущее Марии Федоровне, выражалось теперь в нескрываемой ее детской радости, вызванной новой ролью, выпавшей, наконец, на ее долю. Все эти обстоятельства не ускользали от внимания собравшегося общества и вызывали среди него насмешки¹.

К числу любопытных явлений, которые постоянно сопровождали московские празднества 1797 г., можно отнести и событие, в котором отразились оригинальный характер и особенности взглядов нового венценосца. В день Преполовления Пятидесятницы, 29 апреля, в Кремле происходила военная церемония, соединенная с церковным торжеством, во время которой император Павел в далматике и короне командовал войсками на параде².

2 мая 1797 г. последовал указ о принятии императрицей Марией Федоровной главного начальства над воспитательными домами в обеих столицах. Таким образом, для благотворительности императрицы открылось обширное поприще, и упомянутое распоряжение Павла привело к тому, что имя этой государыни навеки перейдет к потомству в лучах любви и сердечной признательности³.

Далее последовало путешествие Павла по России, во время которого его сопровождали великие князья Александр и Кон-

---

¹ Записки Л.Н. Энгельгардта. С. 199

² Снегирев И.М. Жизнь московского митрополита Платона. М., 1856 (Второе издание), ч. 1. С. 98

³ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 350

стантин. Посещения венценосных особ были удостоены: Смоленск, Орша, Могилев, Минск, Вильно, Гродно, Ковно, Митава, Рига и Нарва. Во время путешествия Павел Петрович был доволен и весел.

Дальнейшие государственные преобразования Павла очень подробно и интересно были рассмотрены В.А. Томсиновым¹. В предыдущей главе мы уже упоминали о предписаниях, сделанных Павлом перед отъездом на войну. Настало время дать оценку и анализ статьям, в него входящим.

Так, в статье первой «Предписания» говорилось: «Предмет каждого общества □ блаженство каждого и всех. Общество не может существовать, если воля каждого не будет направлена к общей цели. Для того правительство, правительства разного рода. Лутчее² то, которое ближайшим способом преимущественно достигает до своего предмета. Из того разные роды правления рождаются. Чем больше земля, тем способы исполнения труднее, следственно перьвое попечение должно быть облегчать их. Самое простое облегчение сего рода препоручение исполнения одному, но связано с неудобствами человечества»³. Очевидно, что здесь шла речь именно о тех вопросах, которые были названы в пункте 1 □ м вышеуказанного списка □ плана.

Статья вторая «Предписания» гласила: «Положив правила кем земле быть управляемой, должно сказать, что нет лутчего образа как ссамодержавной, ибо соединяет в себе силу Законов и скорость власти одного»⁴.

Каждая статья «Предписания о порядке управления государством» содержала сугубо практическую рекомендацию относительно действий государственной власти в той или иной сфере общественной жизни. В своей совокупности данные рекомендации составляли контуры программы реформ, призванных укрепить Российское государство. Многие мероприятия этой про-

---

¹ Томсинов В.А. Император Павел Первый (1754-1801): государственный деятель и законодатель. М., 2008. С. 15-64. / Опубликовано в издании: «Законодательство императора Павла I»

² Здесь и далее при цитировании сочинений Павла сохранена орфография текста оригинала.

³ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 316

⁴ Там же

граммы были впоследствии □ после того, как Павел взошел на престол □ претворены им в жизнь.

Так, статья третья рассматриваемого «Предписания» рекомендовала «положить Закон, кому имянно быть Государем»¹. Данный закон был принят 5 апреля 1797 года, в день коронации императора Павла I. «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации Его Императорского Величества и положенный для хранения на престоле Успенского собора» закрепил новый порядок престолонаследия, согласно которому в случае смерти императора престол передавался его старшему сыну и т.д. При этом лица женского пола отстранялись от наследования престола. Основные принципы данного порядка престолонаследия были прописаны Павлом еще 4 января 1788 года в завещательном письме к супруге Марии Федоровне². Рекомендуя в «Предписании» «положить Закон, кому имянно быть Государем», Павел уже тогда хорошо представлял себе содержание данного закона.

Статья четвертая «Предписаний о порядке управления государством» содержала рекомендацию об упорядочении российского законодательства. «Законы у нас есть, но в порядок привести в их смысле. Новых не делать, но сообразить старые с государственным внутренним положением, а указы почитать просто Учреждениями, а не Законами»³. Немногим более месяца после своего восшествия на императорский престол □ 16 декабря 1796 года □ Павел I своим высочайшим указом поручил генерал-прокурору А.Б. Куракину «собрать в Уложенной Комиссии и во всех архивах изданные дотоле узаконения и составить из них три книги законов Российской империи: уголовных, гражданских и казенных дел». По настоящему развернуть работы по систематизации российского законодательства и составить уложения Павел I не успел. Но не удалось сделать этого и его преемнику на императорском престоле Александру I, несмотря на то, что работы по составлению систематических сборников российских законов велись на протяжении всего Александрова царствования, то есть четверть века без малого. Быстрота же, с которой были составлены в первые годы правления императора Николая I «Полное

---

¹ Там же

² Там же С. 308-309

³ Там же С. 316

собрание...» и «Свод законов Российской империи», объясняется именно тем, что составители этих сборников использовали результаты работ по систематизации российского законодательства, проводившихся во времена царствований императоров Павла I и Александра I.

Статьи пятая, шестая и седьмая «Предписания» выражали намерения Павла упорядочить исполнительную власть. Здесь шла речь о Правительствующем Сенате и Государственном совете. Осуществление этих мер выпало на долю Александра I. В его правление был создан постоянно действующий при императоре Государственный совет, и намечалась реформа Сената. Был подготовлен даже соответствующий законопроект, однако император Александр по ряду причин не ввел его в действие.

Статья восьмая «Предписания» была посвящена дворянству. «Сказав о способах непосредственных к достижению предмета общества, то есть блага утверждением законов, □ сказать должно, □ заявлял Павел, □ сие состояние законы утверждают. Таково первое дворянство. Оно подпора государства и государя и для того придать ему уважения, не допуская в него лишних членов или недостойных и имея с государем равный интерес должно его на службу обращать»¹. Менее месяца спустя после своего восшествия на императорский престол □ 4 декабря 1796 г. □ Павел I издал указ «О запрещении правительствам самим собою вводить в дворянское достоинство и выдавать на оное грамоты без Высочайшего утверждения»². 20 января 1797 года им был издан указ «О составлении общего дворянских родов гербовника»³. 14 декабря того же года император Павел установил своим высочайшим приказом правило, согласно которому дворяне, определенные на военную службу, служили в качестве рядовых не более трех лет⁴. Интересам дворянства соответствовали и другие законодательные установления императора Павла⁵.

---

¹ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 317

² 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 608

³ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 749

⁴ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 18 267

⁵ См., например: 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 534, 17 588, 17 624, 17 916; Т. 25. № 18 486 и др.

Вместе с тем ряд Павловых законодательных актов ущемлял в той или иной мере дворянские интересы. Подлинное отношение Павла I к дворянству лучше всего, пожалуй, выражают заключительные слова Манифеста от 18 декабря 1797 года, которым Его Величество объявлял об учреждении императорского вспомогательного банка для дворянства. «...Ласкаемся Мы приятною надеждою, □ торжественно заявлял Павел I, □ что дворянство всей Нашей империи, ощутив истинную цель благих Наших намерений, ко спасению их самих и их потомства стремящихся, обратит щедроту Нашу во благо, искупить имения свои из рук корыстолюбивых ростовщиков, заплатит все свои долги, и тем возвращая доброе имя и полное к себе доверие, усугубит попечения свои на распространение всякого рода полезного хозяйства, а паче и паче сокращая в домах своих излишества, роскоши внушаемые, прилепится к похвальной умеренности»¹. Приведенные слова Манифеста от 18 декабря 1797 года выражали мысль, которую Павел высказывал еще в «Предписании о порядке управления государством». В статье двадцать второй этого документа говорилось: «Долги государственные и партикулярные выводят вещи сии из баланса, и так их мало помалу истреблять, а особливо последние, ибо разоряют частных людей, происходят от роскоши и порчи нравов, и так все сие разом прекращать, одно для другого, зачиная с корня»².

Статья девятая «Предписания о порядке управления государством» была посвящена духовенству. Павел отмечал здесь, что святость должностей этого сословия «столь уважения достойна и для того заслуживает особенного внимания и присмотра, дабы понятию о боге учили в прямой силе, а не суеверию»³.

В статье десятой рассматриваемого документа говорилось о среднем сословии. Павел выражал в ней свое желание, чтобы характерные для представителей этого сословия «промыслы свободнотекли для государства и для них собственно»⁴. В тесной связи с данной статьей находились статьи с четырнадцатой по семнадцатую, в которых идет речь о большом значении для госу-

---

¹ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 18 274.

² Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 319

³ Там же, С. 317

⁴ Там же

дарства торговли, мануфактурного и фабричного производства, рудного дела и т.д.¹

Статья одиннадцатая содержала рекомендацию относительно крестьянства. «Крестьянство, □ утверждал Павел, □ содержит собою все прочие части и своими трудами, следственно, особого уважения достойно и утверждения состояния, не подверженного нынешним переменам его, из благодарности Отечества и для того, чтоб тем лутче трудились и государство имело тем вернее снабжение»². Стремление к улучшению быта крестьян станет одним из направлений внутренней политики Павла после его восшествия на императорский престол.

Манифестом от 5 апреля 1797 года император Павел I повелел «всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам». Одновременно с этим Его Величество выразил в Манифесте свое мнение о том, что для работ крестьян в пользу помещиков достаточно трех дней³. В исторической литературе данный Манифест именуется «Манифестом о трехдневной барщине», при этом часто утверждается, что он «установил трехдневную барщину»⁴. На самом деле император не устанавливал трехдневную барщину, но всего лишь высказал мнение о том, что трех дней вполне достаточно для работ крестьян на помещиков. Однако рекомендательная форма изложения этой нормы не должна вводить в заблуждение: Павел I часто выражал свои повеления в форме пожеланий, но это не мешало ему строго требовать их исполнения.

16 февраля 1798 г. император своим высочайшим указом ввел запрет на продажу крепостных крестьян без земли. Указом от 29 ноября 1798 года Его Величество предоставил крестьянам, ищущим свободы, право подачи личной апелляции в высшие го-

---

¹ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 318

² Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 317

³ Дословно в Манифесте по этому поводу говорилось следующее: «...Для сельских издольев остающиеся шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемая, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям».

⁴ Так писал, например, историк М. Семеvский в своих комментариях к «Наказу» Павла (Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 326

сударственные учреждения на решения судебных палат, оставляющих их во владении помещиков, в том случае, если губернские прокуроры не опротестуют такие решения¹.

Крестьяне восприняли даже столь ограниченные меры по улучшению их быта как свидетельство того, что император Павел стремится полностью освободить их от крепостного гнета помещиков. Опасаясь, что подобные настроения крестьян могут побудить их к волнениям, Павел принял ряд законодательных актов, упрочивающих крепостное право².

Статья девятнадцатая «Предписания о порядке управления государством» также весьма примечательна для характеристики государственного мышления Павла. «Государственные доходы, □ заявлял он здесь, □ Государства, а не Государя, и, составляя богатства его, составляют целость и так знак, и способ благополучия Земли. Они двоякие: или с земли, или с промысла. Первые держать соразмерно возможности с надобностию, ибо уделяются от имений частных людей. Другие □ поощрять, ибо основаны на трудах и прилежании, всегдашние средства силы и могущества земли. Поощрение сие одобрение и способствование»³.

Большое место в «Предписании» занимали рассуждения Павла о внешней политике Российского государства. Он особо подчеркивал, что внешнее положение России должно быть сообразно с ее физическим и моральным положением. «Чтоб сие равновесие соблюсти, □ заявлял он в статье двадцать седьмой «Предписания», □ надлежит нам смотреть прилежно, с кем прилично быть в связи и в какой. Связи суть разные, обязательств, которые вечны, быть не могут, а по обстоятельствам государственным переменяются, и для того их никогда таковыми не делать. Нужды, которым сами собою ряждаются по разным случаям. Родства, которых ни когда не должны заставлять забывать прямого государственного интереса и суть последние всегда, ибо обыкновенно идут на персону»⁴. В статье двадцать восьмой Павел продолжал данную свою мысль: «Из сего видно, что перьвой политической предмет требует, чтоб не давать никому над собою

---

¹ 1-ПСЗРИ. Т. 24. № 17 809

² См.: 1-ПСЗРИ. Т. 25. № 18 353, 18 395; Т. 26. № 19 250 и др.

³ Вестник Европы. 1867. Том 1 (март). С. 319

⁴ Там же, С. 320

воли и не входить ни в чьи интересы и виды слепо, желая, чтоб соседи наши были в равновесии, дабы никто не мог угрожать вольности другого; а соблюдать беспристрастием и поведением, основанном на правосудии, благоразумии и твердости, уважение и доверенность к Государству. За сим следует прямое, политическое благосостояние»¹.

Содержание статьи двадцать девятой «Предписания о порядке управления государством» логично дополняло содержание предыдущих статей. «Показав таким образом, в чем политическая цель состоит, □ писал Павел, □ теперь должно сказать, как до сего предмета достичь можно. Доброю верою в поведении, которое на перьвее быть должно на честности основано. Союзами в севере с державами, которым больше в нас нужды, а местничества с нами иметь не могут; военною силою, приведя в непоколебимое сильное состояние пропорциональным количеством и дисциплиною; не входя нигде в дело прежде времени и за других»².

Военной силе Государства Российского Павел специально посвятил статью тридцать первую своего «Предписания». «Пространство земли нашей, □ подчеркивал он, □ требует большую оборонительную силу, а тем паче и наступательную; но препятствует сему малое количество жителей по таковому пространству, и так, заключаясь в возможности, должно государство иметь военную силу свою расположенною по четырем главным границам и внутри. Иметь их, в сообразность соседей, достаточно всем нужным снабженных, всегда комплектных, ибо от некомплекта земля большой урон терпит, или ложным счетом обороны или безвременным, скорым и сильным набором»³.

В статье тридцать второй «Предписания» Павел говорил о необходимости для России, окруженной «со многих сторон морями», иметь флот «на каждом из сих морей». По его словам, для сухопутных и морских сил «надобны арсеналы, запасы всему по разным частям и школы для военных наук. Притом войски и флоты учить, и Государю смотреть»⁴.

---

¹ Там же, С. 321

² Там же

³ Там же

⁴ Там же, С. 322

Подводя итог своим рассуждениям об устройстве Государства Российского, Павел заявлял: «Когда все части государства будут приведены порядком до равновесия, в котором должны быть, чтоб оное могло не разрушимо и не вредимо стоять, тогда можно будет сказать, что прямо направлено общество на прямой путь свой блаженства каждого и все, что согласно с законом Божиим и следственно не может не иметь благословенья во всем Его вышней Деснице»¹. Таким образом, Павел ясно выражал мнение о том, что укрепление Российского государства необходимо не ради этого государства □ крепкое государство составляет, по его убеждению, важнейшую предпосылку роста благосостояния российского общества.

В «Предписании о порядке управления государством» нашли свое отражение основные положения разработанной Павлом программы государственных реформ. Ряд этих положений был впоследствии изложен им более подробно в серии специальных записок об организации различных отраслей государственного управления. Так, в одной из таких записок император развивал идею создания министерств, выраженную в самой общей форме в седьмой статье «Предписания»: «Государство имеет 7 главных департаментов, кроме Сената, яко главного трибунала, о котором будет говорено особо, которые составляют правление онаго: 1) Юстиции, 2) Финанции, 3) Военной, 4) Иностранной, 5) Морской, 6) Коммерц, 7) Казна. Каждый из оных имеет своего Министра»². По его замыслу, министры должны были составить «Совет», выступающий как учреждение «не законодательное, а единственно для в помощь³ и сношение как Государю, так и Министрам»⁴. В записке об устройстве Сената Павел намечал преобразование этого учреждения в высшую судебную инстанцию. «Сенат Я полагаю быть единственно судебным местом, к которому бы шли дела чрез подчиненные места на конфирмацию во всех казусах, которые не во власти нижних судебных

---

¹ Там же

² Записка Императора Павла I об устройстве разных частей государственного управления // Сборник Императорского Русского Исторического общества (далее: Сборник ИРИО). Т. 90. СПб., 1894. С. 1-2.

³ Так написано в тексте цитируемой записки Павла

⁴ Сборник ИРИО. Т. 90. С. 2.

мест»¹. Далее он отмечал, что «Сенат должен быть разделен, как судебное место, на два департамента: департамент уголовной и департамент гражданский»².

Став императором, Павел без промедления приступил к преобразованию административной системы Российской империи в направлении, определенном в «Предписании» и упомянутых записках. По словам исследователя административной реформы Павла I историка М.В. Ключкова, «в короткий четырехлетний промежуток времени (в течение которого Павел находился на императорском троне) в центральном управлении произошел, благодаря мероприятиям Павла, быстрый переход от коллегиального управления к единоличному, министерскому, и не доставало еще одного шага, чтобы завершить это здание и на развалинах старых рухнувших коллегий закончить по выработанному плану постройку новых, более современных и удобных учреждений, министерств»³.

Павел I не успел осуществить в сколько-нибудь полной мере задуманные им преобразования системы российского государственного управления. Не успел он провести в жизнь и многие другие свои замыслы. Кратковременность пребывания Павла на императорском троне была одной из главных причин этого. За четыре года и четыре месяца, отведенные Павлу судьбой на царствование, невозможно было и при самом удачном стечении обстоятельств выполнить ту обширную программу реформ, которую он разработал и осуществление которой считал жизненно необходимым для укрепления Российского государства. Между тем условия, в которых Павел вступил на императорский престол, были чрезвычайно неблагоприятны для проведения крупномасштабных реформ.

В последние годы своего царствования императрица Екатерина II почти перестала заниматься делами государственного управления. Рассмотрение приходявших на ее имя докладов сановников о состоянии тех или иных частей администрации, раз-

---

¹ Собственноручная записка Императора Павла I об устройстве Сената // Сборник ИРИО. Т. 90. С. 146

² Там же

³ Ключков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Петроград. 1916. С. 115

личных просьб, жалоб, записок и т.п. она возложила на особо приближенных к Ее Величеству лиц. Естественно, что именно эти лица и принимали необходимые решения, которые императрица утверждала своей подписью.

Из дневника статс-секретаря Екатерины II А.В. Храповицкого¹ видно, что с 1792 г. одним из таких лиц был тогдашний фаворит императрицы и будущий убийца Павла I П.А. Зубов. Именно через Зубова шло производство в новые чины, назначения на должности. «Вот какое чрез Зубова вышло произвождение, □ отмечал в своем дневнике в записи от 22 сентября 1792 г. А.В. Храповицкий, □ Камергеры и Действительные Статские Советники десятилетние пожалованы в Тайные Советники; их 10, да 9 Сенаторов, и вышло помещение в Губернаторы и Вице-губернаторы»². 1 января 1793 г. Храповицкий записал: «Чрез Зубова вышли доклады Гвардейские, произвождение воинское и статское десятилетним, не свыше как в четвертый класс»³.

Многие доклады сановников по государственным делам месяцами, а то и годами лежали в кабинете императрицы Екатерины II нерассмотренными. По ним, соответственно, не принималось никаких решений. Если на 1 января 1790 г. по общему собранию и департаментам Сената числилось 8283 нерешенных дела (за год решалось приблизительно девять-десять тысяч дел), то в конце 1796 г. по Сенату имелось 14 233 нерешенных дела. За этот период почти наполовину □ с 42 021 до 63 672 □ возросло количество нерешенных дел по губерниям⁴. Известный писатель, мемуарист и ученый-энциклопедист Андрей Тимофеевич Болотов (1738-1833) отмечал в своих записках, что «небрежение господ сенаторов простиралось даже до невероятности и до того, что иные лет по пять сряду в Сенат не приезжали и не заглядывали в оный; а посему какова можно было ожидать успеха?» По его словам, в царствование Екатерины в обществе господствовало убеждение в том, «что нужно было только какому делу попасться в

---

¹ Александр Васильевич Храповицкий (1749-1801) пребывал при императрице Екатерине II с 1 января 1783 г. до 2 сентября 1793 г.

² Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. Издание полное, с примечаниями Г.Н. Геннади. М., 1862. С. 275

³ Там же, С. 280

⁴ Клочки М.В. Указ. соч. С. 103

Сенат, как и пошло оно на бесконечные века...». Прусский посланник в Санкт-Петербурге генерал Гребен доносил своему королю сразу после восшествия на императорский престол Павла I: «В двадцать последних лет предыдущего царствования всевозможные части управления приходят в упадок: правосудие, финансы, военное дело, одним словом, все отрасли управления направлялись так, что за границей невозможно даже составить себе представление об этом. Первым печальным последствием этого недостатка надзора явилось повсеместное нерадение со стороны всех должностных лиц к отправлению их обязанностей. Обширные и просторные помещения департаментов посещались лишь мышами и крысами. Чиновники, без всякого исключения, проводили дни в еде, попойках и игре, а ночи в самых грязных оргиях. Отсюда происходило взяточничество в обширных размерах, безнаказанно господствовавшее во всех отраслях управления, военного и гражданского; отсюда же происходили бесчисленные злоупотребления, которые, в виду этой обстановки, нетрудно представить себе. Вот наименее преувеличенная картина России в момент восшествия на престол Павла I-го»¹. Печальное состояние российского государственного управления в последние годы царствования Екатерины II с ужасом воспринималось сыном Павла великим князем Александром. «В наших делах господствует невероятный беспорядок, □ писал он 10 мая 1796 года своему другу графу В.П. Кочубею², □ грабят со всех сторон; все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов». В плачевном состоянии находилась в конце Екатерининского правления и прославленная своими победами русская армия. Финансовые средства, отпускавшиеся из государственной казны на содержание войск, разворовывались различными начальниками, а часто просто-напросто расходовались впустую. В условиях отсутствия какого-либо надзора со стороны высших властей многие офицеры и генералы, вместо того, чтобы находиться в полках и зани-

---

¹ Цит. по: Буцинский П.Н. Отзывы о Павле I-м его современников. С. 13

² Виктор Павлович Кочубей (1768-1834), известный государственный деятель периода правления Александра I, первый министр внутренних дел России (с 8 сентября 1802 г. до 24 ноября 1807 г.). В рассматриваемое время чрезвычайный посланник императрицы Екатерины II в Константинополе

маться обучением солдат, развлекались в столице или отдыхали в своих имениях, исправно получая при этом полагавшееся им за службу жалованье. Армейские начальники доходили даже до того, что привлекали подчиненных им солдат на хозяйственные работы в своих имениях, нередко оставляя боевые полки вообще без личного состава. Штабы, получившие в условиях анархии последних лет царствования Екатерины небывалую самостоятельность, сделались привлекательнейшим местом службы. Каждый влиятельный вельможа стремился пристроить своего отпрыска непременно в штабные офицеры, в связи с чем штабной персонал разрастался до небывалых размеров¹. В стадии разложения находились даже гвардейские полки. А.Т. Болотов следующим образом охарактеризовал в своих записках состояние, в котором они пребывали накануне восшествия на императорский престол Павла I: «Нельзя изобразить, в каком странном и удивительном положении была до сего гвардия, и коль многие злоупотребления во всем господствовали в высочайшей степени в оной. Ежели б все то изобразить, то составила бы прелюбопытная картина для потомства; и потомки наши не только б стали удивляться, но едва ли б в состоянии были поверить, чтоб все то существовало, в самом деле, и скорее могли бы подумать, что то выдуманная баснь и совершенная небывальщина; ибо что касается до самых рядовых, то они, живучи толь многие десятки лет неподвижно на одном месте и неся единое только почти звание службы и отправляя единые только караулы, совсем изнежились и так избаловались, что с трудом можно было с ними ладить...»²

Любая попытка изменить такой образ службы, привести гвардию в сносный порядок неизбежно вызывала недовольство в ее сре-

---

¹ Каким же образом русская армия могла при таком своем состоянии одерживать победы на полях сражений? На этот вопрос ответил в своих записках знаменитый генерал эпохи Александра I А.П. Ермолов, начинавший свою военную службу при Екатерине II: «Способность главнокомандующего, русская удаль, петровская дисциплина, опытность частых войн, при 25-летнем сроке службы, и привычка к лишениям всякого рода □ вот элементы, которые вели русские войска к победам; обучение же было из той степени, что бывшие наши полководцы сами принимались обучать к ним поступающие полки, и Суворов переучивал их по-своему»

² Любопытные и достопамятные деяния и анекдоты Государя Императора Павла Петровича. (Из записок А.Т. Болотова) // Русский архив. 1864. Вып. 5-6. Стлб. С. 607-608

де. А между тем, как показывала русская история XVIII века, гвардия была силой, способной произвести государственный переворот.

Ш. Масон¹ сообщал в своих записках, что гвардейские полки², находившиеся под начальством родовитейшей знати империи, «страшились» восшествия на императорский престол великого князя Павла и «смотрели на его приход к власти как на конец своего существования. Павел даже не скрывал своего отвращения к ним, и величайшим оскорблением, к которому прибегал, разговаривая со своими офицерами и даже солдатами на маневрах в Гатчине и Павловском, были такие слова: «Ты не годишься никуда, кроме службы в гвардии»»³

С воцарением Павла жизнь чиновников гражданской администрации и армейского начальства резко изменилась. Новый император энергично взялся за наведение порядка в государственном управлении. Чиновник Ф.П. Лубяновский⁴ прибыл в Санкт-Петербург на третий день царствования Павла I и был поражен произошедшей переменой в административных учреждениях. «В канцеляриях, департаментах, в коллегиях везде на столах свечи горели с 5 часов утра; с той же поры в вице-канцлерском доме, что был против Зимнего дворца, все люстры и каминны ярко пылали, сенаторы в 8 часов утра сидели за красным столом»⁵. «Надобно сказать правду, □ отмечал в своих записках чиновник Д.П. Рунич, □ что все отрасли управления были при Павле значительно упорядочены по сравнению с прежним. Продажность должностных лиц не могла быть искоренена сразу; по крайней мере, правосудие не продавалось более с публичного торга»⁶.

---

¹ Шарль Франсуа Филибер Массон (1762-1807) □ француз, состоявший в 1787-1796 гг. на службе в России. Занимал должности преподавателя Артиллерийского и Инженерного Шляхетского кадетского корпусов (в одно время с А.А. Аракчеевым), адъютанта Президента Военной коллегии Н.И. Салтыкова, секретаря великого князя Александра Павловича

² Лейб-гвардии Преображенский, Семеновский, Измайловский и Конный полки

³ Ш. Масон Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 124

⁴ Федор Петрович Лубяновский (1777-1834), чиновник, окончил юридический факультет Московского университета, с ноября 1802 г. секретарь при Министерстве внутренних дел, в 1819 г. был назначен пензенским губернатором

⁵ Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. М., 1872. С. 94

⁶ Записки Д.П. Рунича // Русское обозрение. 1890. No 8. С. 656

В отличие от престарелой Екатерины Павел старался самостоятельно вникать во все дела. Об этом пишут в своих мемуарах многие сановники, служившие при императоре Павле. Наиболее интересным является свидетельство П.Х. Оболянинова, занимавшего со 2 февраля 1800 г. должность Генерал-прокурора. «Павел был много начитан, □ вспоминал Петр Хрисанфович, □ знал закон, как юрист, и при докладах вникал во все подробности и тонкости дела. Нередко он спорил с докладчиком. Если по делу кто-либо обвинялся, то Павел оправдывал его или выискивал обстоятельства к извинению преступления; в тяжбах брал сторону того, кому отказывалось в иске; требовал от докладчика указать ему факты в деле или прочесть подлинник бумаги. Словом, он был в полном смысле адвокатом истца или ответчика. Иногда Государь вспыхивал и докладчик забывал, с кем имеет дело, так что спор доходил до шума и криков... Горе было тому докладчику, который увеличивал преступление обвиняемого, неточно или лукаво излагал дело! Но если докладчик побеждал Павла истинною доводом и брал верх правдивостью взгляда, то император бывал чрезвычайно доволен. “Хорошо, благодарю вас, □ говаривал он в таких случаях, □ что вы не согласились со мной, а то вам досталось бы от меня!”»¹.

Предметом особых забот императора Павла I была армия. Желая как можно скорее утвердить в русской армии необходимый порядок, он резко упростил процедуру издания распоряжений по войскам. Свои приказы, отдаваемые при пароле на вахтпарадах, государь повелел считать именными указами. Они доводились до сведения армии сразу же после издания, тогда как прежде все распоряжения по войскам проходили через военную коллегию, и их объявление в армии задерживалось на месяцы, а то и годы. Все производства в чины, назначения на должности и перемещения Павел взял на себя и уже одним этим ограничил произвол начальства. Вместе с тем император установил правило, по которому каждые две недели ему представлялись отчеты о состоянии войск с именными списками офицеров и с отметками о взысканиях.

---

¹ Рассказы П.Х. Оболянинова об императоре Павле // Русская старина. 1874. No 9. С. 165-166

Для усиления контроля над армейским судопроизводством Павел учредил 9 января 1797 г. должность генерал-аудитора, призванного состоять непосредственно при особе императора. Армейские штабы Павел I подверг прямо-таки хирургической операции — он решительно и безжалостно отсекал все лишнее в них отростки, размножившиеся в последние годы правления Екатерины II. Полчища штабных начальников были рассеяны им по боевым полкам. Тысячи же солдат, находившихся в личном услужении у своих начальников, были высочайшим приказом от 22 ноября 1796 г. возвращены в полки. «Граф Александр Васильевич! — писал император Павел 10 декабря того же года генерал-фельдмаршалу Суворову. — Дав уже повеление Наше о немедленном собрании к своим полкам и командам тех нижних воинских чинов, кои по злоупотреблениям, до сего вкравшимся, находились в частных услугах по деревням, дачам и домам, так как и излишних сверх положенного числа денщиков, нужным почитаю чрез сие подтвердить всем инспекторам, в том числе и вам, дабы в дивизии, вами командуемой, выше изображенное повеление Наше в самой точности и без малейшего замедления исполнено было, что Мы возлагаем на особое ваше наблюдение и взыскание, пребывая, впрочем, вам благосклонны». Уважая Суворова как полководца, Павел I не прощал ему, как и всем, административных прегрешений. Так, 23 января 1797 г. император издал следующий приказ: «Присланный от фельдмаршала графа Суворова капитан Мерлин определяется в Ригу в гарнизонный полк, а фельдмаршалу графу Суворову делается выговор за присылку курьером из военнослужащих и без всякого дела».

Одновременно со всеми вышеуказанными мерами новый император вводил в русской армии новые уставы, разработанные им еще в Гатчине. Роль инструкторов при обучении командиров новым правилам несения военной службы призваны были выполнять гатчинские офицеры. Перемены в армии с приходом к власти Павла I оказались не менее резкими, чем в гражданской администрации. «Образ нашей жизни офицерской после восшествия на престол императора Павла совсем переменялся, — вспоминал граф Е.Ф. Комаровский, — при императрице мы помышляли только, чтобы ездить в общество, театры, ходить во фраках, а

теперь с утра до вечера на полковом дворе; и учили нас всех, как рекрут»¹.

Стремление Павла I навести порядок в гражданском управлении и в армии встречало поддержку в русском обществе. Нижние гражданские и армейские чины быстро ощутили на себе благие последствия Павловой политики. Они стали в полной мере получать жалованье за службу, вышестоящие начальники в страхе перед Павлом умилили произвол в отношении своих подчиненных. Население не только столиц, но и провинций также почувствовало облегчение от попыток императора Павла утвердить законность, ограничить произвол сановников. Первые же отставки сановников и в том числе недавно еще всемогущих, особо приближенных к императрице Екатерине, вельмож² показали всем, что намерения нового императора навести порядок в государственном управлении Российской империи были весьма серьезными. Сановники впервые, быть может, со времен Петра I стали бояться за свою судьбу. По свидетельству Адама Чарторыжского, Павел внушал страх «всем чиновникам своей империи, и эта общая устрасленность имела благодетельные последствия. В то время как в Петербурге, в центре управления, общая неуверенность в завтрашнем дне терзала и волновала все умы, в провинциях губернаторы, генерал-губернаторы и все военные, боясь, чтобы злоупотребления, которые они позволяли себе, не дошли до сведения императора, и чтобы в одно прекрасное утро, без всякого разбора дела, не быть лишенным места и высланным в какой-нибудь из городов Сибири, стали более обращать внима-

---

¹ Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С. 37

² Фаворит Екатерины II П.А. Зубов был утвержден новым императором в своих должностях (более 13-ти), более того Павел в знак своего благоволения даже подарил ему один из своих мундиров. Но вместе с тем Его Величество распорядился опечатать канцелярию екатерининского любимца. Изучение находившихся в ведении Зубова дел подтвердило слухи о допускавшихся им вопиющих злоупотреблениях. Особенно возмутили Павла злоупотребления, допускавшиеся Зубовым в отношении армии. 29 декабря 1796 г. император Павел издает следующий именной указ: «За приведение в не-состояние сестрорецких оружейных заводов, оказавшихся таковыми, по случаю не отделки лейб-гвардии на преображенский полк ружей, а потом конной гвардии разных вещей, взыскать с генерал-фельдцейхмейстера князя Зубова такую сумму, какая артиллерийскою канцеляриею исчислена и Сенату представлена будет» (Указы, распоряжения и резолюции императора Павла. 1796-1801 гг. // Русская старина. 1873. No 4. С. 495.) В результате фаворит Екатерины II был отправлен в отставку с приказом удалиться из России на два года за границу

ния на свои обязанности, изменили тон в обращении с подчиненными, избегали позволять себе слишком вопиющие злоупотребления»¹. По признанию Чарторыжского, довольно критически относившегося к Павлу I, «в его царствование русские должностные лица менее злоупотребляли властью, были более вежливы, более сдержаны в своих дурных наклонностях, меньше крали, отличались меньшей грубостью, даже в польских провинциях»².

В этой резкой перемене в положении сановников-чиновников, произошедшей с переходом от правления Екатерины II к правлению Павла I, таилась вместе с тем и серьезная опасность для Павловых реформ. Стремясь защититься от неведомого им прежде и оттого непривычного и невыносимого страха, российские сановники-чиновники стали представлять Павла I императором-деспотом, рассказывать друг другу о сотнях заточенных в темницы и сосланных в Сибирь чиновниках. Этот миф отразился впоследствии в многочисленных мемуарах. Император Павел предстал в рассказах мемуаристов то жестоким тираном, маньяком, то капризным ребенком, а то и просто сумасшедшим. Вот наиболее типичный образчик таких рассказов, приводимый в записках А.М. Тургенева³. «Ужасно вспомнить! □ восклицает этот мемуарист при описании правления Павла I. □ Четыре года ожидать ежеминутно бедствия, быть во всегдашнем тревожении духа и не быть уверенным □ правильны ли, точны ли данным повелениям действия в исполнении, ибо все зависело от каприза, прихоти, как видим избалованного ребенка, который царапает лицо кормилице за то, что подаренная ему кукла не отвечает на его лепетанье. Такой быт хуже каторги □ нет! Несноснее смерти!... Каждое утро, от генерала до прапорщика, все, отправляясь на вахтпарад, шли как на лобное место. Никто не знал, что его там ожидает. Ссылка в Сибирь, заточение в крепость, затворение и всегдашнее безмолвие, как в могиле, в номере неизвестных»⁴.

Ф.П. Лубяновский, отметив в своих воспоминаниях, что эпоха правления Павла I в среде чиновничества имела различные

---

¹ Мемуары Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I. С. 120

² Там же, С. 212

³ Александр Михайлович Тургенев (1772-1863), чиновник, в 20-е гг. XIX в. губернатор одной из сибирских губерний. Свои мемуары писал в 1848 г.

⁴ Записки Александра Михайловича Тургенева // Русская старина. 1885. No 11. С. 265

названия, пишет далее: «Называли ее, где, как и требовалось: торжественно и громогласно □ возрождением; в приятельской беседе, осторожно, вполголоса □ царством власти, силы и страха; втайне между четырех глаз □ затмением свыше»¹.

Сам по себе этот распространявшийся по канцеляриям миф об императоре Павле не был опасен для Его Величества. Не из страха сановников за свою участь, не из их недовольства действиями Павла на троне родился заговор против него. Корни данного заговора находились, как убедительно свидетельствуют многие факты, вообще за пределами России. Тем не менее, миф об императоре-деспоте сыграл роковую роль в судьбе несчастного русского императора. Идя на убийство Павла, заговорщики могли не беспокоиться о том, как оправдать свое преступление в глазах русского общества. Указанный миф давал им такое оправдание. А в целом миф убивал не только самого императора, но и его реформы. В лживом свете данного мифа их истинный смысл терялся. Павловы реформы представляли в карикатурном виде □ как конвульсии некоего безумца.

Какие еще преобразования были сделаны новым императором? Была объявлена беспощадная война круглым шляпам, отложным воротникам, фракам, жилетам, сапогам с отворотами, панталонам. Всем предписывалось употребление пудры для волос, косичек, башмаков; волосы следовало зачесывать назад. А отнюдь не на лоб; едущим и пешеходам велено было останавливаться на улицах при встрече с императорской фамилией; сидящие в экипаже должны были выходить для поклона. В Зимнем дворце снаружи установлен был ящик для жалоб и доносов: преследуемая цель — дать обиженному и слабому средство для защиты и оправдания. Однако вскоре в нем стали появляться пасквили и карикатуры и вскоре ящик сняли. В присоединенных от Польши губерниях был восстановлен литовский статут, снова введен польский язык, изменены некоторые названия (в 1797 г. Севастополь стал именоваться Ахтиара).

Таким образом, все государственные преобразования, все перемены происходили, прежде всего, под лозунгом отрицания царствования предшествующего. Новый император, наперекор,

---

¹ Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. С. 91

политике матери, намеревался отказаться от внешних завоеваний и сохранить мир и доброе согласие с другими европейскими державами. Рекрутский набор был отменен, последовало мгновенное прекращение войны с Персией. Войска были отозваны – все достигнутое во время похода в Закавказье было брошено без разбора, без толка, жертвуя всеми приобретенными уже выгодами и руководствуясь только одним соображением: уничтожить недоконченное предприятие Екатерины. Вновь в императоре заговорил обиженный когда-то мальчик, личные обиды были поставлены выше интересов государственных (основное отличие Павла от великого прадеда Петра I, который жил интересами государства, и все делал во благо государства, забывая о себе).

Глава 4 ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРТ 1801 Г.

История заговора, погубившего Павла I, до сих пор еще остается во многих своих важнейших аспектах неразгаданной тайной. На основании сведений, сообщенных самими заговорщиками и теми, кто находился в роковую ночь с 11 на 12 марта 1801 года в Михайловском замке, историки составили близкую к реальности картину того, как убивали императора¹. Но не смогли дать ответа на главный вопрос: за что его убили.

Сами заговорщики, рассказывая об убийстве Павла, представляли свое деяние в качестве подвига, спасшего Россию от тирании сумасшедшего властителя². Эта версия причин заговора широко распространилась в мемуарной литературе. Приняли ее впоследствии и многие историки, и в том числе даже официальный биограф российских императоров Н.К. Шильдер³, имевший доступ ко многим секретным документам царского архива.

Психиатр П.И. Ковалевский (1849-1923 гг.), исследовав психику Павла I по описаниям его характера, данным в мемуарной литературе, поставил следующий диагноз: «Умственная жизнь Павла отличается отсутствием предохранительной сосредоточенности, внимания и настойчивости, быстротою сильных впечатлений, отрицательностью, одиночностью, неожиданностью, нелогичностью, непоследовательностью, асистемностью, но она лишена остроты, сообразительности и понимания. В его нормальном мышлении мы замечаем склонность к бреду, мнительности, подозрительности, символизации и преследованию. В нем была очень развита фантазия, и царило воображение. Он склонен был к мистицизму, предчувствию и прочему. Его умственная жизнь была подчинена эмотивной области. Страсти и чувствования царили над всем. Его воля была подчинена чувствам. Его волевые действия были игрищем страстей. Но эти страсти

---

¹ Эта картина представлена в целом ряде книг. См., например: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. СПб., 1901 или М., 1996; Эйдельман Н.Я. Грань веков. М., 1986.

² Так, один из руководителей заговора граф Пален говорил в 1804 г. А.Ф. Ланжерону о том, что «в последнее время сумасшествие Павла стало кровожадным; никто из нас не был уверен хотя бы за один день своей жизни, скоро бы везде стали воздвигать плахи, и вся Сибирь была населена несчастными» (Цит. по: Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории в двух томах. Т. 1. М., 1995. С. 463)

³ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 446-448

были неизмеримо выше страстей Петра III. Он проявлял любовь к семье, жене, друзьям. Поэтому его должно отнести к дегенератам высшим, к дегенератам второй степени с наклонностями к переходу в душевную болезнь в форме бреда преследования»¹. Надо ли доказывать, что этот диагноз относится скорее к мемуарной литературе о несчастном императоре, нежели к самому этому императору. Рассмотренные нами заметки и записки Павла выдают в нем человека весьма рассудительного, способного мыслить вполне логично и системно.

Историк В.О. Ключевский не принимал версии о сумасшествии Павла, но и он усматривал в его характере ненормальность. «Иные считали и считают Павла душевнобольным человеком. Но это мнение только оправдывает непростительное царствование, а не объясняет несчастного характера царя», □ писал он. Приговор историка гласил: «Павел был просто нравственно ненормальный царь, а не душевнобольной человек. Душевная болезнь невменяема, как несчастье, а за ненормальный образ действий человек отвечает, как за порок, до которого он сам довел себя по собственной вине. Вина Павла состояла в том, что он не хотел знать правил человеческого общежития, обязательных для всякого человека, на каком бы общественном посту ни стоял он»².

Из всех этих оценок выходит, что смертью от рук заговорщиков Павел ответил за свою душевную или нравственную ненормальность. Ключевский писал о действиях заговорщиков: «...Пришли, убили и ушли, все оставив по-прежнему, все предоставив преемнику. Бросили камень в стоячее болото; оно всплеснулось, побудоражилось, потом уравнилось и стало прежней зеркальной гладью...»³. Но если все осталось «по-прежнему», в чем заключался тогда смысл убийства императора Павла? Неужели его убили только для того, чтобы освободить престол для другого, более нормального, человека?

Заговорщики всегда склонны скрывать истинную цель своего заговора. Впрочем, зачастую они и сами не вполне осознают ее и руководствуются в своих действиях различными мелкими побуждениями. И нередко так получается, что в заговоре со-

---

¹ Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы из истории в двух томах. Том 1. С. 471-472

² Ключевский В.О. Указ. соч. С. 411

³ Там же, С. 412

единяются люди, каждый из которых имеет свои собственные мотивы участия в нем, отличающиеся от тех, что движут другими заговорщиками.

Именно это произошло в рассматриваемом случае. В заговоре против Павла объединились такие прагматичные, лишенные каких-либо идейных устремлений люди, как Л.Л. Беннигсен¹, П. А. Пален², братья П.А. и Н.А. и В.А. Зубовы³ и др. Участвуя в заговоре, каждый из них преследовал свой особенный эгоистический интерес, имевший мало общего с интересами Российского государства. Каждый таил на императора Павла какую-либо мелкую обиду, ощущал себя в чем-то обделенным Его Величеством.

То же самое можно сказать и о Н.П. Панине⁴ с О.М. Рибасом⁵, которые, по мнению ряда современников и последующих историков, первые выдвинули мысль совершения государствен-

---

¹ Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофил) Беннигсен (1745-1826), родом из Ганновера, на русской службе с 1774 г., в феврале 1798 г. был произведен в генерал-лейтенанты. Сыграл решающую роль в убийстве российского императора Павла. Люди, знавшие Беннигсена, неизменно отмечали в своих мемуарах его хладнокровие. «...Длинный, сухой, накрахмаленный и важный, словно статуя командора из «Дон Жуана», □ писала о нем княгиня Д.Х. Ливен (Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1908. С. 181). «...Высокий, сухощавый, с длинным лицом и орлиным носом, с видной осанкой, прямым станом и холодной физиономией», □ характеризовал Беннигсена А.Ф. Воейков (Исторический сборник Вольной русской типографии. Кн. 2. Лондон, 1861. С. 126). Но лучше всех сказал о главном убийце Павла А.И. Тургенев □ «длинный как шест, сухой, хладнокровный, как черепаха»

² Петр Алексеевич Пален (1745-1826), генерал от инфантерии, в марте 1801 г. Санкт-Петербургский военный губернатор. «Он был душою заговора против своего благодетеля», □ писал о Палене Ф.Ф. Вигель, называя его при этом «старым, преступным временщиком» (Вигель Ф.Ф. Записки // Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825. М., 1989. С. 445). По удивительному совпадению Беннигсен и Пален □ два иностранца на русской службе, ставшие во главе заговора против императора Павла, □ родились и умерли в одни и те же годы

³ Платон Александрович Зубов (1767-1822), бывший фаворит Екатерины II, с 23 ноября 1800 г. директор Сухопутного кадетского корпуса в С.-Петербурге. Николай Александрович Зубов (1763-1805), с конца 1800 г. директор 2-го кадетского корпуса. Валериан Александрович Зубов (1771-1804), с конца 1800 г. шеф Сумского гусарского полка, размещенного в столице

⁴ Панин Никита Петрович (1770-1837), с 27 сентября 1799 г. являлся вице-канцлером, 15 ноября 1800 г. был отставлен с должности, а спустя несколько дней и выслан из С.-Петербурга в свое имение Петровско-Разумовское, находившееся близ Москвы. 16 февраля 1801 г. ему было отправлено генерал-прокурором Оболяниновым уведомление о высочайшем разрешении посещать обе столицы

⁵ Осип (Иосиф) Михайлович Рибас (1749-1800), адмирал, испанец на русской службе, 12 ноября 1800 г. был назначен Павлом на должность помощника вице-президента Адмиралтейств-коллегии. 2 декабря того же года внезапно скончался

ного переворота для возведения на императорский престол цесаревича Александра Павловича¹.

Леонтий Леонтьевич Беннигсен

И тот и другой считали себя незаслуженно обиженными императором Павлом. Н.П. Панин писал 19 апреля 1799 г. С.Р. Воронцову: «От моего дяди (Никиты Ивановича Панина, главного воспитателя великого князя Павла) осталось долгу 320 000 руб.; великий князь знал это и торжественно обещал моему отцу уплатить все долги моего дяди лишь только взойдет на престол. Мой отец умер в 1789 г.; хотя он уплатил часть долгов дяди, оставил мне еще 180 000 руб. долгу. Погашение этой суммы в банке отнимает у меня ежегодно 15 000 руб. доходу, и это заставляет меня делать новые долги. Среди потока щедрот, изливаемых с тро-

---

¹ Об этом прямо пишет в своих записках Л.Л. Беннигсен (Русские мемуары. Избранные страницы. 1800-1825). с. 29). А.Ф. Воейков подчеркивает в своих записках: «Не граф Пален зачинщик заговора против императора Павла, первая мысль была графа Никиты Петровича Панина» (Из записок А.Ф. Воейкова. Материалы для биографии императора Павла I. Лейпциг, 1874, с. 79). Историк Н.К. Шильдер указывает в своей книге о Павле I, что графа Н.П. Панина «следует признать творцом заговора, начавшегося в 1800 г.» (Шильдер Н.К. Император Павел Первый. М., 1996, с. 449)

на, только один забыт — это наследник фамилии, в отношении которой приняли на себя формальное обязательство».

Петр Алексеевич Пален

Общество человеческое так странно устроено, что все в нем возможно. И для кого-то мелкая обида может быть вполне достаточным мотивом для совершения крупного преступления. Но вышеназванные персоны не относились к числу столь безрассудных людей. Тот факт, что они решились на участие в таком смертельно опасном предприятии, как заговор против своего императора, означает только одно — за их мелкими обидами стояла некая значительная сила.

Эта сила обнаруживает себя в той самой главной цели заговора против императора Павла, которой бессознательно служили заговорщики, служа сознательно своим корыстным интересам. Но что составляло данную цель?

Николай Александрович Зубов

Очевидно, что цель заговора — в его результате. В тех переменах, которые он несет с собой. Убийство Павла I имело своим непосредственным следствием возведение на российский престол нового императора. Но только ли в замене одного самодержца другим заключался результат заговора?

Платон Александрович Зубов

Безусловно, после убийства императора Павла I произошли определенные перемены во внутренней политике российской самодержавной власти, на высшие должности в системе управления империей пришли новые люди: молодые аристократы, друзья нового императора. Развернулась административная реформа. Но все эти перемены были малозначительными, а реформа государственного управления происходила по общему плану, начертанному императором Павлом.

По-настоящему существенные перемены убийство Павла I произвело только в одной области □ во внешней политике Российской империи.

Валерий Александрович Зубов

В последний год своего правления Павел I осуществил, пожалуй, самую серьезную по своему влиянию на судьбу России реформу, которая затрагивала в той или иной мере все сферы жизни российского общества, но непосредственно касалась взаимоотношений Российского государства с двумя ведущими мировыми державами — Великобританией и Францией. Ко времени восшествия Павла на императорский престол для России стало уже прочной традицией выступать в международных делах в коалиции с Великобританией. Осенью 1800 года император Павел порвал с этой традицией и повел Россию на сближение со злейшим врагом Великобритании — наполеоновской Францией.

Осип Михайлович Рибас

Совершенный Павлом I коренной поворот в российской внешней политике не был следствием случайного эмоционального всплеска, но представлял собой результат переосмысления им истории взаимоотношений Великобритании и России на протяжении XVIII столетия. Павел пришел к выводу о том, что британские правители использовали Россию в качестве инструмента проведения своих интересов на Европейском континенте¹ и что союз с Великобританией со многих точек зрения не выгоден Российскому государству. 1 октября 1800 г. император Павел предложил графу Ф.В. Ростопчину, фактическому руководителю коллегии иностранных дел, изложить свои мнения об отношениях России с ведущими европейскими державами. На следующий день Ростопчин представил императору соответствующую записку. «Вашему Императорскому Величеству угодно было, □ писал

---

¹ Любопытно, что к такому же выводу пришел впоследствии и Карл Маркс, исследовавший документы британской внешней политики. Данный вывод был обоснован им в работе «Секретная дипломатия XVIII столетия» (См.: Marx K. The Secret Diplomacy of Eighteenth Century. London, 1899). В переводе на русский язык эта работа Маркса была издана только в конце 80-х годов XX в. Ее опубликовал журнал «Вопросы истории»

он, □ повелеть мне вчерашний день представить на бумаге настоящее положение России в отношении ее с другими державами и заключить сие начертание собственными моими рассуждениями, предложив при этом удобные способы для охранения и впредь России от завистников ее славы и могущества, для обращения сих способов ей в пользу в нынешних замешанных Европейских обстоятельствах и приобретения чрез то новых выгод на предъидущие времена»¹. Граф утверждал в своей записке, что целью Англии, в каком бы положении она ни находилась, является падение Франции, что «все виды Англии устремлены на присвоение себе единой всех выгод мирной торговли», что она «под видом соблюдения пользы общей обращала единственно в свою все те случаи, где находила возможность насильственно присвоить себе какое-нибудь право». В качестве наиболее яркой иллюстрации этого Ростопчин привел поведение Англии во время Французской революции, когда она, «проповедуя всем державам ревность свою на извержение Парижского угрожающего правления для возвращения паки Бурбонского разбежавшегося дома на престол, вооружала попеременно угрозами, хитростью и деньгами все державы против Франции и выпускала их на театр войны единственно для достижения собственной цели; овладела тем временем торговлею целого света»². В заключение своих рассуждений Ростопчин предлагал императору Павлу вступить в союз с Францией³. Его Величество начертал на этой записке Ростопчина следующую резолюцию: «Апробуя план ваш, желаю, чтоб вы приступили к исполнению онаго. Дай Бог, чтоб по сему было».

4 января 1801 г. Павел отправил в Париж в качестве своего специального посланника С.А. Колычева. В наказе ему, составленном двумя неделями ранее, император писал: «Желая умиротворить Европу, терзаемую уже 11 лет бичем войны, я решился вступить в прямые отношения с Французским правительством... Прибыв к Бонапарту, вы войдете в непосредственное сношение с ним и употребите все ваше усердие и ваши способности, чтобы привести дела к желаемой цели и утвердить соглашение на осно-

---

¹ Записка графа Ф.В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования // Русский архив. 1878. Кн. 1. No 1. С. 103

² Русский архив. 1878. Кн. 1. No 1. С. 106

³ Там же, С. 109

вании нижеследующих статей...»¹. В этих статьях Павел формулировал условия, на которых он согласится вступить с Францией в союз и признать ее республикой. Помимо этих статей, Колычев имел в своем распоряжении специальные указания своего императора для переговоров с первым консулом Наполеоном Бонапартом. Павел I предписывал, в частности, своему посланнику расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула с престолонаследием в его семействе. «Таковое решение с его стороны, — отмечал Павел, — я почитаю единственным средством даровать Франции прочное правительство и изменить революционные начала, вооружившие против нее всю Европу»². В последнем пункте своих предписаний Колычеву российский император наказывал ему: «Не терять из виду, что намерение мое есть возратить спокойствие целой Европе и что, признавая Францию республикою, а Бонапарта государем, я хочу отнять у Австрии, Англии и Пруссии средство успеха в их системе расширять свои владения, каковая система также и даже более вредит общему благосостоянию, как и начала революционной Франции, и что, напоследок, я предпочитаю допустить существование одной гидры, чем видеть, как возникают многие и терпеть их». Внизу этих предписаний стояла дата — 29 декабря 1800 г.

Сближение России с Францией шло настолько стремительно, что уже в первой половине января 1801 года российский император и французский первый консул начинают подготовку совместного похода двух экспедиционных корпусов (по 35 тысяч человек каждый) в Индийские владения Англии.

12 января 1801 г. атаман Войска Донского генерал от кавалерии В.П. Орлов получил из Санкт-Петербурга следующее послание: «Индия, куда вы назначаетесь, управляется одним главным владельцем и многими малыми. Англичане имеют у них свои заведения торговые, приобретенные или деньгами, или оружием, то и цель все сие разорить, а угнетенных владельцев освободить и землю привести России в ту же зависимость, в какой они у англичан и торг обратить к нам. Сие вам исполнение поручения

---

¹ Тайный наказ Императора Павла действительному тайному советнику Колычеву // Русский архив. 1874, Кн. 2. Стлб. С. 966-967

² Русский архив. 1874. Кн. 2. Стлб. С. 970

чая, пребываю вам благосклонный Павел»¹. На следующий день генералу Орлову было доставлено еще одно послание императора: «Василий Петрович, посылаю вам подробную и новую карту всей Индии. Помните, что вам дело до англичан только, а мир со всеми теми, кто не будет им помогать; итак проходя, их уверяйте о дружбе России и идите от Инда на Гангес и там на англичан. Мимоходом утвердите Бухарию, чтоб китайцам не досталась. В Хиве высвободите столько-то тысяч наших пленных подданных. Если бы нужна была пехота, то пришлю вслед за вами, а не иначе прислать будет можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сделали. Ваш благосклонный Павел»².

Направляя в Индию сухопутные войска, Павел распорядился снарядить для поддержки этого похода с моря три военных фрегата. Позднее некоторые историки (Н.К. Шильдер и др.) будут писать о том, что никакой сколько-нибудь серьезной угрозы для Англии эта попытка Павла вытеснить ее из Индии не представляла³.

Однако паническая реакция британского правительства на дошедшие до него сведения о замыслах Павла полностью опровергает данное мнение. Ф.В. Ростопчин писал впоследствии: «Пред кончиною покойного государя, в 1801 г., Англия находилась в очень трудном положении. Ей грозила Франция, у нее отнимались все способы продовольствия и закрывались кораблям ее все европейские порты, кроме берегов Адриатического моря... Европа находилась в таком положении, что им можно было отлично воспользоваться для обуздания страшного самовластия Англии».⁴

Что оставалось делать правительству Великобритании в таком положении? Воевать одновременно с двумя таким сильными державами, как Россия и Франция, было бы безумием. Очевидно, что у Великобритании имелся только один выход из катастрофического для ней хода европейских дел — убийство Наполеона Бонапарта или Павла I. О многочисленных заговорах и покушениях

---

¹ Письма императора Павла к атаману Донского войска генералу от кавалерии Орлову-1-му // Русская старина. 1873. No 9. С. 409-410

² Русская старина. 1873. No 9. С. 409-410

³ Это мнение высказывал и официальный биограф императора Павла Н.К. Шильдер

⁴ Цит. по: Буцинский П.Н. Отзывы о Павле I-м его современников. С. 39

на жизнь первого консула Франции, организовывавшихся на английские деньги, можно прочесть почти в каждой из биографий Наполеона Бонапарта. Множество различных фактов свидетельствует, что заговор против императора Павла находился в этом же ряду.

Англия с давних пор имела в России свою опору в среде аристократии — целую группировку весьма влиятельных при императорском дворе англофилов. По некоторым данным, англофильство этой части русской аристократии регулярно стимулировалось солидными финансовыми вливаниями.

Любопытно, что император Павел вызывал у русских англофилов откровенное восхищение. Признанный их глава С.Р. Воронцов писал 12 декабря 1796 г. в письме к С.А. Колычеву: «Мы лишились великой монархини; но несомненно, что преемник ее будет великим и добрым государем... Мы знаем, что он сведущ и умен. Образ его действий по вступлении на престол свидетельствует о превосходном его характере и возвышенной душе»¹. О том, что «первые годы правления Павла ничем не разочаровали Воронцова», которого император так «высоко ценил», что «в начале 1799 г. предложил занять пост государственного канцлера вместо умершего графа Безбородко», пишет в своей монографии, посвященной русским англофилам, современный английский исследователь Энтони Кросс². Но спустя некоторое время С.Р. Воронцов стал открытым и непримиримым противником императора Павла. Когда же и в связи с чем произошел этот переворот в воронцовском сознании? Энтони Кросс прямо указывает время и главную причину его — конец 1800 г., начало сближения Павла с Наполеоном Бонапартом.

Еще в середине 1799 г. С.Р. Воронцов писал в одном из своих писем: «Я благодарю Всевышнего, что при конце моей жизни он дозволил мне дожить до сих счастливых времен, в кои царствует в моем отечестве Государь, столь великодушный и премилостивый...»³, а осенью того же года сочинял восторженные стихи о своем императоре⁴. Его славословия в адрес Павла I продолжа-

---

¹ Будицкий П.Н. Отзывы о Павле I-м его современников. С. 27

² Кросс Э. У темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII в. С. 41

³ Цит. по: Будицкий П.Н. Отзывы о Павле I-м его современников. С. 28

⁴ Вот образец их —

«Российских он сынов

лись вплоть до осени 1800 г. С конца 1800 г. он, находясь в Лондоне, уже открыто призывал в письмах к своим друзьям в России убить Павла¹. В письме к Н.Н. Новосильцеву от 2 февраля 1801 г. С.Р. Воронцов после сообщения о «безумии» Павла, «ежедневных жестокостях», якобы им совершаемых, восклицал: «Но это не действует на нацию и на тех, которые наиболее заинтересованы в ее спасении. Кажется, будто оцепенение и дурацкая трусость обуяли все души».²

Британский посол в России Чарлз Уитворт раньше всех сторонних лиц почувствовал перемену в отношении российского императора к Великобритании.

Чарльз Уитворт

Он так же, как и русские англофилы, в течение первых лет правления Павла воздавал ему хвалу. Однако накануне своего удаления из Санкт-Петербурга, в марте 1800 г., резко изменил свое мнение о нем. Чарльз Уитворт был, пожалуй, одним из первых, если не первым, кто стал распространять слух о сумасшествии Павла. 6 марта 1800 г. он заявил в своей депеше в Лондон:

И слава, и любовь;
Драгия Павла дни,
Господь, продли!»

¹ Одно из таких писем цитирует в своей книге о Павле I Н.К. Шильдер (См.: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 447-448.)

² Цит. по: Буцинский Н.П. Отзывы о Павле I-м его современников. С. 29

«The emperor is literally not in his senses (Император, говоря литературно, не в себе)... С тех пор, как он вступил на престол, психическое расстройство его стало постепенно усиливаться...»¹.

Подобную перемену отношения к императору Павлу во второй половине 1800 г. проявили многие русские аристократы. Как уже отмечалось выше, по мнению современников тех событий, идею организации заговора против Павла подал Н.П. Панин. Так вот, высказываться эта идея стала именно с осени 1800 г., после того, как сделалось очевидным, что российский император отходит в своей внешней политике от союза с Великобританией к коалиции с Францией. А.Ф. Воейков писал в своих мемуарах, что британский премьер-министр Питт «с восторгом ухватился за нее, когда Ольга Александровна Жеребцова, урожденная Зубова (родная сестра г. Платона Александровича) сообщила ему ее, и щедрою рукою отсыпал серебрянники: ибо между заговорщиками находился и Иуда предатель. Не знаю, как поделили их, но знаю, что огромные суммы остались у графа Палена, который не всыпал их в сокровищницу церковную и не удавился от раскаяния»².

Историк Е.С. Шумигорский утверждал, основываясь на многих свидетельствах, о том, что с момента разрыва императора Павла с Англией «английские гинеи текли обильною рекою в руки Палена и других единомышленников чрез приятельницу Витворта О.А. Жеребцову, сестру Зубовых»³. П.А. Толстой рассказывал в свое время, что в марте 1801 г. видел у Палена целые свертки английских гиней. Пребывая в отставке, Пален, играя однажды с Зубовым в карты, поставил на кон сразу 200 тысяч рублей⁴.

А.Ф. Воейков с болью констатировал в своих записках: «В дворцовой революции 12 марта всего прискорбнее, всего ненавистнее для Русского то, что ее произвела не пламенная любовь к отечеству, не желание спасти граждан от тиранства; ее произвело личное мщение и золото Англии.

---

¹ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Павел Первый. М., 1996. С. 446

² Из записок А.Ф. Воейкова. Лейпциг, 1874. С. 79

³ Шумигорский Е.С. Екатерина Ивановна Нелидова. СПб., 1898. С. 162

⁴ Там же. См. также: Буцинский Н.П. Отзывы о Павле I-м его современников. С. 41

Ольга Александровна Жеребцова

Спросите у Ольги Александровны Жеребцовой, сестры Зубовых, она еще жива. Она была любовницей английского посла при российском дворе лорда Уитворта и тайным агентом Питта. Ее заговорщики послали в Лондон к Питту, который на упреки принца Conde в смерти Павла холодно ему ответил: “*Qui m’importe comment, pourvu, que l’animal soit terrasse*”¹»². Не исключено, что мысль об устранении Павла I с российского императорского престола посредством узкой группы состоявших у него на службе сановников была действительно подсказана премьер-министру Великобритании Уильяму Питту через Ольгу Жеребцову самими этими сановниками. Им, выросшим в эпоху дворцовых переворотов, это должно было казаться вполне естественным. Но более вероятным представляется все же другое: Питт сам вбросил эту идею через кого-то (может быть, даже через Ольгу Жеребцову, любовницу посла Великобритании в России, или через самого Чарлза Уитворта) в среду российских ари-

---

¹ Дословно: «Неважно как, лишь бы зверь был сражен»

² Из записок А.Ф. Воейкова. С. 94-95

стократов. Основания для такого предположения есть, и весьма серьезные. В 50-х гг. XIX века Карл Маркс, работая однажды в Британском музее, обнаружил в коллекции английского историка Уильяма Коукса массу документов XVIII столетия, среди которых было множество писем и докладов от англичан, представлявших интересы Великобритании в России. Содержание найденных документов настолько заинтересовало теоретика научного коммунизма, что он решил написать на их основе специальную работу. В августе 1856 – апреле 1857 его произведение «Откровения из дипломатической истории 18 столетия» («Revelations of diplomatic history of the 18-th century») было опубликовано в еженедельной лондонской газете «Свободная пресса (Free Press)»¹. Четыре из пяти глав (1-я, 2-я, 3-я и 5-я) данного произведения составляли обширные цитаты из документов, обнаруженных К. Марксом в Британском музее. В заключение первой главы приводился текст сообщения, которое отправил из России в адрес Уильяма Коукса капеллан английской фактории в Санкт-Петербурге Л.К. Питт, являвшийся ближайшим родственником премьер-министра Уильяма Питта. По некоторым фактам, упоминающимся в данном сообщении, его можно уверенно датировать 1800 г. Любопытно, что в верхней части рукописного оригинала этого документа стояла пометка, сделанная, как предположил Маркс, Уильямом Коуксом, □ «To be burnt after my death (должно быть сожжено после моей смерти)». Почему данную бумагу предназначали к сожжению? Что опасного содержалось в ее тексте? В сообщении капеллана Л.К. Питта речь шла о переменах во внешней политике России, произведенных императором Павлом. «Как известно, □ писал Питт, □ последние слова, произнесенные императрицей (Екатериной II), были адресованы ее секретарю, когда она отпускала его от себя в то утро, в которое ее хватил удар. «Скажи князю (Зубову), □ сказала она, □ чтобы он пришел ко мне в двенадцать и чтобы напомнил мне о подписании

---

¹ Впоследствии эта работа Карла Маркса была подготовлена его дочерью Элеонорой к изданию в качестве отдельной книжки. Она вышла в свет (уже после смерти Элеоноры) в 1899 году в Лондоне под названием «Secret Diplomatic History of the Eighteenth Century». Под этим последним названием произведение Маркса затем выходило во всех последующих изданиях на английском и других языках. В собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, выпускавшиеся в СССР, оно не включалось

Договора о союзе с Англией”». Далее Питт завел речь о значении, которое имеет для Великобритании союз с Россией. «Узы, которые привязывают ее (Великобританию) к Российской империи, сформированы природой и являются нерушимыми, □ заявил он. □ Объединенные, эти нации могли бы смело противостоять объединенному миру; у разделенных, сила и значение каждой основательно уменьшаются. Англия имеет причину сожалеть вместе с Россией о том, что императорский скипетр используется так несообразно, но единственным, кто разделяет империи, является государь России». Данное свое сообщение капеллан Л.К. Питт завершает следующими весьма примечательными словами: «Насколько человеческое провидение может в этот момент понимать, отчаяние разъяренного индивидуума кажется более вероятным средством покончить с настоящим мрачным положением, чем какая-либо более систематическая комбинация мер для восстановления достоинства и значения трона России». Можно предполагать, что совсем нехристианские рассуждения английского слугителя христианской религии были доведены до сведения премьер-министра Великобритании. Л.К. Питт показывал в своем послании просто удивительную осведомленность о происходящем в покоях Екатерины II и при дворе Павла I, а кроме того, проявлял настолько необычную для простого английского капеллана степень заинтересованности в восстановлении союза России с Англией, что допускал в качестве средства достижения этой цели самые крайние меры. Трудно поверить, что такой человек мог быть послан в Санкт-Петербург только для отправления обязанностей капеллана.

Как бы то ни было, в своем послании к историку Уильяму Коуксу ближайший родственник премьер-министра Великобритании почти открыто заявлял о том, что наиболее вероятным средством привести внешнюю политику Российской империи в прежнее выгодное для Англии русло является убийство императора Павла. Ведь иначе как убийством государя, повернувшего Россию от союза с Англией к союзу с ее злейшим врагом – Францией, «разъяренный индивидуум» не мог «покончить с настоящим мрачным (для Англии) □ положением». Пожалуй, именно из-за этих слов Уильям Коукс обрекал бумагу, на которой они были начертаны, к сожжению после своей смерти. Эти слова сви-

детельствовали о том, что идея убийства российского императора не только воспринималась английскими официальными лицами как вполне допустимая, но, по-видимому, именно в их среде и возникла.

Павел родился в летнем деревянном дворце императрицы Елизаветы. Взойдя на императорский престол в день Архангела Михаила, он повелел 20 ноября 1796 г. «бывший летний дворец □ называть Михайловским дворцом». 26 февраля 1797 г. на месте этого дворца была произведена торжественная закладка здания Михайловского замка, который Павел предназначил для своей резиденции. «Я хочу умереть на том месте, где родился», □ говорил он. Это трогательное желание Павла исполнилось без большого промедления и самым жестоким образом...

Слухи о всеобщем недовольстве и готовящемся заговоре стали, наконец-то доходить и до Павла. 9 марта 1801 г. по этому поводу между императором и графом Паленом произошел достопримечательный разговор: «Я вошел в кабинет императора в семь часов утра, чтобы подать ему, по обыкновению, рапорт о состоянии столицы. Я застаю его озабоченным, серьезным; он запирает дверь и молча смотрит на меня в упор минуты две и говорит, наконец:

«- Граф Пален! Вы были здесь в 1762 г. □ Да, ваше величество, - но что вам угодно сказать этим?

- Вы участвовали в заговоре, лишившем моего отца престола?

- Ваше высочество, я был свидетелем переворота, а не действующим лицом; я был очень молод, я служил в низших офицерских чинах в конном полку, ничего не подозревая, что происходит. Но почему, ваше величество, задаете вы мне подобный вопрос?

- Почему? Вот почему: потому что хотят повторить 1762 г.

Я затрепетал при этих словах. Но тотчас же оправился и отвечал:

- Да, ваше величество, хотят! Я это знаю и участвую в заговоре.

- Как! Вы это знаете и участвуете в заговоре? Что вы мне такое говорите!

- Сущую правду, ваше величество; я участвую в нем и должен показать вид, что участвую, в виду моей должности, ибо как мог бы я узнать, что намерены они делать, если бы не притворился, что хочу способствовать их замыслам? Но не беспокойтесь, □ вам нечего бояться: я держу в руках все нити заговора, и скоро все станет вам известно. Не старайтесь проводить сравнений между вашими опасностями и опасностями, угрожавшими вашему отцу. Он был иностранец, а вы русский, он ненавидел русских. Презирал их и удалил от себя, а вы любите их, уважаете и пользуетесь их любовью, он не был коронован, а вы коронованы, он раздражил и даже ожесточил против себя гвардию, а вам она предана. Он преследовал духовенство, а вы почитаете его, в его время не было никакой полиции в Петербурге, а ныне она так усовершенствована, что не делается ни шага, не говорится ни слова помимо моего ведома, каковы бы ни были намерения императрицы, она не обладает ни гениальностью, ни умом вашей матери, у нее двадцатилетние дети, а в 1762 г. вам было только семь лет.

- Все это правда, □ отвечал он, □ но, конечно, не надо дремать.

На этом наш разговор и остановился»¹.

Передавая содержание разговора, граф упустил одну очень важную деталь: он доложил еще Павлу, что как военный губернатор нуждается в чрезвычайных полномочиях для предупреждения возможных случайностей. Император удовлетворил желание Палена, чем вскоре он не преминул воспользоваться. Конечно, Павел. Будучи подозрительным и недоверчивым человеком принял меры для ограждения своей безопасности. А именно в Петербург были вызваны Аракчеев и Линденер, на преданность которых он мог, безусловно, рассчитывать. Но это было запоздалое решение. Пален приказал арестовать Аракчеева. С каждым днем настроение Павла Петровича делалось все более мрачным, а подозрения усиливались. Никто не был уверен, что будет с ним на следующий день.

Наступил понедельник 11 марта 1801 г. граф Пален завалил императора различными докладами и донесениями. Затем про-

---

¹ Шильдер Н.К. Указ. соч. С. 474

должился день в привычном русле, начался развод, на котором, однако, не присутствовали великие князья Александр и Константин. Император был очень зол. После развода граф Пален приказал всем офицерам гвардии собраться у него на квартире, где объявил, что император ими якобы не доволен и велел разъехаться по домам. Затем император совершил конную прогулку, навестил своего малолетнего сына Николая Павловича. Вечер император провел с детьми и со знатными особами, которые по обыкновению приглашались в гостиную комнату. Император был весел. А вот Александр Павлович, напротив был очень молчалив и задумчив, что не укрылось от внимания отца. Чуть позже Павел отпустил караул.

Заговорщики вошли в императорский дворец сразу после полуночи двумя колоннами. Одна □ числом в 25–30 человек, под предводительством Беннигсена с братьями Платоном и Николаем Зубовыми □ проследовала через малые ворота, со стороны Летнего сада. Другая □ в 10–15 человек, во главе с Паленом □ прошла парадным подъездом. Именно колонне Беннигсена предстояло сыграть главную роль. В ее составе были те, кто пылал самой неистовой ненавистью к императору. И путь, которым они пошли, был самым коротким к спальне Его Величества.

Со всех сторон дворец окружали войска под управлением верных заговорщикам офицеров. И караулами внутри дворца командовали те, кто поддерживал заговор. Тем не менее, страх витал среди заговорщиков. Он охлаждал их разгоряченные вином головы. То один, то другой замедлял свои шаги, останавливался, уходил в сторону, исчезая в темноте коридоров.

Когда Беннигсен поднялся к покоям императора, с ним было от силы 8–10 человек □ менее половины от вошедших во дворец. Однако это были люди, готовые на все. Страх по-прежнему терзал их души, но сознание, что отступление означает путь на эшафот, заставляло их действовать решительно и жестоко. Прежде чем попасть в спальню императора, заговорщики должны были пройти маленькую кухню, затем прихожую. Здесь им встретилось первое препятствие. Перед прихожей стоял часовой □ рядовой гренадерского батальона лейб-гвардии Семеновского полка. Он мог поднять тревогу. Николай Зубов выхватил саблю и ударил ею часового □ тот упал, обливаясь кровью. Дверь в прихо-

жую была заперта на ключ, но заговорщики предусмотрели это и захватили с собой плац-адъютанта Аргамакова, который по утрам приходил к государю с докладами о происшествиях за ночь и был поэтому знаком его лакеям. Услышав голос Аргамакова, лакеи открыли дверь. Заговорщики набросились на них. Один лакей был сбит саблей с ног, но другой каким-то образом увернулся от ударов и с криком бросился по лестнице, поднимая тревогу. Платон Зубов, и без того сам не свой от страха, в этот момент и вовсе растерялся. Повернув назад, он попытался скрыться, и другие уже были готовы последовать за ним, но сохранивший хладнокровие Беннигсен подбежал к Зубову и, схватив его за руку, выдохнул: «Как? Вы сами привели нас сюда и теперь хотите отступать? Это невозможно, мы слишком далеко зашли, чтобы слушаться ваших советов, которые нас ведут к гибели. Жребий брошен, надо действовать. Вперед!»

Подстегнутые этими словами заговорщики ринулись к государственной спальне. Дверь в нее заперта, напор плеч — и она распадается. Заговорщики бросаются к постели — она пуста! Вновь замешательство, и опять выручает всех Беннигсен. Спокойно подходит он к постели и щупает ее рукою: «Гнездо теплое, птица недалеко!» Несколько шагов по комнате, и взгляду Беннигсена, а затем и других предстает испуганный император, стоявший в ночной сорочке за ширмой...

Расправа была жестокой. Врачи, проводившие бальзамирование убитого, обнаружили побои на всем теле: следы ударов на голове, сильный ушиб виска, красные пятна на боку и на бедрах, кровоподтеки на коленях, широкий кровоподтек вокруг шеи. Многие удары были нанесены уже по мертвому телу...

Император Александр обратился к семеновскому караулу со словами: «Батюшка скончался апоплексическим ударом. Все при мне будет, как при бабушке». На следующий день вид нового императора вызывал сочувствие окружающих. Смерть отца произвела на него потрясающее впечатление. В его сознании царская власть, которую он принял на себя столь неохотно, являлась одним тяжелым бременем.

Так погиб российский император Павел I. Деньги, выделенные на его убийство, не пропали даром. Его старший сын,

взойдя на императорский престол, уже не помышлял о разрыве с Англией...

Первый консул Франции Наполеон Бонапарт, получив известие о смерти российского императора Павла, пришел в ярость. «Они промахнулись по мне в Париже 3 нивоза¹, □ гневно кричал он, имея в виду англичан, □ но попали в меня в Петербурге!»

Бывший британский посол в России Чарлз Уитворт приятную для себя весть о гибели Павла I получил в Лондоне. Ровно через год после этого его назначили послом в Париж. 13 марта новый посол Великобритании представлялся первому консулу Франции. Наполеон Бонапарт кричал на него так, будто лорд Уитворт прибыл в Париж только для того, чтобы организовать его убийство... Ольга Жеребцова новость о смерти императора Павла узнала в Берлине на балу у короля Пруссии. Она немедленно объявила о случившемся присутствовавшим на балу. При этом в ее голосе было столько радости, что гости подумали: женщина сошла с ума. Разразился большой скандал. К счастью для Ольги Александровны, ни прусский король, ни его гости не знали тогда о том, что русский император не умер, а был убит, и что в числе убийц были ее родные братья. Петербургская аристократия, узнав о кончине ненавистного ей самодержца, впала в радостное безумие. Радовались и многие не слишком знатные дворяне. К вечеру 12 марта эти радостные выпили все имевшееся в городе шампанское, которое здесь никогда прежде – с тех пор, как петербуржцы начали его пить, □ до конца не выпивалось.

Интересную мысль о причинах заговора, о его участниках, а также о событиях того дня высказал Ю.М. Макарец в своей работе «События 11-12 марта 1801 г. в восприятии современников». Причем в его исследовании рассматривается историография проблемы, а именно записки современников, как сторонников, так и противников Павла, их отношение к перевороту, а также оценка событий, которые произошли после переворота. Ниже мы приведем полностью работу данного автора, поскольку, на наш взгляд, историк провел фундаментальное исследование проблемы, кото-

---

¹ 3 нивоза 9 года Республики, или 24 декабря 1800 года по общепринятому в Европе Григорианскому календарю, на Первого консула Франции было совершено покушение. Наполеон Бонапарт чудом остался жив после взрыва «адской машины», заложенной в мостовую по пути его следования в оперный театр

рое заслуживает полного освещения в контексте нашей монографии.

«Введение

а) Постановка проблемы

Записки современников несут в себе помимо культурологической ценности, также и информацию, не содержащуюся более нигде (ни в документах, ни в вещах). С другой стороны, такая информация всегда субъективна. Некоторые исследователи, основываясь на этом, полагают, что "история – это мифы разных поколений: повествовательные дубликаты прошедшей жизни" (Песков, 2005, с. 6). Эта мысль не нова. Об относительности исторического познания рассуждал еще в начале 19 века Август Коцебу: "Если даже современник, свидетель и очевидец происшествия, знакомый со всеми действующими лицами, должен на первых же порах употреблять такие, нередко тщетные старания, чтобы напасть на след истории, то какую же веру потомство может придавать историкам?.." (Коцебу, с. 275).

Казалось бы, это должно предопределить апофатичность исторической методологии, однако чаще в исследованиях можно встретить утвердительные формулировки, чем отрицательные. Сочетание анализа источников с их последующим синтезом, обобщением, сравнением, обуславливает возможность говорить о минувших событиях с некоторой долей определенности. В данной работе во избежание простого перечисления "мифов" содержится сравнительный анализ источников и попытка их синтеза. Следует сразу сказать, что восстановление действительного хода событий не является в данном случае приоритетом. Это требует привлечения дополнительных источников (официальных, так называемых "немых" и других), что сильно бы раздвинуло рамки данной работы.

б) Цель и задачи

Цель данной работы – рассмотреть в историческом контексте восприятие современниками событий 11-12 марта 1801 года. Поставленная цель обрисовывает три первостепенные задачи, заключающиеся в анализе:

1. Характеристики современниками личности Павла Первого и его правления (иными словами того, что послужило толчком для переворота);

2. Отношения авторов записок к перевороту: в чём они видят его причины, различают ли авторы переворот и цареубийство, каковы оценки, которые они дают лицам, непосредственно участвовавшим в перевороте, как они описывают реакцию на убийство императора близких к нему людей, а также поведение народных масс;

3. Оценки произошедших после переворота изменений: в судьбе людей, принимавших участие в заговоре и в политике монарха (как внешней, так и внутренней).

Задачи соответствуют главам работы, причем решение 2-й из них особенно важно в связи с формулировкой темы.

в) Обзор источников

В работе использовано восемь источников. Все цитаты приводятся по книге "Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников". М., 1990. Репринт издания 1907 года.

Н.А. Саблуков (1776-1864) в 1801 году был полковником и в заговоре участия не принимал. В конце 1801 года подал в отставку и большую часть времени проводил за границей. Впервые записки Саблукова были напечатаны в Лондонском журнале "Fraser's Magazine for Town and Country" и носили название "Воспоминание о дворе и временах императора российского Павла I до эпохи его смерти. Из бумаг умершего русского генерала". Местонахождение подлинной рукописи Саблукова неизвестно, поэтому данный источник нуждается в дополнительной внутренней критике, в сопоставлении с другими свидетельствами и анализе их расхождений.

В 1869 году был осуществлен перевод сочинения Саблукова на русский язык, однако по цензурным соображениям напечатана была только часть. В издании 1907 года был сделан повторный перевод К. Военским, который использован в данной работе. Тот факт, что Саблуков находился в Петербурге 11-12 марта придает его мемуарам дополнительную ценность.

Граф Бенигсен Леонтий Леонтьевич (Левин Август Готлиб) (1745-1862) родом из Ганновера, был одним из главных действующих лиц, лишивших Павла Первого престола. Написал "мемуары" в 7 томах. Они были переданы министру иностранных дел вдовой Бенигсена и ныне находятся в неизвестности. Сохра-

нилось лишь письмо Бенигсена, в котором он рассказывает о перевороте 1801 года и о кампании против Наполеона 1807 года.

В 1907 году было осуществлено издание этого источника, однако были опущены некоторые части, которые, по словам издателя, заключают в себе "неверное по содержанию описание сумасбродств Павла и не сообщают ничего нового".

Граф Ланжерон Александр Федорович (1763-1831), по происхождению француз, с 1799 года находился вне Петербурга. Прибыв в столицу через несколько недель после переворота, он постарался узнать как можно больше о том, что произошло. Его записки представляют собой краткое введение самого автора, изложение разговоров Ланжерона с Паленом (1804 год), Бенигсеным и великим князем Константином (1826 год) и заключительная часть, содержащая размышления автора по поводу случившегося. О том, насколько точно Ланжерон передает слова очевидцев, участников событий, □ судить трудно, так как Пален воспоминаний не оставил, а рассказы Бенигсена и Константина переданы очень лаконично.

Фонвизин Михаил Александрович (1787-1854). В 1801 году ему было не более 14 лет. Впоследствии, в 1825 году играл заметную роль в восстании декабристов. Его записки имеют претензию быть историческим исследованием современных ему событий. Иными словами, Фонвизин стремится не к выражению своих эмоций и характеристик, а к нахождению объективной исторической истины. Все подробности ему стали известны от непосредственных участников заговора, с которыми он общался. Имена корреспондентов не названы.

Ливен (урож. Бенкендорф) Дарья Христофоровна (1785-1857) была замужем с 1800 года за графом Х.А. Ливеном, военным министром. Записки Ливен составила много позднее на французском языке. После ее смерти они перешли в распоряжение французского историка Гизо и были опубликованы в книге профессора Шимана: "Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nicolaus I".

Записки Д.Х. фон Ливен, помимо всего прочего, важны ещё и потому, что её свекровь, графиня Шарлотта Карловна фон Ливен, была воспитательницей детей Павла Первого и находилась в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в Михайловском замке.

Князь Адам Чарторыйский (1770-1861) – польский политический деятель. В 1801 году был посланником в Сардинии. В царствование Александра I играл видную роль в государственной политике. Приехал в Петербург сразу после переворота и имел возможность узнать обо всем из первых уст. Впервые его мемуары были изданы в 1887 году на французском языке. В России впервые появились в "Русской старине" за 1906 год.

Гейкинг Карл-Генрих (1751-1809) родом из Курляндии, сенатор, председатель юстиц-коллегии. В 1798 году был уволен со службы. После переворота приехал в Петербург хлопотать о своей пенсии. Общался с некоторыми из заговорщиков, в том числе с графом Паленом. Его записки были изданы в 1886 году в Лейпциге на немецком языке под заглавием "Из дней императора Павла. Записки курляндского дворянина". В 1887 году они были переведены на русский язык и напечатаны в "Русской старине".

Фон Коцебу Август Фридрих Фердинанд (1761-1819) – комедиограф и романист. Стремление к объективности сближает его во многом с Фонвизиним. Он покинул Петербург через полтора месяца после переворота: 29 апреля 1801 года. Окончательный вид своему сочинению Коцебу придал около 1811 года. В 1872 году сын Августа Коцебу Е.Е. Коцебу преподнес записки своего отца императору Александру II.

Резюмируя все вышесказанное: в ходе данной работы привлечены восемь источников. Рассказ графа Бенигсена содержится в двух вариантах: в его письме и в пересказе Ланжерона. Девятый автор, не оставивший мемуаров, но мнения которого чрезвычайно важны – граф Пален. Его позиция также известна из пересказа Ланжерона. Барон Гейкинг также передаёт свои разговоры с Паленом.

д) Обзор литературы

Историография эпохи Павла Первого довольно необычна. Специально этим вопросом занимались профессор С.Б. Окунь (1979) и А.В. Скоробогатов (1999). Интересно, что мемуары современников Павла Первого Скоробогатов рассматривает в ряду других исследований той эпохи. Оба историка согласны в том, что с приходом к власти в России большевиков научный интерес к эпохе Павла исчез, так что в основном приходится иметь дело с дореволюционной историографией.

В связи с тем, что тема данной работы достаточно узкая, литература распределена по тематическому признаку: систематические исследования Русской истории (где эпоха Павла Первого представлена как одна из многих), биографии Павла и работы, посвященные истории заговора и переворота. В каждой группе соблюден хронологический принцип.

Первый, кто рассмотрел царствование Павла Первого в систематическом курсе истории России был Н.Г. Устрялов (1997), который обошел события 11-12 марта 1801 года полным молчанием. Однако молчание иногда говорит больше, чем слова. Тема цареубийства в 1855 году (и раньше) была под запретом. Официальной версией смерти Павла был апоплексический удар.

В курсе лекций В.О. Ключевского, прочитанных им в 1883-1884 годах (www.kulichki.com), традиция упорного молчания о том, что происходило в Михайловском замке в 1801 году, продолжена. Однако в отношении правления Павла Первого он высказывает ряд интересных мыслей, в частности: "инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями – его главной задачей" и "Павел превращал равенство прав в общее бесправие". Мысли Ключевского оказали немалое влияние на следующие поколения историков.

С.Ф. Платонов в своих лекциях (1994) хотя и говорит об убийстве императора Павла, но говорит крайне мало. Он полагает, что инициатором заговора был Н.П. Панин. Павел переносил опалы с подданных на родных, угрожал самой династии; и это "придавало вид лояльности мятежному против него движению" (с. 234).

В первом томе истории России в XIX веке первая глава посвящена правлению Павла Первого. М.Н. Покровский писал эту главу "в тяжелых условиях эмиграции, не имея документальных источников, по материалам, заимствованным из вторых рук" (Окунь, 1979, с. 49). Это сказалось на манере изложения материала: большую часть главы составляют эмпирические рассуждения автора. Самой яркой, определяющей фразой его работы можно признать следующую: "Убийство крепостными жестокого барина и убийство Павла I его придворными – два совершенно параллельных явления" (Покровский, с. 22). Инициатор переворота, по

Покровскому, □ Н.П. Панин. П.А. Палену отводится второстепенная роль. О заговоре "знал весь дворянский Петербург" (с. 29). В непричастности Александра I к убийству автор по ряду причин сомневается. В целом работа слишком априорна и похожа больше на очерк.

Работу Н.К. Шильдера об императоре Павле (1901) можно считать первым шагом во всестороннем раскрытии личности Павла Первого. Книга была рассчитана, скорее всего, на посетителей дорогих салонов, а не на научную общественность (издание было выполнено слишком роскошно). Об убийстве 12 марта – ни слова, всецело господствует версия апоплексического удара (хотя в мемуарах графини Ливен, которые использует автор, об убийстве говорится вполне ясно. Цензура на эту тему будет снята немного позже).

Е.С. Шумигорский подходил к исследованию личности Павла Первого постепенно: в 1892 году вышла в свет его работа об императрице Марии Федоровне – супруге Павла, в 1898 году – о подруге императора Екатерине Нелидовой, и уже в 1907 году, после снятия цензурных запретов – о самом Павле (Шумигорский, 1907). Автор описывает то, что происходило в Михайловском дворце 11-12 марта 1801 года так, как будто он сам все это видел. Ссылок на источники практически нет, что говорит скорее о публицистическом, чем о научном стиле. Например, Шумигорский помещает Палена в момент убийства за дверь (с. 208), хотя источники свидетельствуют о другом. Вопреки показаниям Бенгисена, автор считает, что тот присутствовал при кровавой развязке (там же).

После работы Шумигорского о жизни императора Павла не было исследований на русском языке вплоть до начала 90-х годов. В 1991 году вышла книга Г.И. Чулкова "Императоры". Несмотря на почти полное отсутствие ссылок на источники, изложение ведется последовательно и обстоятельно. Основной упор делается на психологическом обосновании мировосприятия и воздействия на мир Павла. На именованное историческим исследованием данная книга вряд ли может претендовать.

Наверное, единственным капитальным исследованием личности и жизни Павла Первого является книга Ю.А. Сорокина (Сорокин Ю.А., Павел I. Личность и судьба. Омск, 1996). В своей работе автор опирается на большой круг источников, произве-

денную им классификацию литературы про императора Павла, по мнению Скоробогатова, "можно считать господствующей в современной отечественной историографии" (Скоробогатов, 1999, с. 5). Особенное внимание этой книге следует уделить потому, что кандидатская диссертация Сорокина была именно о Павле I.

Ю.А. Сорокин пишет: "Из многочисленных аспектов Павловского царствования события 11-12 марта 1801 года изучались, пожалуй, больше всего" (Сорокин, 1996, с. 118). Что спровоцировало возникновение заговора? По мнению Сорокина: "В заговорщиках говорил исключительно корыстный интерес, желание либо сохранить, либо приобрести теплое местечко" (с. 121). "Н.П. Панин был идейным вдохновителем заговора... пытался привлечь к заговору великого князя Александра... П.А. Пален взял на себя функции технического руководителя заговора" (с. 122-123). Сорокин отмечает и ограниченность источниковой базы: "Мемуары современников — единственный источник о событиях ночи с 11 на 12 марта 1801 года. Однако лишь один из авторов Л.А. Бенигсен был не просто свидетелем, а видным участником разыгравшейся трагедии" (с. 124). Автор считает, что скорее всего "никогда не удастся воиспроизвести доподлинные факты, отделив их от вымысла очевидцев и других современников" (там же, с. 125). Сорокин приводит один из многих вариантов того, что произошло, комбинируя рассказы фон Веделя, Гейкинга, Саблукова. Почему не учтен рассказ Бенигсена — не ясно. Масштаб народного ликования в научной и художественной литературе Сорокин считает сильно преувеличенным.

Автор группирует источники, взяв за основу личность мемуариста и степень близости его к императору Павлу I: "мемуары чиновников и государственных деятелей, военных, придворных, воспоминания иностранцев... записки людей, живших много позже описываемых в них событий и повествующих о судьбе современников" (там же, с. 127-128).

В очерке А.П. Тартаковского "Павел I" (1997) основной упор сделан на жизни Павла до воцарения. По непонятным причинам события 11-12 марта 1801 года не рассмотрены вовсе.

В книге "Русские цари 1547-1917" были собраны работы иностранных (преимущественно немецких) авторов. Очерк о Павле Первом, помещенный в этой книге, принадлежит перу

профессора университета в Бонне А. Фишера (Фишер, 1997). Фишер выделяет четыре причины возникновения заговора: Павлу не удалось убедительно объяснить перемену во внешней политике, русское дворянство было заинтересовано в экспорте зерна в Англию, впервые в России предпринятое налогообложение дворянства и англофильский образ мыслей главных заговорщиков. Роль Палена и Панина обойдена молчанием. "Осуществить переворот поручили уроженцу Ганновера генерал-лейтенанту Бенигсену" (с. 373). Все, что произошло в ночь на 12 марта, уместается у Фишера в двух предложениях.

Книга члена французской академии литературы Анри Труайя "Павел Первый" (2005) бесспорно не лишена литературных качеств, но построена, как кажется, почти исключительно на литературе, а не на источниках, что лишает ее научной ценности. К тому же в книге присутствуют фактические ошибки. Например, утверждается, что Пален был в комнате в момент убийства (с. 299).

Работы, ставившие своей целью исследовать историю переворота немногочисленны.

Книга профессора русской истории Дерптского университета А.Г. Брикнера "Смерть Павла I" была издана в Штутгарте в 1897 году, а после снятия цензурных ограничений и в Петербурге в 1907 году. Брикнер придерживается мнения о безумии императора. Это является отправной точкой его работы, обоснованием необходимости цареубийства и его оправданием.

Под обложкой книги В.В. Ежова, изданной в серии "Самые знаменитые" (Ежов В.В. Самые знаменитые заговоры и перевороты России. М., 2003), не претендующей на научность, находится стройное последовательное изложение истории заговора. Может быть, это связано с тем, что одна из использованных Ежовым работ – книга А.М. Пескова "Павел I" (2005), которая представляет из себя хороший подбор цитат современников, расположенных в хронологическом порядке.

Исследование эпохи Павла I, проведённое Н. Эйдельманом (1986), следует отметить особо. Вся вторая часть книги посвящена раскрытию истории заговора и переворота. Сопоставлены многие источники, как архивные, так и опубликованные. Автор попытался восстановить ход событий, начиная с заговора 1797–1799 гг. и заканчивая двенадцатым марта 1801 года, причём с приближением к по-

следней дате изложение становится все более и более подробным. Автор блестяще справляется со своей основной целью – реконструкцией событий.

В сравнении с книгой Эйдельмана актуальность настоящего исследования – в анализе мнений авторов записок. В работе сделана попытка ответить на вопрос, чем были обусловлены те или иные мнения, исторической реальностью, или личной заинтересованностью.

Глава 1. Прелюдия событий 11-12 марта 1801 года

"Над нами он имел слишком много власти, а над собою слишком мало"

§ 1. Взаимоотношения императора Павла с авторами записок

Предметом исследования данной работы являются не объективные исторические события, а субъективное осмысление этих событий современниками. В связи с этим личные отношения Павла I с авторами, оставившими нам свои воспоминания представляются интересными не с точки зрения их объективности, а в свете того, как эти отношения соответствуют их оценкам. Для более детального анализа источников условно разделим их на 3 группы. К первой группе отнесем авторов, которые непосредственно участвовали в событиях 11-12 марта 1801 года.

Из биографии Н.А. Саблукова известно, что в 1786 году (год вступления императора Павла на престол) ему было 20 лет, и он находился в чине подпоручика конной гвардии. В 1799 году он был уже полковником, миновав все промежуточные ступени. Этот карьерный успех оказал большое влияние на оценки Саблукова, относящиеся к событиям этого царствования. Но не все так гладко было в семье Саблуковых. Причуды Павла не обошли стороной его отца, Александра Александровича Саблукова, который некоторое время был в опале.

Меньше повезло в царствование Павла I графу Бенигсену. Вот что сообщает граф Ланжерон с его слов: "Я был удален со службы и, не смея показываться ни в Петербурге, ни в Москве, ни даже в других губернских городах из опасения слишком выставиться на вид ... проживал в печальном уединении своего поместья на Литве" (Ланжерон, с. 141). В начале 1801 года граф Пален (стоявший во главе заговора) возвратил Бенигсена в Пе-

тербург. В начале Бенигсен был хорошо принят Павлом I, но вскоре последний перестал с ним даже разговаривать. Естественно, предположить в графе Бенигсене как минимум боязнь быть вторично сосланным, если не более того.

Отношения графа Палена с Павлом I являются чем-то средним между опалой Бенигсена и успехами Саблукова. Вот его слова: "Состоя в высоких чинах и облеченный важными и щекотливыми должностями, я принадлежал к числу тех, кому более всего угрожала опасность" (Ланжерон, 134). Коцебу рассказывает о нескольких случаях грубости императора по отношению к Палену (Коцебу, сс. 322-324). Явно, что Пален затаил на Павла обиду.

Во вторую группу входят воспоминания тех авторов, которые в событиях не участвовали, но находились в то время в Петербурге.

Август Коцебу в своей "Истории заговора" сообщает об одном "из приятнейших своих воспоминаний" (Коцебу, с. 293), когда Павел Первый принес ему свои извинения за незаслуженную обиду. Этого могло бы и не случиться, если бы граф Пален не заступился за Коцебу. При анализе записок Коцебу об этом не следует забывать. В другой раз Коцебу поразили непринужденность и искренность, с которыми Павел Первый разговаривал с ним. Эти черты характера Павла (способность признать свои ошибки и доброжелательность), судя по рассказу Коцебу, привлекали к Павлу многих.

Дарья Христофоровна фон-Бенкендорф получила воспитание в Смольном монастыре и была выдана замуж за графа Х.А. Ливена, который был любимцем императора Павла. Вот ее собственные слова: "Министерский портфель он (ее муж – Ю.М.) получил 22 лет от роду, был уже генерал-адъютантом и пользовался полным доверием и милостью императора" (Бенкендорф, с. 176). "От резких выходок, обильно сыпавшихся на окружающих, муж был совершенно огражден" (ор. cit., с. 177). "Он вообще нравился императору, относившемуся к нему с неизменною добротой и милой фамильярностью" (ор. cit., с. 176).

Перейдем к еще одной группе авторов, которые не участвовали в событиях 11-12 марта 1801 года и находились вне Петербурга, но вскоре прибыли в город на Неве и составили свое мнение со слов очевидцев.

Граф Ланжерон во время убийства Павла находился в Брест-Литовске, "где состоял начальником пехотной дивизии и генерал-лейтенантом" (Ланжерон, с. 131). Ланжерон называет императора Павла своим благодетелем, не уточняя, правда, в чем благодетельство состояло. По крайней мере, он около двух лет не видел Павла (ор. cit., с. 134) и не испытывал на себе ежечасно недостатки его характера. Судя по всему, граф Ланжерон был лично расположен к императору.

Фонвизин, вступивший на службу в гвардию в 1803 году, берет на себя роль историка и пытается восстановить реальный ход событий. Его отношения с императором (если таковые и имелись) нам неизвестны. Его мнение, безусловно, важно, но несколько в ином аспекте, чем записки предыдущих авторов. Фонвизин является представителем многочисленного слоя простых обывателей, которые, естественно, имели свою точку зрения, но основывали ее не на личном опыте (так как в роковых событиях не участвовали), а на ходивших слухах, рассказах очевидцев и на собственном понимании морального и аморального.

Князь Адам Чарторыйский (поляк по происхождению) в своих записках ничего не сообщает о своих взаимоотношениях с Павлом I, однако с некоторой долей объективности мы можем судить о них по его биографии. Известно, что в 1792 году он принимал активное участие в военных действиях против русских, но после неудач, постигших поляков, был вынужден иммигрировать. Все имения Чарторыйского были конфискованы Екатериной II. По ее требованию Адам приехал в Петербург в качестве заложника, и земли были возвращены обратно его семье. В Петербурге он сблизился с Александром Павловичем (будущим Александром I), однако вскоре вступивший на престол Павел отправил его посланником в Сардинию. Такое назначение могло быть воспринято Адамом как почетная ссылка. С другой стороны, князь был возведен в чин генерал-майора (1799 г). Все это говорит скорее о нейтральном отношении князя Адама к Павлу Первому.

Барон Гейкинг также, как и князь Чарторыйский, в своих воспоминаниях дает очень мало информации о взаимоотношениях с Павлом I. Известно, что после вступления на престол Павла I он был вызван в Петербург, где получил должность сенатора и

председателя юстиц-коллегии. Однако в 1798 году он был уволен со службы и выслан в Митаву. Сам факт увольнения можно объяснить плохим состоянием здоровья барона, но было одно сопутствующее обстоятельство, сильно огорчившее Гейкинга: его лишили пенсии, "хотя он всегда исполнял свои обязанности с добросовестной точностью" (Гейкинг, с. 254). В связи с этим, об императоре Павле очень теплых отзывов со стороны Гейкинга ожидать не приходилось.

Основываясь на приведённом материале, можно разделить авторов на следующие категории:

- Ланжерон был лично расположен к императору и от него следует ожидать в основном положительных оценок.
- Саблуков, Коцебу и Чарторыйский пострадали в некоторой степени при Павле I и могли быть многим недовольны. От Коцебу также следует ожидать попытку апологии Палена, спасшего его от ссылки.
- Пален, Бенигсен, Чарторыйский и Гейкинг имели все основания (особенно двое первых) давать Павлу Первому отрицательные характеристики.
- На мнение Фонвизина Павел Первый никакого непосредственного влияния не оказал. Поэтому можно выдвинуть гипотезу о том, что его отношение не будет зависеть от субъективных впечатлений.

2. Император Павел Первый как личность

§ 2.1. Роль Екатерины II в формировании личности Павла I

Наверное, не подлежит сомнению, что решающую роль в формировании личности ребенка играет его мать. В детстве закладывается тот вектор развития, по которому человек следует всю свою жизнь.

Полковник Саблуков так характеризует деятельность матери Павла I, направленную на благо последнего: "Екатерина употребила все, что в человеческих силах, чтобы дать сыну воспитание, которое сделало бы его способным и достойным царствовать над обширную Российскую империю" (Саблуков, с. 13). Однако большинство авторов с позитивной оценкой роли Екатерины II не согласны. Так, Август Коцебу полагает, что причины странностей Павла следует искать в двух вещах: в обращении с ним его матери и во французской революции. "Постоянное опасение, что

не оказывают ему должного почтения" (Коцебу, с. 278) было, по мнению Коцебу, прямым следствием того пренебрежения к особе Павла, которое было в обычае Екатерининского двора. В чем странности Павла выражались? На это дает ответ графиня Ливен, приводя такой пример: "Случилось туда (на гауптвахту) попадать и дамам, если они при встречах с Павлом не выскакивали достаточно стремительно из экипажа, или не делали достаточно глубокого реверанса" (Ливен, с. 180).

Внутренняя политика Павла Первого, о которой будет сказано ниже, тоже в некоторой степени определялась этой чертой его характера. Коцебу очень метко передает суть данной проблемы: "Монарх ничего не сделал для потомства, если отравил сердце своего преемника" (Коцебу, с. 279).

§ 2.2. Характер Павла I.

Мнения современников о характере Павла Первого часто диаметрально противоположны, что объясняется как неоднозначностью поступков самого Павла, так и различной степенью осведомленности авторов.

Развёрнутые положительные оценки характера Павла мы находим лишь у четырех авторов: полковника Саблукова, графини Ливен, барона Гейкинга и Августа Коцебу.

Саблуков пишет, что Павел был "в душе вполне доброжелательный, великодушный, готовый прощать обиды и повиниться в своих ошибках" (Саблуков, с. 31). Однако тут же Саблуков заявляет, что "все эти похвальные и добрые качества оставались совершенно бесполезными как для него лично, так и для государства" в силу несдержанности Павла, его раздражительности и т.п.

Еще одна положительная черта Павла Первого заключалась в том, что он "до самой своей смерти отличался набожностью" (Саблуков, с. 13).

Графиня Ливен так же как и Саблуков отмечает амбивалентность характера Павла: "Характер Павла представляет странное смешение благороднейших влечений и ужасных склонностей" (Ливен, с. 177). С одной стороны, император "обладал прекрасными манерами и был очень вежлив с женщинами", "его шутки никогда не носили дурного вкуса", с другой, "с внезапностью принимал самые крайние решения, он был подозрителен,

резок и страшен до чудачества". Графине известно мнение, что Павел был не в своем уме, но она его не разделяет.

Барон Гейкинг находит очень оригинальное объяснение внешне противоречивых поступков Павла: "Всякий его добрый поступок совершался под влиянием сердечной теплоты и первого непосредственного чувства, тогда как все, отмеченное печатью жестокости, внушалось ему косвенным образом извне" (Гейкинг, с. 244).

Коцебу говорит о твердости и справедливости Павла I: "Перед ним... все были равны... Дорога к императору была открыта каждому" (с. 275, Коцебу). Желая быть отцом своих подданных, Павел "не хотел, чтобы его боялись" (ор. cit., с. 298), однако, по мнению графини Ливен, "император являлся предметом страха и всеобщей ненависти" (ор. cit., с. 179, Ливен).

Три автора признают Павла Первого психически нездоровым. Князь Адам Чарторыйский сомневается в его душевном равновесии (Чарторыйский, с. 218), граф Ланжерон положительно утверждает, что Павел Первый "был не в своем уме" (Ланжерон, с. 132), а граф Пален называет безумие Павла "исступленным" (Ланжерон, с. 134), давая такое пояснение своей позиции: "Он был романтического характера, он имел претензию на великодушие. Во всем он любил крайности" (ор. cit., с. 138.).

Фонвизин вряд ли встречался когда-либо с Павлом I и не имеет цельного представления о его характере. Павел обладал "безумным самовластием" (Фонвизин, с. 158), был полной противоположностью своего сына Александра: неукротимым и, опять же, самовластным (ор. cit., с. 161). В частности, Михайловский замок – плод недоверия к своим подданным (ор. cit., с. 163). Справедливости ради надо отметить, что, как показали события марта 1801 года, недоверие это было вполне обоснованным.

Граф Бенигсен очень скупо говорит о характере Павла I. Впрочем, одной фразы достаточно, чтобы понять его отношение к этой теме: "К этому варварскому поступку <императора – Ю. М.> прибавились и другие, столь же бесчеловечные" (Бенигсен, с. 116).

2.3. Павел I в кругу своей семьи

Каковы были отношения между членами семьи Павла Первого, а точнее как он относился к своей жене и детям? Ответ на

этот вопрос вытекает из понимания того, каким был его характер, а так как в этом нет единомыслия в источниках, то и оценка семейных отношений Павла в восприятии современников не совпадает.

Саблуков, от которого следовало бы ожидать идеалистического описания семейного быта Павла Первого, сообщает о том, что "оба великие князя смертельно боялись своего отца" (Саблуков, с. 34). В то же время Павел "был искренно привязан к своей супруге" (ор. cit., с.12). Бенигсен, напротив, считает, что "императрица часто страдала от его вспыльчивости, от его суровости и дурного нрава" (Бенигсен, с. 121). Коцебу и Гейкинг сходятся в том, что супруга и дети императора страдали в сырых помещениях нового Михайловского замка, но боялись сказать об этом Павлу (Коцебу, с. 318; Гейкинг, с. 246). Но в отличие от Гейкинга, Коцебу был в Петербурге и хорошо знал, как жила царская семья. Он приводит интересные факты, свидетельствующие о том, что Павел Первый был нежно любящим супругом. Помимо всего прочего, есть еще одно доказательство этого: "Его часто изображали тираном своего семейства... долгая и глубокая скорбь благородной императрицы после его смерти доказала, что подобные припадки вспыльчивости нисколько не умаляли в ней заслуженной им любви" (Коцебу, с. 276).

Четыре автора сообщают о слухе, который состоял в том, что Павел будто бы хотел заточить жену и старших детей в крепость и жениться то ли на Гагариной, то ли на Шевалье. Три автора из четырех говорят о том, что этот слух пустил граф Пален. Август Коцебу и Ланжерон категорически не верят в такие намерения Павла (Коцебу, с. 302; Ланжерон, с.151), графиня Ливен ссылается на то, что не может сказать ничего определенного (Ливен, с. 181) и лишь один Фонвизин вполне доверяет этому слуху (Фонвизин, с. 162). Барон Гейкинг передает этот слух в таком виде: граф Пален спрашивает позволения у императора на исключительные полномочия – арестовать в случае надобности императрицу и великих князей, и получает письменный приказ (Гейкинг, с. 249).

Здесь уместно рассмотреть и "внесемейные отношения" Павла I, если можно так выразиться. О связях Павла I с другими женщинами (помимо своей супруги) сообщают три автора – Саб-

луков, Ливен и Коцебу. Больше всего внимания этой теме уделяет Саблуков. Екатерина Нелидова и Анна Лопухина (в замужестве княгиня Гагарина) — вот имена известных истории фавориток Павла Первого. Ливен и Коцебу однозначно говорят о том, что Павел явно изменял своей жене (Ливен, с. 187; Коцебу, сс. 303, 347). Но в таком случае, как это согласовать с той картиной семейного быта, которую мы получили выше? Выход из этого противоречия пытается найти Саблуков. С одной стороны, он признает вслед за всеми факты "любовных походов" (Саблуков, с. 31), с другой, называет чувства, которые испытывал Павел к Нелидовой — "чисто платоническими" (op. cit., с. 12).

Еще одним подтверждением нравственной чистоты Павла для Саблукова служит тот факт, что Мария Федоровна (супруга Павла) до последних дней своей жизни сохранила дружбу с Екатериной Нелидовой.

Если вопрос о Нелидовой можно считать снятым, то отношения Павла с княгиней Гагариной (которая, как известно, жила не с мужем, а в Михайловском дворце) ставят Саблукова в тупик (op. cit., с. 105).

Итак, восприятие современниками личности Павла Первого распадается на три аспекта: оценка роли Екатерины II в его воспитании, оценка самого характера Павла и характеристика его семейных отношений. В положительном ключе о личности Павла говорят Гейкинг и Коцебу. Упор на противоречивости характера императора делают Саблуков, Ливен, Чарторыйский и Фонвизин. В самых чёрных красках портрет Павла рисуют Пален и Бенигсен. Ланжерон об императоре говорит крайне скупое, однако признаёт его безумным. Фонвизин в этом вопросе сходится с Ланжероном.

§ 3. Павел I монарх

Одной из лучших характеристик правления императора Павла являются следующие слова Коцебу. "Если бы Павел в несправедливых войнах пожертвовал жизнью нескольких тысяч людей, его бы превозносили. Между тем как запрещение носить круглые шляпы и отложные воротники на платье возбудило против него всеобщую ненависть" (Коцебу, с. 295).

§ 3.1. Внешняя политика Павла I

Вопросов внешней политики касаются три автора – Фонвизин, Гейкинг и Коцебу, правда Гейкинг делает заявление, не приводя никаких фактов: "Он рассорился почти со всеми европейскими державами" (с. 246). Коцебу считает, что, хотя во внешней политике Павел "иногда принимал несоответственные меры, меры эти все-таки никогда не были полумерами (с. 301), что в конце концов должно было привести к положительным результатам (для примера Коцебу приводит историю высылки из Петербурга датского посланника). Для Фонвизина, в отличие от Коцебу, непостоянство во внешней политике – факт отрицательный. В частности, "разрыв с Англией, нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом" (с. 151, Фонвизин). Кроме того, этот разрыв наносил "неизъяснимый вред нашей заграничной торговле" (с. 159).

§ 3.2. Внутренняя политика Павла I

Что руководило Павлом Первым в его государственной политике? Как ни странно, на этот важный вопрос пытаются найти ответ всего два автора – Саблуков и Коцебу. Саблуков полагает, что "в Вене, Неаполе и Париже Павел проникся теми высокоаристократическими идеями и вкусами, которые, не будучи согласны с духом времени, довели его впоследствии до больших крайностей в его стремлении поддержать нравы и обычаи старого режима" (Саблуков, с. 14).

Коцебу как всегда останавливается на причинно-следственных связях (может быть, в силу своего менталитета). Он видит причины мелочности Павла Первого во внутренней политике в следующем: 1. Желание искоренить все обычаи Екатерининского двора; 2. Чрезмерное уважение ко всему, что делал Фридрих II (Коцебу, с. 295).

Общая характеристика правления Павла I содержится у князя Адама и у графа Бенигсена. Бенигсен говорит о замешательстве во всех отраслях управления и всеобщем недовольстве (Бенигсен, с. 112). Князь Адам еще категоричнее в своих суждениях: "Павел вел государство к неминуемой гибели и разложению, внеся полную дезорганизацию в правительственную машину" (Чарторыйский, с. 218-219).

Мелочные указы императора послужили поводом для составления огромного количества анекдотов. Указы были следующего характера: офицеры должны были появляться в обществе только в мундирах, нельзя было ездить в закрытых экипажах, давались предписания о стиле и форме одежды, при встрече с императором и императрицей нужно было выходить из экипажей (Саблуков, с. 22; Коцебу, с. 297). Коцебу сообщает о первом указе, полученном в Риге после вступления на престол императора Павла: "в нем определялась вышина гусарских султанов и приложен был рисунок!" (Коцебу, с. 296). Такое впечатление, что Павел 40 лет копил в себе, в своих мечтах все это, и наконец "вывалил" на петербургское общество. Результат хорошо передает Саблуков: "Метафорфоза совершилась чрезвычайно быстро, и Петербург перестал быть похожим на современную столицу, приняв скучный вид маленького немецкого города XVII столетия" (Саблуков, с. 27). Еще одно проявление странностей Павла состояло в следующем: "В течение 4-летнего царствования Павла цвет и покррой наших мундиров был изменен не менее девяти раз" (ор. cit., с. 63). Графиня Ливен также затрагивает военную тематику: "в крепости не переводились многочисленные жертвы, а порою вся их вина сводилась к слишком длинным волосам или слишком короткому кафтану" (Ливен, с. 179).

Все эти жестокости привели к тому, что многие люди были сосланы в отдаленные города. Пален воспользовался хорошим настроением Павла и описал ему плачевное состояние разжалованных и сосланных офицеров. Павел был тронут и тут же повелел всех их простить (об этом говорит Ланжерон со слов Палена). Это привело к большим последствиям, так как не было возможности принять и устроить всех вновь прибывших (Ланжерон, с. 137). Из этого эпизода видно, что немалую роль во внутренней политике Павла играли его приближенные. Подтверждение этого рассказа содержится у Бенигсена (Бенигсен, с. 114).

В царствование Павла Первого были и хорошие начинания. В этом нас убеждают доводы Саблукова и Коцебу. Павлу принадлежит инициатива составления акта, устанавливавшего порядок престолонаследия в России (с. 90).

В социальной сфере император также провёл важные преобразования: он "основал в Дерпте университет, в Петербурге —

училище для военных сирот (Павловский корпус). Для женщин – институт ордена св. Екатерины и учреждения ведомства императрицы Марии" (Саблуков, с. 90).

Помимо этого Павел устроил во дворце окошко, в которое каждый мог опустить свое прошение или жалобу. Со всеми бумагами занимался сам Павел (с. 28-31). Государь обратил внимание на старообрядцев, восстановив многие из их прав (точнее даровав им эти права): "Павел был весьма щедр при раздаче пенсий и наград за заслуги" (Саблуков, с. 30), "Он полагал, что крестьяне гораздо счастливее под управлением частных владельцев, чем тех лиц, которые, обыкновенно, назначаются для заведывания государственным имуществом" (ор. cit.). И Саблуков и Коцебу согласны в том, что коррумпированным чиновникам в царствование Павла Первого приходилось очень плохо (Саблуков, с. 55, 299), Коцебу продолжает список добрых дел Павла: "Он велел учредить хлебные запасные магазины" на случай неурожая. Август Коцебу обладает удивительной способностью эффектно заканчивать тему: "Из 36 миллионов людей по крайней мере 33 миллиона имели повод благословлять императора, хотя и не все сознавали это" (Коцебу, с. 299).

Если же внутреннюю и внешнюю политику Павла Первого объединить под одним названием: государственное управление, то в целом положительно его оценивает Коцебу, как хорошие, так и плохие стороны отмечает Саблуков. Ланжерон и Ливен крайне мало касаются этого аспекта деятельности Павла Первого, Фонвизин видит её скорее в чёрном цвете, Пален и Бенигсен считают, что от правления Павла первого ничего хорошего ждать не приходилось и Россия была на краю пропасти. Как ни странно, но Чарторыйский в этом с ними сходится.

Глава 2. Перемена правления

"Здесь лежит Павел Первый: молись, да избавит нас Господь от Второго"

§ 1. Причины заговора

Рассматривая причины заговора в восприятии современников, мы сразу же наталкиваемся на две противоположные и непримиримые позиции. Графиня Д.Х. Ливен пишет: "Графиня Ливен (Шарлотта-Екатерина, мать ее мужа – Ю.М.) отказывалась

входить в обсуждение причин заговора и стояла на факте, совершенно для нее непреложном:

- Вы – убийцы вашего императора" (Ливен, с. 196).

Представитель другой позиции – граф Пален, который считал, что переворот – акт справедливости, совершенный с целью прекращения страданий 20-ти миллионов людей (Гейкинг, с. 258).

Нужно признать, что если кто-то и страдал, то цифра 20 миллионов явно завышена. Достаточно вспомнить слова Коцебу, что 33 миллиона человек (из 36 млн) имели повод благодарить императора. Два автора называют заговор всеобщим: Фонвизин и князь Адам (с. 159, с. 219). Барон Гейкинг признается, что "предчувствовал и предвидел эту катастрофу" (Гейкинг, с. 253). Следовательно, идея заговора витала в воздухе.

Переходя к конкретным причинам заговора, в первую очередь, следует сказать о несправедливых репрессиях Павла. Графиня Ливен пишет, что: "Несправедливые преследования умножали число недовольных и легко превращали последних в заговорщиков" (Ливен, с. 196). Пален также свидетельствует, что ни один из заговорщиков "не был уверен ни в одном дне безопасности; скоро всюду были бы воздвигнуты эшафоты, и вся Сибирь населена несчастными" (Ланжерон, с. 134). То же самое говорит Коцебу (Коцебу, с. 321).

Большинство авторов основную причину переворота видит в ненормальности Павла, в его странностях. Князь Адам Чарторыйский говорит, что: "С каждым годом странности и причуды императора все возрастали. Это и было истинной причиной заговора, закончившегося его смертью" (Чарторыйский, с. 220).

Бенигсен в скором времени ожидал "падения империи" (Бенигсен, с. 112) и поэтому был рад случаю содействовать "перемене правления" (там же), чтобы предупредить грозящие несчастья. Ланжерон составил свое мнение преимущественно со слов Палена и Бенигсена, поэтому мы видим в их словах много схожего: "Долее не было возможности выносить его и пришлось принести его в жертву счастью сорокамиллионного народа" (Ланжерон, с. 132).

Князь Чарторыйский признает переворот явлением закономерным (Чарторыйский, с. 218). От Палена, стоявшего во главе

заговора, естественно было бы ожидать развернутой апологии императивов, им руководивших, однако Гейкинг, в пересказе которого до нас дошли слова Палена, в этом случае предельно краток и точен: "Мы устали быть орудиями подобных актов тирании, а так как мы видели, что безумие Павла возрастает с каждым днем и вырождается в манию жестокости, то у нас оставалась лишь одна следующая альтернатива: или избавить свет от чудовища, или увидеть, как мы сами сделаемся жертвой дальнейшего развития его бешенства" (Гейкинг, с. 257).

Два автора (Ливен и Фонвизин) в ряду причин выделяют и одну внешнеполитическую: разрыв с Англией. Вся разница в том, что каждый по-своему видит последствия этого разрыва. Для Фонвизина это прежде всего удар по дворянству – основной опоре самодержавия (Фонвизин, с. 159). Ливен отмечает главное следствие перемены курса во внешней политике в том, что в Индийскую экспедицию было отправлено все донское казачество (мнение неверное, но интересное). Это ускорило осуществление переворота (Ливен, с. 187).

После убийства Павла I ходили слухи, что не последнюю роль в этом деле сыграло английское золото. Основными действующими лицами назывались Лорд Уитворд, бывший посол Англии в России и Ольга Жеребцова – сестра Зубовых, бывшая в дружбе с лордом. Свое внимание на этом останавливают Саблуков, Фонвизин и князь Чарторыйский. У Саблукова (сочинение которого было издано в Англии, а подлинник утерян) находим ряд противоречий в этом вопросе. Он говорит о связи Жеребцовой с Уитвордом (Саблуков, с. 69), о том, что она уехала из Петербурга за несколько дней до переворота (с. 73), и о том, что она предсказала это событие в Берлине, а после получения известия о смерти Павла уехала в Англию навестить своего старого друга лорда Уитворда. В то же время Саблуков категорически отрицает участие английских денег в подготовке заговора. Князь Адам просто упоминает о вышеназванном слухе и говорит, что он этого мнения не разделяет (Саблуков, с. 220). Фонвизин выдвигает три тезиса в опровержение молвы:

1. Лорд Уитворд – человек благородный и честный.
2. Заговор против Павла – чисто русское дело. Участвовал лишь один иностранец: Бенигсен.

3. Уитворд выехал из России сразу после разрыва с Англией, то есть еще до начала заговора (Фонвизин, с. 160-161).

Итак, ненормальность Павла – одна из основных причин переворота, по мнению Ливен, Палена, Чарторыйского, Бенигсена и Ланжерона. Саблуков, Гейкинг и Коцебу обходят этот вопрос стороной. Участие в перевороте англичан не признаётся ни одним из авторов.

§ 2. Отношение современников к "Перемене правления" и способу ее совершения

Авторы воспоминаний не скупаются на эпитеты в описаниях происшедших событий. Вот некоторые из них, которые нельзя отнести ни к какому конкретному факту (ни к заговору, как перевороту, ни к убийству): "катастрофа", "ужасное событие" (Саблуков), "преступная катастрофа" (Фонвизин), "катастрофа" (Ливен), "мрачная драма" (Князь Адам), "отвратительное дело" (Коцебу), "жертва счастью народа" (Ланжерон).

О цели переворота подробно рассказывает Бенигсен: "Принято было решение овладеть особой императора и увезти его в такое место, где он мог бы находиться под надлежащим надзором, и где бы он был лишен возможности делать зло" (Бенигсен, с. 116).

Пален в том же ключе говорит о необходимости свергнуть Павла с престола (Ланжерон, с. 134). Очень похоже на эти высказывания сообщение князя Чарторыйского: "Император Александр не наказал участников заговора потому, что они имели в виду лишь отречение Павла, необходимое для блага империи" (Чарторыйский, с. 239). Из фразы Фонвизина: "Граф Пален, неразборчивый в выборе средств, ведущих к цели, решился осуществить её <мысль о свержении Павла – Ю. М.>" (Фонвизин, с. 159) можно заключить, что с необходимостью переворота он согласен.

Создается впечатление, что в первоначальные планы заговорщиков входило лишь отстранение Павла от власти. Об этом говорят Бенигсен и князь Адам (следует отметить, что первый был посвящен в заговор лишь накануне, а второй был за пределами России, следовательно, всех подробностей они могли не знать). Так, Бенигсен пишет: "Несчастный государь был лишен жизни непредвиденным образом и, несомненно, вопреки намере-

ниям тех, кто составлял план этой революции, которая, как я уже сказал, являлась необходимой" (Бенигсен, с. 120).

Князь Адам пишет почти то же самое: "В планы заговора входило лишь устранение Павла от престола, и роковая катастрофа произошла совершенно неожиданно для большинства заговорщиков" (Чарторыйский, с. 225).

Однако в этой цитате есть одно интересное положение: роковая развязка была неожиданной не для всех участников, а только для большинства. Здесь стоит обратиться к словам главного организатора заговора, графа Палена (в пересказе Ланжерона): "Я прекрасно знал, что надо завершить революцию, или уже совсем не затевать ее, и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдет страшнейшая реакция" и т.д. (Ланжерон, с. 135).

С невозможностью оставить Павла в живых после его свержения соглашается и князь Чарторыйский (Чарторыйский, с. 230). Коцебу придерживается того же мнения (Коцебу, с. 333). Однако это не значит, что Коцебу одобряет заговор, напротив, он характеризует то, что происходило в петербургском обществе перед переворотом, как распространение яда (Коцебу, с. 320).

В восприятии авторов отстранение от власти Павла Первого сопровождается следующими словами: "перемена царствования" (Бенигсен и Ланжерон), более нейтральное "переворот" (Коцебу).

Описание убийства Павла Первого снабжено уже совершенно другими словами: "возмутительное убийство" (Саблуков), "гнусная, отвратительная сцена" (Фонвизин), "злодеяние, кровавое дело" (князь Адам). Если современники видели в перемене правления или даже в устранении Павла объективную необходимость, это еще не значит, что они ее одобряли. Князю Адаму принадлежат слова, которые как нельзя лучше выражают амбивалентное отношение современников к убийству Павла: "Если самая смерть Павла, быть может, и избавила государство от больших бедствий, то во всяком случае участие в этом кровавом деле едва ли могло считаться заслугой" (Чарторыйский, с. 213).

Некоторые современники рассматривали события 11-12 марта не только в теоретическом плане, но и в сугубо личностном. Непричастность к кровавому событию переживалась особенно ярко. Например, Саблуков пишет: "Да будет благословенна благоде-

тельная десница Провидения, сохранившая меня от всякого со-
участия в этом страшном злодеянии!" (Саблуков, с. 90).

Он переживает не только за себя, но и за свой полк и сер-
дечно радуется тому, что тот не участвовал в перевороте (с. 68).
Примерно то же отношение к мартовским событиям находим и у
барона Гейкинга: "Как благословляю я судьбу, удалившую меня
из Петербурга задолго до наступления этого печального времени"
(Гейкинг, с. 265).

Острее всех воспринимал развернувшуюся драму граф Ли-
вен, муж графини, оставившей нам свои записки. Она пишет:
"Если бы Пален сообщил ему о заговоре, ему ничего другого не
осталось бы сделать, как пустить себе пулю в лоб" (Ливен, с. 182).

Естественно, отношение к перевороту заговорщиков совер-
шенно иное. Бенигсен считает, что ему "нечего краснеть за то
участие, которое он принимал в этой катастрофе". Этому есть три
причины:

1. Не он составлял ее план
  2. Он не принадлежал к числу тех, кто хранил эту тайну
  3. Он не принимал участия в печальной кончине императора
- (Бенигсен, с. 127).

Следуя логике рассуждений, мы можем найти человека, ко-
торый с полной противоположностью подходит под все эти три
критерия настоящего виновника. Это Пален. У людей, живущих
спустя два века после всех этих событий, благодаря барону Гей-
кингу есть хорошая возможность спросить у Палена, как он оце-
нивает свою роль в заговоре. На это звучит ответ человека, пол-
ностью уверенного в своей правоте: "Я поздравляю себя с этим
поступком, считая его своей величайшей заслугой перед государ-
ством" (Гейкинг, с. 258).

Резюмируя сказанное, идею переворота поддержали: Бениг-
сен, Пален, Чарторыйский и Ланжерон (то есть, те, кто был недо-
волен политикой Павла Первого), а также Фонвизин. Саблуков,
Ливен и Гейкинг не принимают аргументы в пользу переворота и
переживают его очень остро. Коцебу выглядит беспристрастным,
но его отношение к перевороту – отрицательное.

С полным хладнокровием к факту убийства относится лишь
граф Пален. Все остальные пролитие крови не одобряют.

§ 3. Оценка авторами записок конкретных лиц, принимавших участие в заговоре

§ 3.1. Граф Пален П.А. и Панин Н.П.

Авторы записок не согласны во мнениях о том, кто же все-таки был инициатором заговора, человеком, который решился осуществить перемену правления. Нет сомнений лишь в том, что это был либо Пален (генерал-губернатор Петербурга), либо Панин (министр иностранных дел).

Впечатления о Палене как человеке, его нравственный портрет помогают нам составить следующие характеристики современников: "Пален – человек чрезвычайно талантливый и благородный, но холодный и крайне гордый" (Саблуков, с. 37). Ланжерон говорит о Палене, как о человеке одаренном "гением глубоким и смелым, умом выдающимся, характером непреклонным, наружностью благородной и внушительной" (Ланжерон, с. 132).

Графиня Ливен, неоднократно видевшая Палена, называет его "воплощением прямоты, жизнерадостности и беззаботности" (Ливен, с. 181).

Фонвизин считает, что Пален был одним из умнейших людей в России с характером решительным и непоколебимым и что он был предан всей душой своему новому отечеству (Фонвизин, с. 158). Следует обратить внимание на то, что все без исключений отзывы о графе Палене носят положительный характер, так что сомневаться в справедливости приведенных характеристик не приходится.

Пален признается Гейкингу, что всегда ненавидел Павла I и ничем не был ему обязан (Гейкинг, с. 258). Может быть, личные мотивы сыграли далеко не последнюю роль в том, что Пален возглавил заговор. Если расположить в хронологическом порядке сообщения о Палене современников (которые в основном не противоречат друг другу), то получится следующая картина. Пален "охотно смягчал, когда мог, строгие повеления государя, но делал вид, будто исполняет их безжалостно" (Коцебу, с. 292). Он "был душой переворота" (Коцебу, с. 272). С ним во главе "революция была легка, без него невозможна" (Коцебу, с. 321). Пален подействовал на императора, и из ссылки были возвращены все опальные офицеры и чиновники, в том числе братья Зубовы и Бенигсен (Ланжерон, с. 137-138). Коцебу передает разговор Палена с Ма-

рией Федоровной, из которого мы узнаем, что он предотвратил два восстания, будучи генерал-губернатором (Коцебу, с. 350). Не потому ли, что еще не была подготовлена для этого почва? Саблуков пишет, что: "Пален очень хладнокровно все предусмотрел и принял возможные меры к тому, чтобы избежать всяких случайностей" (Саблуков, с. 92). Так, по свидетельству Гейкинга, Пален получил от Павла Первого повеление в случае необходимости арестовать императрицу и великих князей (Гейкинг, с. 249). Этот письменный приказ, показанный Паленом Александру, по мнению Фонвизина, сыграл решающую роль в убеждении великого князя дать добро на переворот (Фонвизин, с. 162).

В задачу данного исследования не входит детальное рассмотрение действий отдельных лиц 11-12 марта 1801 года, поэтому можно ограничиться следующими соображениями: Пален в решающую минуту уходит в тень, на задний план и предоставляет выполнение черной работы по расправе с Павлом Бенигсену. Пален, по мнению некоторых современников, хотел в случае неудачи заговора арестовать своих сообщников и остаться чистым в глазах Павла. Но переворот совершился, и Пален опять всем руководит, распоряжается, например, входит к убитому горем Александру и говорит исторические слова: "Будет ребячиться! Идите царствовать, покажитесь гвардии" (Ланжерон, с. 149).

Панин в исследуемых записках упоминается по сравнению с Паленом намного реже. Может быть, потому, что во время переворота он был в Москве.

Фонвизин пишет, что граф Пален открыл заговор Панину (Фонвизин, с. 150), а Ланжерон дополняет его, говоря, что Панин был одним из первых, вступивших в заговор (Ланжерон, с. 133). Цель, к которой стремился Панин, по мнению Фонвизина, заключалась в введении на территории Российской империи конституционной формы правления (Фонвизин, с. 160). Именно Панин первый стал убеждать великого князя Александра в необходимости отстранения Павла Первого от престола. Об этом сообщает князь Чарторыйский, получивший эти сведения от самого Александра (Чарторыйский, с. 214). Еще одна функция Панина состояла в передаче записок от Палена Александру и от Александра Палену (Пален, с. 136). Незадолго до переворота Панин впал в немилость и был отослан в Москву, однако и там продолжал дей-

ствовать в пользу заговора. Об этом имеются сведения у князя Чарторыйского (Чарторыйский, с. 215).

§ 3.2. Граф Бенигсен

"Этот человек (Бенигсен) обладал непостижимым искусством представлять почти невинным свое участие в заговоре" (Коцебу, 352). Эти слова Коцебу как всегда бьют прямо в цель. Читая записки современников, убеждаешься, что если бы Бенигсена не оказалось в ту роковую ночь в числе заговорщиков, исход дела был бы довольно сомнительным.

Граф Бенигсен накануне хотел уехать из Петербурга, но Пален его остановил. Князь Платон Zubov посвятил его в заговор и, узнав, что главным его руководителем является Пален, Бенигсен тут же к нему примкнул (Бенигсен, с. 116).

Великий князь Константин имел все основания называть Бенигсена "капитаном 45-ти" (с. 147). В ночь на 12 марта Бенигсен вместе с Zubovыми возглавлял одну из двух колонн, направленных в Михайловский дворец. Заслуживает внимания один эпизод, а именно: где был Бенигсен, когда убивали Павла Первого и почему он не вступился за него? Поразительно, но по такому важному пункту авторы записок говорят совершенно противоположное. Известно целых четыре версии того, что делал Бенигсен в роковую минуту.

Бенигсен в своих мемуарах говорит, что вышел из комнаты, чтобы проинструктировать одного прибывшего офицера (Бенигсен, с. 120). Ланжерон, передающий "слово в слово" (Ланжерон, с. 134) свой разговор с Бенигсеном, пишет, что он вышел за свечой, так как лампа в комнате погасла (ор. cit., с. 145). (Однако за свечой мог выйти и кто-нибудь другой!?). Коцебу и князь Чарторыйский говорят, что за дверью послышался шум и крики и Бенигсен вышел для того, чтобы разобраться (Коцебу, с. 336; Чарторыйский, с. 227).

Наконец Фонвизин (не совсем ясно, откуда он взял такие сведения) пишет следующее:

"В начале этой гнусной, отвратительной сцены Бенигсен вышел в предспальную комнату, на стенах которой были развешены картины, и со свечой в руке преспокойно рассматривал их. Удивительное хладнокровие! Не скажу – зверское жестокосердие, потому что генерал Бенигсен во всю свою службу был

известен как человек самый добродушный и кроткий" (Фонвизин, с. 167).

Известия Коцебу и Адама можно попытаться согласовать со свидетельством самого Бенигсена: Бенигсен мог слышать шум, который производили прибывшие солдаты во главе с офицером, Бенигсен вышел и стал его инструктировать. Мнение Фонвизина (которому в 1801 году было 14 лет) можно посчитать одной из легенд, выдуманных впоследствии. Непонятным остается лишь показание Ланжерона, лично разговаривавшего с Бенигсеном.

§ 3.3. Великие князья Александр и Константин

Многие авторы сообщают о том, что Пален с Паниным долгое время пытались получить согласие Александра на переворот. "Сперва Александр отверг эти предложения, противные чувствам его сердца" (Бенигсен, с. 113). Однако: "Александр был поставлен между необходимостью свергнуть с престола своего отца и уверенностью, что отец его вскоре довел бы до гибели свою империю" (Ланжерон, с. 132). Пален также говорит, что "Александр был, видимо, возмущен его замыслом" (Ланжерон, с. 135).

В конце концов "Александр дает согласие на свержение Павла, но с клятвой о сохранении ему жизни" (Фонвизин, с. 162). О том же пишет князь Чарторыйский: "Вырванное у него почти насильно согласие на отречение отца было дано им после торжественного обещания не причинять никакого зла Павлу" (Чарторыйский, с. 225).

По его мнению (а оно было составлено скорее всего по рассказу самого Александра), великий князь рассчитывал "быть только регентом империи" (ор. cit., с. 231).

По всеобщему же мнению, великий князь Константин ничего не подозревал о готовящемся перевороте. Ланжерон передает его слова: "Я ничего не подозревал и спал, как спят в 20 лет" (Ланжерон, с. 145).

Лишь у одного Коцебу имеется выходящее из ряда вон свидетельство: он считает, что оба великих князя ничего не знали о готовящемся перевороте (Коцебу, с. 339-340). В то же время Коцебу передает слова Александра, сказанные им Палену в ответ на его убеждения в необходимости устранить Павла: "Пощадите только его жизнь". Значит, Александр, по крайней мере, знал о существовании заговора, но не мог (или не хотел) его раскрыть.

§ 3.4. Другие лица

Естественно о второстепенных лицах источники говорят намного меньше и оценки этих лиц во многом схожи. По словам Фонвизина, полковой адъютант Аргамаков "сделался самым важным пособником заговора" (Фонвизин, с. 164). Бенигсен поясняет: "Проводником нашей колонны был полковой адъютант императора Аргамаков, знавший все потайные ходы и комнаты, по которым мы должны были пройти" (Бенигсен, с. 118). Примерно то же говорит князь Чарторыйский: "Плац-адъютант замка капитан Аргамаков, знавший все ходы и выходы дворца, по обязанности своей службы шел во главе первого отряда" (Чарторыйский, с. 226).

Коцебу об Аргамакове не сообщает ничего нового (Коцебу, с. 333). Отсюда видно, что Аргамаков описывается современниками нейтрально, обозначена лишь его роль.

Братья Зубовы □ князь Платон, граф Валериан и Николай. Саблуков говорит, что Платон Зубов действовал "в качестве оратора и главного руководителя заговора" (Саблуков, с. 88). По каким-то причинам здесь роль Платона крайне завышена, такого же мнения не придерживается ни один из авторов записок.

Коцебу вкладывает в уста князя Платона следующие благородные слова: "Господа, мы пришли сюда, чтобы избавить отечество, а не для того, чтобы дать волю столь низкой мести" (Коцебу, с. 338). Иной была роль графа Валериана Зубова. Об этом нам известно от князя Чарторыйского: "Граф Валериан Зубов, потерявший ногу во время Польской войны, не находился вместе с заговорщиками и прибыл во дворец значительно позже" (Чарторыйский, с. 230). Самой "черной" была роль Николая Зубова – он участвовал в убийстве императора и сделал первый удар (об этом говорит большинство авторов).

Граф Кутайсов, приближенный императора, по некоторым свидетельствам получил накануне рокового дня записку с именами заговорщиков, но не распечатал ее (Чарторыйский, с. 221).

На самом деле это письмо было отправлено графом Ливеном и не заключало в себе ничего судьбоносного, как об этом говорит Коцебу со слов самого Кутайсова (Коцебу, с. 334). Помимо перечисленных выше лиц в заговоре участвовали "все солдаты и офицеры караула Михайловского дворца... за исключением их командира" (Ланжерон, с. 147).

§ 4. Реакция отдельных людей на переворот

Приходится констатировать, что нам подробно известно лишь о реакции двух человек: Марии Федоровны и Александра Павловича. Это не должно удивлять, так как это самые близкие императору люди (его жена и сын) и их поведение (поступки) больше всего привлекало внимание авторов записок. Еще о двух лицах – великом князе Константине и супруге Александра Елизавете – рассказов крайне мало. Тем не менее они вполне информативны.

§ 4.1. Мария Федоровна

Трагическую весть императрице сообщила графиня Ливен (Шарлотта). Интересно, что Мария Федоровна сразу обо всем догадалась. Вот как их диалог передает Саблуков:

"- Кто там?

- Это я, Ваше Величество!

- О, □ сказала императрица, □ я уверена, что Александра умерла.

- Нет, государыня, не она...

- О! Так это император!..." (Саблуков, с. 91).

Графиня Ливен (Дарья Христофоровна) сообщает примерно то же самое (Ливен, с. 191), а она могла слышать обо всем от своей свекрови.

По версии Саблукова: "Императрица стремительно поднялась с постели и, как была, без башмаков и чулок, бросилась к двери... В ужасном волнении, с распущенными волосами и в описанном уже костюме, императрица вбежала в комнату с криком: "пустите меня! пустите меня!" (Саблуков, с. 91). Однако больше все же следует доверять графине Ливен, которая говорит, что императрица упала в обморок, но быстро оправилась. Вбежав в упомянутую Саблуковым комнату, она просила пустить ее к мужу. Последовал отказ. "Тогда она опустилась на пол и, обнимая колени часовых, умоляла пропустить ее. Грубые солдаты рыдали при виде ее горя, но с твердостью исполнили приказ. Тогда императрица встала с достоинством и твердою походкой вернулась в свою спальню... Сидя в кресле она была бледной и неподвижной, как мраморная статуя" (Саблуков, с. 91). Ливен схоже с Саблуковым описывает этот эпизод: "Императрица, впад в отча-

ние, бросилась на колени; она заклинала всю стражу допустить ее к усопшему" (Ливен, с. 192).

Коцебу рассказывает то же самое, но уже со слов барона Николаи (Коцебу, с. 341).

Бенигсен "был свидетелем ее глубокого горя при этой катастрофе, при потере, близкой ее сердцу" (Бенигсен, с. 122). Несмотря на это, он ничего не говорит об этой печальной сцене. Наверное, это было не в его интересах.

Он даже старается подчеркнуть, что императрица не очень переживала, потому что ее муж был семейным тираном: "Она пролила несколько слез, но не предавалась тем порывам горя, каким обыкновенно предаются женщины в подобных случаях" (там же, с. 122).

Здесь необходимо рассмотреть один странный эпизод: Мария Федоровна заявила, по свидетельствам очевидцев, что коронована и должна теперь царствовать. Ланжерон так описывает это событие: "В эту минуту рассудок у нее совсем помутился... она воскликнула, что она коронована, что ей подобает царствовать, а ее сыну принести ей присягу... Из всего этого можно судить о чувствительности и о супружеской любви императрицы Марии" (Ланжерон, с. 148).

Фонвизин видит в этих словах ни что иное, как тщеславие: "Императрица Мария Федоровна поражена была бедственным кончиною супруга, оплакивала его, но и в ее сердце зашевелилось желание царствовать" (Фонвизин, с. 168). Однако при каких обстоятельствах была высказана претензия императрицы на царство? Ответив на этот вопрос, можно будет многое прояснить. Мария Федоровна узнала об убийстве своего мужа. Она вполне обоснованно могла опасаться за свою жизнь. С другой стороны, ее не допускали к телу супруга. Все это могло натолкнуть на мысль заставить подчинить себе войска (как сделала это Екатерина II) и таким образом обезопасить себя и расправиться с заговорщиками. Косвенное подтверждение этому видно из интерпретации её слов князем Чарторыйским: "Я ваша императрица, я одна ваша законная государыня! Защищайте меня и следуйте за мной" (Чарторыйский, с. 232).

По Саблукову: "Убитая горем вдова его должна была увидеть его мертвым, без чего она не соглашалась признать своего сына императором" (Саблуков, с. 97).

Судя по всему, императрица несколько раз посещала тело мужа. В первый раз – без великого князя (теперь уже императора) Александра. Об этом говорит Бенигсен: "Эта сцена была поистине самой трогательной из всех, какие мне случалось видеть. Великие княжны, обнимая свою мать, проливали слезы о смерти отца" (Бенигсен, с. 126). Еще один раз Мария Федоровна вошла в роковую комнату вместе с Александром. Об этом известно от Саблукова: "Александр Павлович, который теперь сам впервые увидел изуродованное лицо своего отца, накрашенное и подмазанное, был поражен и стоял в немом оцепенении. Тогда императрица-мать обернулась к сыну с выражением глубокого горя и с видом полного достоинства сказала: "теперь вас поздравляю – вы император". При этих словах Александр, как сноп, свалился без чувств" (Саблуков, с. 97).

Подводя краткий итог, следует сказать, что поведение императрицы вполне укладывается в психологические рамки создавшейся ситуации. Однозначно, Павел Первый не был семейным тираном, □ иначе как объяснить глубокую печаль (шок, стресс) его супруги?

§ 4.2. Император Александр, великий князь Константин и Елизавета Александровна

Саблуков не присутствовал при описываемых событиях, однако "большинство лиц ... близко стоявших к ним (великим князьям) в это время утверждали, что оба великих князя, получив известие об убийстве отца, были страшно потрясены" (Саблуков, с. 96). Узнав о том, чем закончился переворот "Великий князь (Александр, □ Ю.М.) вскрикнул и был близок к обмороку" (Гейкинг, с. 252). То же передает Фонвизин: "Когда все кончилось, и он узнал страшную истину, скорбь его была невыразима и доходила до отчаяния. Воспоминание об этой страшной ночи преследовало его всю жизнь и отравляло его тайною грустью" (Фонвизин, с. 168). Затем, как пишет Ланжерон, "Император Александр предавался в своих покоях отчаянию довольно натуральному, но неуместному" (Ланжерон, с. 149).

Великий князь Константин, как уже говорилось выше, ничего не знал о перевороте. Спустившись вслед за Зубовым, он застал Александра и Елизавету (!) в слезах. Александр рыдал на диване (Ланжерон, с. 146). Впрочем, когда пришел вызванный граф Ливен, Константин в прихожей "заливался слезами" (Ливен, с. 186), как и его царственный брат. Александр, увидев графа Ливена, бросился "ему в объятия с рыданиями: "мой отец! мой бедный отец!" и слезы обильно текли у него по щекам" (ор. cit.). Князь Чарторыйский, приехав через некоторое время после катастрофы в Петербург, записал, что Александр: "Имел вид человека печального и убитого горем" (Чарторыйский, с. 205).

Следует ли после этого сомневаться в том, что Александр ничего не подозревал о намерениях убить Павла Первого? Едва ли.

Как говорит князь Адам Чарторыйский: "Императрица Елизавета была, по отзывам всех очевидцев, первым лицом, сохранившим спокойствие и полное присутствие духа" (ор. cit., с. 233). Во-первых, это противоречит приведённым выше словам Константина, а во-вторых, это похоже на тонкий намек. Что могло привязывать Елизавету к императору Павлу? Вопрос риторический. Скорее всего, ничего. После переворота она становилась императрицей, "первой дамой" Российской Империи. Впрочем, на одной цитате нельзя основывать какие бы то ни было предположения.

§ 5. Реакция народа на переворот 11-12 марта

Различные сословия отреагировали на перемену царствования по-разному. Дифференциации разноречивых свидетельств авторов посвящена эта часть работы.

Во-первых, следует отметить, что об убийстве никто открыто не говорил. Об этом сообщает Коцебу: "Хотя каждый знал, какою смертью умер император, но открыто говорили только об апоплектическом ударе" (Коцебу, с. 354).

Фонвизин придерживается мнения, что "порядочные люди России, не одобряя средства, которым они избавились от тирании Павла, радовались его падению" (Фонвизин, с. 169). Он согласен с тем, что перемена была долгожданной не для всех: "Восторг изъявило однако одно дворянство, прочие сословия приняли эту весть довольно равнодушно".

Коцебу говорит, что "рано поутру на рассвете, царствовала мертвая тишина. Передавали друг другу на ухо, что что-то произошло" (Коцебу, с. 354).

Это противоречит всем другим свидетельствам о том, что уже на рассвете город пришел в невыразимое волнение. В описании этого утра все авторы сходятся во мнениях. Так, по Саблукову: "Как только известие о кончине императора распространилось в городе, немедленно же появились прически *a la Titus*, исчезли косы, обрезались букли и панталоны; круглые шляпы и сапоги с отворотами наполнили улицы" (Саблуков, с. 94). Бенигсен более краток: "Лишь только рассвело, как улицы наполнились народом. Знакомые и незнакомые обнимались между собой и поздравляли друг друга с счастьем — и общим, и частным для каждого порожденья" (Бенигсен, с. 121). Ливен сравнивает поведение народа с праздником Пасхи: "Незнакомые целовались друг с другом как в Пасху, да и действительно это было воскресение всей России к новой жизни" (Ливен, с. 194). Графине принадлежит ценное замечание, что "роковая развязка либо забывалась, либо восхвалялась" и что здесь не было середины. Осознание пришло позже. Немец Коцебу был шокирован происходящим: "ослепленная чернь предалась самой необузданной радости. Люди, друг другу незнакомые, обнимались на улицах и друг друга поздравляли" (Коцебу, с. 356). Еще более поводов к огорчению появилось у него вечером, когда в городе была устроена иллюминация, как на праздник. Вслед за Ливен Коцебу полагает, что "Первое опьянение вскоре прошло... Почти все говорили: "Павел был наш отец" (Коцебу, с. 360). Князь Чарторыйский приехал в Петербург позже. Он очень поэтично описывает увиденное: "Петербург, когда я туда приехал, напоминал мне вид моря, которое после сильной бури продолжало еще волноваться, успокаиваясь лишь постепенно" (Чарторыйский, с. 206).

Что послужило причиной такой народной радости? Коцебу поясняет, что народное счастье заключалось в избавлении от притеснений со стороны императора. Если это замечание справедливо, то надо ответить на вопрос, кого же собственно говоря, притеснял Павел Первый?

Из анализа внутренней политики Павла, сделанного выше, видно, что Павел очень строго относился к людям, занимавшим

посты в государственном управлении (с верху до самого низа) и к офицерам. Так же туго приходилось высшему слою Петербургского общества (тем, у кого были кареты, из которых надо было выходить при встрече с императором. Тем, у кого были деньги для покупки франтовских костюмов и т.п., то есть всего того, что запрещал Павел).

Наряду с приведенными выше цитатами о "всеобщей" радости, есть и другие, и, что самое главное, они принадлежат тем же авторам. О том, как отреагировали солдаты, говорят четыре автора записок: Саблуков, Бенигсен, Ланжерон и Коцебу.

Саблуков лично присутствовал при присяге своего полка. На пламенную речь генерала Тормасова о том, как было плохо, а теперь будет хорошо, полк ответил гробовым молчанием (Саблуков, с. 84). Это был самый верный императору полк конной гвардии. Впрочем, в других полках было то же самое. Коцебу передает следующий диалог между офицерами и солдатами:

"- Радуйтесь, братцы, тиран умер.

- Для нас он был не тиран, а отец" (Коцебу, с. 360).

Действительно, как передает Бенигсен, "император никогда не оказывал несправедливости солдату и привязал его к себе, приказывая при каждом случае щедро раздавать мясо и водку в Петербургском гарнизоне" (Бенигсен, с. 119).

Рассказ Бенигсена о реакции солдат на объявление смерти Павла резко контрастирует со всеми остальными: "Когда объявлено было солдатам, что император скончался скоропостижно от апоплексии, слышались громкие голоса: "Ура! Александр!" (Бенигсен, с. 121). Ланжерон комментирует это так, что "Ура!" кричали генерал Талызин, братья Зубовы и все полки, кроме Преображенского (Ланжерон, с. 149). Коцебу говорит, что полки только тогда стали кричать "Ура!", когда граф Пален осыпал их руганью (Коцебу, с. 339).

Саблуков упоминает еще об одной специфической части общества: "Публика, особенно же низшие классы и в числе их старообрядцы и раскольники, пользовалась всяким случаем, чтобы выразить свое сочувствие удрученной горем вдовствующей императрице" (Саблуков, с. 101). Это явилось прямым следствием отношения Павла I к этим социальным категориям.

Глава 3. Новая эпоха, новые люди

Со времени переворота при дворе сложилась очень странная ситуация: императрица-мать, жаждавшая мщения, обладала огромным авторитетом в глазах Александра. Александр, как считало большинство современников, знал о существовании заговора и попустительствовал ему. Следовательно, он не мог предать суду его участников. Люди, приведшие его к власти, даже наоборот, думали, что они займут ведущие посты в государстве (как это было при Екатерине Великой). Лучше всего это положение выражено графиней Ливен: "Справедливое отращение, которым его родительница воспылала к действовавшим в ужасной трагедии лицам, являло тягостный контраст с безнаказанностью заговорщиков, на которую государя обрекала необходимость" (Ливен, с. 197).

§ 1. Участь заговорщиков

О больших амбициях заговорщиков сообщают Саблуков и Коцебу. По Саблукову: "Во время парада заговорщики держали себя чрезвычайно заносчиво и как бы гордились совершенным преступлением" (Саблуков, с. 95). Коцебу же считает, что "Мнение, что заговорщики сделаются новыми любимцами было ошибочно, но в начале разделялось многими" (Коцебу, с. 361).

Основной силой, способной разрушить радужные надежды заговорщиков, была императрица-мать Мария Федоровна. Психологически это вполне понятно. В ночь переворота она сказала Бенигсену следующие слова: "О, я вас заставлю раскаяться" (Бенигсен, с. 124).

У Ливен, в свою очередь, находим известие о том, что императрица громко требовала наказания цареубийц (Ливен, с. 195). Об успешном осуществлении намерений вдовы Павла Первого сообщает Ланжерон: "Императрица Мария терпеть...не могла... всех участников в убийстве своего мужа; она преследовала их неустанно и наконец успела всех их или удалить, или уничтожить их влияние, или же подорвать их карьеры" (Ланжерон, с. 152).

Психологического состояния Александра касается в своих размышлениях князь Чарторыйский. Александр находился в двойственном положении. С одной стороны, он не мог наказать убийц, так как дал согласие на отречение Павла (Чарторыйский, с. 233). С другой "странно было бы предположить, чтобы он мог

когда-нибудь сочувствовать убийцам своего отца" (Чарторыйский, с. 211). Поэтому "Александр постепенно удалил... главарей переворота, □ удалил не в силу того, что считал их опасными, но из чувства гадливости и отвращения, которое он испытывал при одном их виде" (Чарторыйский, с. 212).

Наконец, очень важно то замечание, что "более всех наказал он себя самого, как бы умышленно терзая себя упреками совести" (Чарторыйский, с. 233). Эти угрызения совести впоследствии оказывали большое влияние на политику Александра I.

Переходя к анализу осмыслений современниками последующей участи заговорщиков, нельзя не привести следующие слова Саблукова, характеризующие анализируемую группу лиц: "Большинство из них (убийц и заговорщиков) я знал до самого момента их кончины, которая у многих представляла ужасную нравственную агонию в связи с самыми жестокими телесными муками" (Саблуков, с. 90).

Первым, кто низвергся с достигнутой высоты, был главный организатор заговора, граф Пален. Падение его было не мгновенным, но закономерным. "После убийства Павла Пален был сперва утвержден во всех своих должностях и получил громадное влияние на ум императора Александра; он слишком злоупотреблял своей властью... Пален заставил себя бояться, не заставив любить" (Ланжерон, с. 152). Более кратко, но те же самые мысли выражает князь Адам: "Ничто не должно было делаться без его согласия: он принял роль покровителя юного государя" (Чарторыйский, с. 207).

Злоупотребление властью, о котором говорит Ланжерон, заключалось в следующем эпизоде, который описывают Саблуков, Гейкинг и Ливен. Все сходятся в том, что императрице была преподнесена икона, которую она поместила в одной часовне. Пален, узнав, что на этой иконе есть цитата из Священного Писания, прямо указывающая на богопротивность цареубийства, пожаловался императору. Александр потребовал объяснений у матери, и, узнав о ее невиновности, наложил опалу на Палена (Саблуков, с. 102; Гейкинг, с. 198; Ливен, с. 260).

Мария Федоровна была настолько оскорблена, что предложила Александру выбирать, кто ему дороже: мать или Пален. По версии Саблукова, этот конфликт послужил главной причиной

отставки и высылки Палена, весьма этим удивленного. Ливен придерживается той же точки зрения. Гейкинг же считает, что Александр дипломатично предложил Палену отправиться на ревизию Лифляндии и Курляндии (генерал-губернатором которых он являлся). Пален понял намек и попросил отставку. Коцебу не известны все эти подробности (он уехал из Петербурга раньше). Он полагает, что Пален по неосмотрительности оставил столицу и больше туда не вернулся (Коцебу, с. 361).

Князь Чарторыйский не сообщает конкретных причин отставки Палена: просто Александр тяготился ролью этого человека (Чарторыйский, с. 208). Примерно в то же время был выдворен из Петербурга и Панин (Ланжерон, с. 153). Причем Палену и Панину было запрещено находиться поблизости от того места, где находится император (Чарторыйский, с. 235). Пален проживал в своих имениях на Литве (Гейкинг, с. 264). Ливен сообщает интересную особенность из его провинциального быта: "Пален со времени ссылки совершенно не выносил одиночества в своих комнатах, а в годовщину 11 марта регулярно напивался к 10 часам вечера мертвецки пьяным, чтобы опамятоваться не раньше следующего дня" (Ливен, с. 199).

Отставка Палена была первой ласточкой: "Удаление Палена вызвало неудовольствие среди главарей заговора и сильно их встревожило" (Чарторыйский, с. 209). Под "главарями" здесь скорее всего следует понимать Бенигсена и Зубовых. Бенигсену повезло больше остальных заговорщиков. Подробно о нем сообщают Ланжерон и князь Адам. Первый пишет: "Она <императрица – Ю. М.> потребовала от сына, чтобы он никогда не жаловал ему маршальского жезла, хотя никто не заслужил этой почести больше его, но она не могла помешать императору вверить командование войсками единственному великому генералу" (Ланжерон, с. 152).

Князь Адам дополняет: "Бенигсен никогда не вернулся ко двору. Должность литовского генерал-губернатора, которую он занимал, была передана Кутузову. Только в конце 1806 года военные дарования Бенигсена побудили императора Александра снова призвать его к деятельности и поставить во главе армии" (Чарторыйский, с. 234).

Крайне скупо авторы освещают судьбу братьев Зубовых. Про князя Платона сообщается, что он опротивел Александру и уехал в свои поместья (с. 103, 153, 235, 361). Граф Валериан Зубов удержался и стал членом Государственного Совета (Чарторыйский, с. 212). Из всех троих, печальнее всего кончил Николай (бывший непосредственным участником убийства), который "вскоре после вступления на престол Александра, умер вдали от двора, не смея появляться в столице, терзаемый болезнью, угрызениями совести и неудовлетворенным честолюбием" (Чарторыйский, с. 234).

§ 2. Первые действия нового императора

Логическим итогом данной работы должен быть анализ тех изменений, которые произошли со сменой прежней власти. Князь Адам отмечает, что "С первых же дней нового царствования он <Александр. – Ю. М.> выказал энергию, принял на себя руководство во внешней и внутренней политике" (Чарторыйский, с. 206). Это роднило начало нового царствования с Павловской эпохой, однако энергия императора была направлена в другую сторону. Это был возврат к политике Екатерины Великой. Саблуков пишет, что: "В управлении государством все шло по-прежнему, с тою только разницею, что во всех случаях, когда могла быть применена политика Екатерины II, на нее ссылались, как на прецедент" (Саблуков, с. 103).

Фонвизин упоминает о том, что манифест о восшествии Александра на престол вызвал восторг у дворянства, так как в нем содержались прямые указания на то, что Александр будет царствовать "по духу и сердцу Великой бабки своей" (Фонвизин, с. 169). Первым делом Александр вернул казаков, отправленных Павлом в Индию. Об этом пишет графиня Ливен (Ливен, с. 187). Тогда же был заключен мир с Англией. Об этом стало известно уже на следующий день (Саблуков, с. 95).

Долгожданное уничтожение Тайной канцелярии произошло 2 апреля (Коцебу, с. 358; Гейкинг, с. 255). Гейкинг пишет, что в тот же день была восстановлена грамота о вольности дворянства, данная Екатериной II.

Гейкинг и Коцебу, как известно, несправедливо пострадали в царствование Павла Первого. Может быть, именно этим

объясняется внимание с их стороны к актам милости нового императора.

Гейкинг пишет, что Александр возвратил ссыльных и заключенных (Гейкинг, с. 254). Коцебу сообщает при этом дату указа: 15 марта (Коцебу, с. 291).

Коцебу перечисляет целый ряд указов Александра, отменяющих постановления Павла. Так, был разрешен ввоз книг из-за границы, издан новый цензурный устав, отменялись предписания в отношении одежды, разрешалось свободно выезжать через заставы (без билета от полицмейстера) "все пукли, ко всеобщей радости, были обстрижены", отныне не нужно было выходить из экипажа при встрече с императором и снимать шляпу перед Зимним дворцом" (ор. cit., с. 359).

Коцебу тонко подметил, что "Разрешение носить круглые шляпы произвело в Петербурге более радости, чем уничтожение отвратительной Тайной экспедиции" (Коцебу, с. 360). Такова психология народа.

Заключение

В начале работы на основе биографий авторов и их собственных слов была произведена классификация источников по степени лояльности к императору. Лояльными были признаны Ливен и Ланжерон. Саблуков, Коцебу и Чарторыйский, судя по всему, не должны были испытывать особых симпатий к Павлу. Пален, Бенгисен и Гейкинг имели повод к очернению Павла Первого. От Фонвизина ожидалось самые объективные замечания в силу отсутствия личных отношений между ним и Павлом. Эта схема довольно упрощенна, но помогает лучше разобраться в оценках современников.

На основе анализа записок была сделана сравнительная таблица характеристик и оценок, которые дают авторы тем или иным фактам и лицам. Впрочем, как и любая другая таблица, она не в состоянии отразить все многообразие мнений. Берется лишь общий знаменатель воззрений того или иного автора. Поэтому представляется необходимым обобщить полученные результаты.

О неожиданном прекращении правления Павла Первого, со всеми вытекающими из этого последствиями, сожалели: Коцебу, Саблуков и Гейкинг. Ланжерон близок в своих суждениях со своими корреспондентами: Паленым и Бенигсеным, а те, в свою оче-

редь, вкупе с князем Чарторыйским ставят неудовлетворительную оценку как политике Павла Первого, так и его собственному поведению. Фонвизин не настолько категоричен, но все же солидарен с ними. Ливен нельзя отнести ни к первой, ни ко второй группе авторов. Все же оценка, которую она дает эпохе Павла Первого, скорее отрицательная, однако из виду не упускается и амбивалентность характера Павла.

Авторы записок либо не рассматривают причин заговора вовсе (Саблуков, Гейкинг и Коцебу), либо называют основной причиной ненормальное поведение императора (Ливен, Пален, Чарторыйский, Бенигсен и Ланжерон). Внешнеполитическую причину переворота, разрыв с Англией, отмечают Фонвизин и Ливен.

"Перемену правления" тем или иным образом одобрили Бенигсен, Фонвизин, Пален, Чарторыйский и Ланжерон, категорически не приняли – Саблуков, Ливен и Гейкинг. Коцебу тяготеет к позиции последних. Восприятие современниками способа "перемены правления" представляет кардинально иную картину. Одобряет один Пален, и то в приватной беседе. Все остальные с правоммерностью убийства согласиться не могут, хотя некоторые признают его вполне логичным завершением переворота (например, Чарторыйский и Коцебу).

Центральное место в описании заговора все авторы уделяют графу Палену, что дает все основания полагать: он был действительным инициатором и руководителем заговора. То, что мы имеем лишь положительные отзывы о нем (у Саблукова, Ланжерона, Ливен и Фонвизина) свидетельствует о его обаянии и умении нравиться людям, входить к ним в доверие. В решительную минуту полнота ответственности за переворот была возложена Паленом на Бенигсена – очень расчетливо и благоразумно. По всеобщему мнению современников великий князь Константин ничего не знал о заговоре. Александр же дал свое согласие после долгих уговоров и с условием сохранить Павлу жизнь.

Острее всех на случившееся отреагировала супруга Павла Первого – Мария Федоровна. Все авторы сходятся в этом. Скорее всего в силу экспрессивности ее поступков в ночь убийства ей уделяется так много внимания авторами. Александр и Констан-

тин своей реакцией не оставили сомнений у современников в своей непричастности к убийству.

В народной среде представляется необходимым выделить две категории. Первая, в которую вошли зажиточные горожане, офицеры, чиновники были необычайно рады перемене царствования, иллюминировали город и вели себя как в день Пасхи. Все остальное население обширной Российской Империи ответило или безразличием, или же искренней скорбью (в особенности рядовой состав гвардии).

Все осознали, что в истории Росси началась новая эпоха, возлагая на нее большие надежды. В частности, заговорщики надеялись получить свою долю пирога под именем Россия. В первое время можно было подумать, что все будет развиваться по Екатерининскому сценарию. Но историческая ситуация была другая, у нового императора была мать, которая жаждала мщения. И участники заговора, один за другим, стали высылаться из Петербурга, увольняться со службы и так далее. В конечном итоге удалось удержаться лишь Бенигсену и Валериану Зубову.

Перемены, произошедшие в государственном управлении с приходом к власти Александра, можно выразить в одном предложении: Александр брал пример с Екатерины, а не со своего отца. Действительно, с какой скоростью Павел изменил политический курс Екатерины, с такой же быстротой и Александр восстановил силу ее распоряжений и отменил действие многих указов Павла, которые раздражали общество, и, в конечном итоге привели к заговору.

В заключение хотелось бы отметить один интересный парадокс, который прослеживается в мемуарах современников: да, многим авторам не нравилась политика Павла Первого, не нравился он лично. Многие соглашались, что переворот был необходим, но согласиться на его осуществление были способны немногие. Цареубийство же (совершенно справедливо) воспринималось как общенациональная трагедия. Это лишний раз убеждает в том, что пока яблоко не созрело, оно само не упадет. Нужен человек, вроде Палена, который подойдет и сорвет его».

Таблица 1 События 11–12 марта 1801 года в восприятии современников

Автор	Хорошие взаимоотношения с Павлом I	Личность Павла I оценивается в целом положительно	Правительственная деятельность Павла I в целом удовлетворительна	"Перемена правления" не необходима	Убийство императора, пусть даже безумного, ☐ преступление
Коцебу А.Ф.	И да, и нет	Да	Да	Да	Да
Саблуков Н.А.	И да, и нет	И да, и нет	Да	Да	Да
Гейкинг К.Г.	Нет	Да	Да	Да	Да
Ливен Д.Х.	Да	И да, и нет	Нет	Да	Да
Ланжерон А.Ф.	Да	Нет	Нет	Нет	Да
Фонвизин М.А.	–	Нет	Нет	Нет	Да
Чарторыйский А.	И да, и нет	Нет	Нет	Нет	Да
Бенигсен Л.Л.	Нет	Нет	Нет	Нет	Да
Пален	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет

Утром 12 марта о смерти императора Павла сообщили стоявшим в столице войскам. Одновременно начали представлять им нового императора. Лейб-гвардии Семеновский полк, шефом которого был Александр Павлович, ответил, как и надлежало, криком «ура». В остальных полках на сообщение о кончине Павла ответили молчанием. Но оцепеневшие шеренги и подрагивавшие линии штыков предельно ясно выражали господствовавшее настроение – гренадеры безмолвно... плакали!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

6 марта 1796 г. умерла Екатерина II. Тридцать четыре года правления (1762-1796 гг.), которые принесли дворянству небывалые ранее привилегии и права, как опоре нации и государства, как личной поддержке Екатерины при организации дворцового переворота (императрица никогда не забывала благодаря кому и чему она оказалась на российском троне). Время ее правления трактуется в учебниках истории как «золотой век дворянства». Однако хотелось бы заметить, что это еще и время диктатуры и произвола дворянства на местах, это время, когда дворяне освобождались от обязательной государственной службы, от уплаты податей, от телесных наказаний и т.д. То есть, если Петр I заставлял дворян учиться, служить и «работать», сделал из них действительную опору царствующего монарха, то при Екатерине II это сословие, на наш взгляд, превратилось в паразитирующее сословие, что, в конечном счете, сказалось и на ведении государственных дел, и на разрастании бюрократического аппарата, и в целом на внутреннем состоянии государственных дел.

К власти приходит нелюбимый сын Павел I Петрович. Считается, что это одна из самых загадочных фигур в длительной череде государей династии Романовых. Уже в раннем детстве и юности он не завоевал себе симпатии и любви со стороны окружающих, а оказавшись на российском троне, нажил еще больше себе врагов.

Екатерина оставила Павлу Петровичу заgrabное предостережение: «Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены. Изволь мериться на сей аршин».

Вступив на престол в возрасте 42 лет, Павел тотчас же приступил к государственным преобразованиям. Взойдя на престол, он захотел править по-своему, никому не угождая, не считаясь с интересами каких-либо сановных группировок. Долгое ожидание власти позволило ему, на наш взгляд, довольно-таки четко сформировать политический курс. Великому князю мало было довольствоваться жизнью счастливого семьянина, как и все, кто был близок к трону, он жаждал управлять.

Биограф Суворова заметил: «Царствование Павла Петровича было непродолжительным, но и в этот краткий срок характер-

ные особенности государя успели развиться до проявления истинно болезненных. Не сдерживаемая никакой внутренней силой прихоть, или увлечение минуты, или упрямство, или все это в совокупности, заступало в Павле I место серьезного убеждения, а непомерная экзальтация раздувала всякую идею, им овладевавшую, до изумительного увеличения. Впечатлительность, восприимчивость Павла I дошли до такого развития, что настроение его духа почти никогда не было спокойным, и государь постоянно вращался в крайностях, доходя то до безграничного великодушия, то до неудержимой страсти, то, наконец (особенно в последнее время жизни), до какой-то слепой ярости. Перемены в нем были беспрестанные, неожиданные и чрезвычайно резкие; чем сильнее было возбуждение, тем круче наступала реакция. Изменчивость эта была тем бедственнее, что каждое движение больной души Павла Петровича тотчас же переходило в дело, и решение приводилось в исполнение с такою бурной стремительностью, как будто отсутствие подобного спеха способно было нанести прямой ущерб авторитету верховной власти. Завтра не было логическим последствием сегодняшнего дня, беду нельзя было предвидеть, и она налетала внезапно, без предваряющих симптомов»¹. Интересно, что как только Павел воцарился, он привел в исполнении слова, когда-то им сказанные, что если ему суждено будет царствовать, то не должно удивляться тому, что он станет делать. И действительно, Россия, а также и Европа пришли в полное изумление. Все столичное общество было разделено: екатерининские вельможи были разогнаны по деревням, а высшие государственные должности, начиная с генерал-прокурора, почти все заняты были людьми самыми ничтожными и необразованными — одним словом, цветом гатчинского кап-ральства.

Очень часто Павел в исторической литературе изображался деспотом, как неприятный эпизод в русской истории. Действительно, император отличался некоторой импульсивностью, обидчивостью, порой бывал категоричен в своих оценках действий тех или иных должностных лиц, был подвержен резким переменам в своем настроении и т.д. Но наш взгляд, подобные черты

---

¹ Петрушевский А. Генералиссимус князь Суворов. Т. 3. С. 364-365

характера присущи многим людям, в том числе и сильным мира сего, однако, никто их не упрекал в этом. Ситуация с Павлом обратная, его недостатки культивировались. Любопытно, что эти свойства его характера не нашли сколько-нибудь заметного отражения в указах, приказах и распоряжениях. Напротив, император вступил на престол, имея конкретную программу действий, хотя она и шла в разрез с общепринятым мнением. Ему приписывали жестокость выше меры в обращении с сановниками-чиновниками. Если мы обратимся к текстам именных указов, то увидим, что немалое их число посвящено увольнениям и наказаниям должностных лиц, но каждый такой императорский акт был вполне обоснован (за долги, растрату, волокиту).

Например, по указу Павла Сенату от 11 августа 1797 г. тайный советник граф Чернышев исключался из службы за то, что «наделав долгов, отказывается от платежа оных». Следующий указ от 1 марта 1800 г. гласил: «Санкт-Петербургской палаты суда и расправы 2-го департамента членов за медлительность решения дел повелеваем отрешить, а секретарей судить; на места же отрешенных выбрать и определить немедленно других»¹. А мы помним, что в годы правления Екатерины, рассмотрение многих дел затягивалось на долгие годы. Но особенно примечателен был Павлов указ Сенату от 12 апреля 1800 г. Вот его текст: «По донесению сенаторов Спиридова и Лопухина, осматривавших Вятскую губернию, о найденных беспорядках и упущениях, а особливо по полиции, от злоупотребления слабости которой, сверх частных притеснений, угнетен народ, повелеваем **всех** чиновников оной губернии, переменяя другими, от должностей отрешить, и об упущениях их, злоупотреблениях и беспорядках наистрожайше исследовать и виновных судить»².

За время царствования Павла I комиссия успела приготовить 17 глав из сферы судопроизводства, 9 – вотчинного права и 13 – уголовного права. При этом император сохранял, применял и использовал те нормативные правовые акты, которые были актуальны и не противоречили запросам и реалиям его времени. Кроме того, реформы. Произведенные в системе центральных орга-

---

¹ Томсинов В.А. Указ. соч. С. 27

² Там же

нов власти и управления, местного самоуправления, армии, судопроизводства и в других сферах. Сопровождались развернутой правотворческой работой. В Полном собрании законов Российской империи, изданные при Павле Петровиче узаконения составляют два тома – 24-й и 25-1, объемом соответственно 879 и 955 страниц, и почти две трети 26-го тома, занимающих 583 страницы. Для сравнения за период самостоятельного правления Петра I (с сентября 1689 г. до января 1725 г.) было издано 3296 документов, что в среднем составляло меньше восьми в месяц. Законодательство павловского четырехлетия в 3,5 интенсивнее, чем в царствование предшественницы, кроме того было издано большое количество разного рода объявлений, распоряжений, распубликований, близких по своему характеру к законодательным актам.

Таким образом, Павел вел активную законотворческую деятельность. На наш взгляд, цель такой активности заключалась в упорядочении и европеизации российского правления, централизации и укреплении самодержавия. Однако общество было не готово к восприятию государственных преобразований, потому, как мы уже отмечали, годы правления Екатерины сделали российское дворянство сословием, которое активно пользовалось своими привилегиями, которыми злоупотребляли и были замешаны в казнокрадстве, взяточничестве и во всех подобных «мероприятиях», связанных с ослаблением государственного контроля над деятельностью бюрократического аппарата, основу которого они составляли. И, наконец, к началу правления Павла активная законодательная деятельность предыдущих представителей императорской семьи привела к тому, что было накоплено большое количество законодательного материала. Юридические акты часто повторяли друг друга, противоречили и даже взаимоисключали. К тому же законы и указы были рассеяны в разных рукописных сборниках, которые были изданы без какой либо системы и хронологии. Павел предпринял попытку систематизировать законодательство, но в виду краткосрочности правления ему это не удалось (впрочем, это не удалось и его наследникам).

Сословная политика Павла I представляла собой попытку приспособления укрепляемого правительством сословного деления общества к новым социально-экономическим и политиче-

ским условиям путем создания полицейского государства¹. В целом же политика императора, несмотря ни на что, являлась прямым продолжением линии екатерининского правительства. Ключевский писал: «Собрав все анекдоты, подумаешь, что все это какая-то пестрая и довольно болезненная сказка, между тем. В основе правительственной политики императора Павла внешней и внутренней, лежали серьезные помыслы и начала, заслуживающие наше полное сочувствие»². Большинство павловских указов объективно способствовало упорядочению, европеизации российского правления. Их анализ при всей противоречивости законодательства 1796-1801 гг. приводит к выводу о том, что общим духом, стержнем сотен новых указов была централизация и укрепление самодержавия.

Вообще, мнения современников об императоре Павле противоречивы. Это касается не только его политической деятельности, но и душевных качеств, что объясняется личным отношением Павла к этим лицам и наоборот. Конечно, этому способствовали и душевная неустойчивость императора, которая была присуща ему с детства и до самой смерти. Не будем забывать и о наследственности, он был сыном Петра III, который был хил телом и слаб духом и Екатерины II, женщины физически мощной и умственно гениальной.

Можно долго рассуждать об особенностях его характера, его психики, о том, что все его действия носили спонтанный характер, и шли в разрез с политикой, проводимой Екатериной (однако, изменения касались лишь второстепенных моментов, он продолжал линию екатерининского правления), что он руководствовался исключительно эмоциями и был склонен к мистификациям, о том, что в гневе он был страшен и некрасив. Но характеризуя Петра I, В.О. Ключевский отмечал те же многие черты характеры, что были присущи и Павлу: «спешность дел, неумение, иногда и невозможность, выждать, подвижность ума...»³. И вновь возникает вопрос, почему с набором похожих качеств мы одного называем Великим, а о другом говорим, как о правлении сумасброда на троне?

---

¹ Абрамова И.Л. Эпоха Павла I в русской исторической науке

² Ключевский В.О. Указ. соч.

³ Там же.

Петр резал бороды, вводил новые одежды, ношение париков, ломал старые уклады в обществе – и мы говорим, что он приобщил Россию к европейской культуре, позволил дворянству выделиться из общей массы. Павел объявил гонения на круглые шляпы, отложные воротники, фраки, жилеты, сапоги с отворотами и панталоны, все должны были носить башмаки, косички и употреблять пудреные волосы, дамам носить через плечо разноцветные ленты наподобие кавалерских – и мы говорим о деспотизме и сумасшествии императора. В чем же причина такой оценки деятельности императоров, действующих подобным образом, но в разные эпохи? Кстати, на наш взгляд, в этих требованиях можно найти и здравый смысл, а именно попытку запретить неоправданную роскошь дворянства, осуждение безделья и расточительства.

На наш взгляд такая негативная оценка деятельности Павла кроется в самом времени, в обществе, когда он задумал осуществить свои преобразования. Как считает П.И. Ковалевский, и в этом мы с ним полностью согласны, «условия, в которых Павел вступил на императорский престол, были чрезвычайно неблагоприятны для проведения крупномасштабных реформ. В последние годы царствования императрица Екатерина II почти перестала заниматься делами государственного управления. Рассмотрение приходивших на ее имя докладов сановников о состоянии тех или иных частей администрации, различных просьб, жалоб, записок и т.п. она возложила на особо приближенных к Ее Величеству лиц. Естественно, что именно эти лица и принимали необходимые решения, которые императрица утверждала своей подписью».

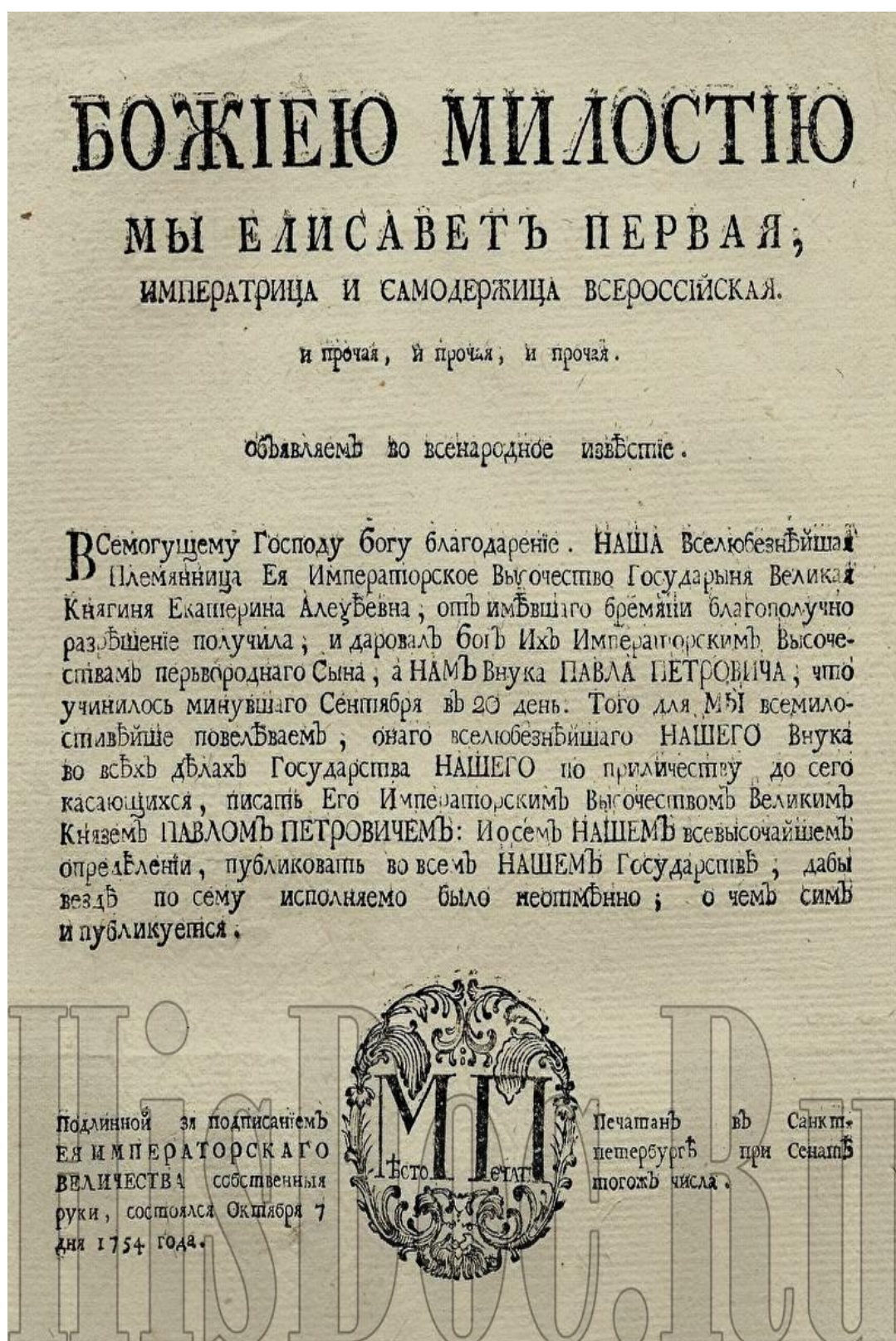
В годы своего правления Павел никого не казнил, но зато покончил с неспешной, вальяжной жизнью екатерининских вельмож, посягнув на «святое» □ на те вольности, которыми Екатерина одаривала дворянство. Если учесть, что император в распорядке дня придерживался строгой немецкой педантичности и его рабочий день начинался в шесть утра, а вставал он в пять утра, и ждал с докладами чиновников, а опоздавших тут же увольнял и даже вводил палочные наказания, то можно себе представить, какой ропот недовольства разливался в дворянской среде в связи с нововведениями. «Работая по 16 часов в день, он пытался

вникнуть во все, даже в дела о пожарах и трактирных драках, о разведении овец и издании книг. Мечтая о наведении порядка, на деле император нагнал страху, но все же покончить с российским воровством было невозможно. Оказалось, что всеобщее воровство, лень и отсутствие дисциплины устраивали всех. Число врагов государя росло, а он недооценил их силу и решимость. Уже на этом этапе его деятельности можно сказать, что участь его как императора была решена: созрел заговор».

Говоря однажды о недовольстве дворянства его распоряжениями, император Павел I заметил: «Я надеюсь, что потомство отнесется ко мне беспристрастно». К сожалению, на наш взгляд, этой надежде, кажется, еще не скоро суждено осуществиться. Определенный образ Павла сложился уже очень давно, да и по сей день, в различных учебниках по истории император представлен не с лучшей стороны. Можно с полной уверенностью говорить, что полная история царствования императора Павла I, императора с трагической судьбой, в истинном своем виде лежит еще в государственных и семейных архивах.

Манифест о рождении великого князя Павла Петровича

**Записка Никиты Ивановича Панина
о воспитании великого князя Павла Петровича, 1760 г.**

Всепоподденнейшее предъявление слабого понятия и мнения о воспитании его императорскаго высочества. Государя великаго князя Павла Петровича

Записка графа Н.И. Панина. 1760 г.

Еслиб благоразумие позволяло, или бы по крайней мере снести могло, принять единым общим правилом, не всегда и редко случающиеся в свете происшествия, то б совершенно излишним было всякое дальнейшее уважение о сем драгоценном воспитании: ибо нигде и никогда, заимство освященной крови, и примеры великих предков, надежнейшаго к общему благополучию плода обещать не могут, каков теперь ожидают своим потомкам российския дети и с ними соединенное множество разных народов.

От самага рождения его императорскаго высочества, продолжаемое материнское об нем попечение нашей мудрой монархини, доказывает собственное монаршеское признание долга ея природнаго милосердия к Отечеству, чтоб благостояние наших потомков просто не отважить прямое разумение на учении самага Спасителя нашего о человеческих стараниях точно исполнить, и так ежели возможно сказать, быть органом посредства тому благополучию, которое Он Всемогуший восхотел утвердить и обнадежить Росийским потомкам под правосудным скипетром ея императорскаго величества, при возобновлении освященнаго племени Росийскаго отца и возстановителя.

Из сего монаршескаго намерения видится заключить возможно, что при безпрестанных к Богу молитвах от верных подданных, о произведении того, еже ея императорское величество насаждать соизволяет для общаго блага, теперь наиглавнейше потребно, чтоб человеческим старанием, приуготовить нежную душу и сердце его императорскаго высочества, ко времени созреения его разсудка: тогда тем с большею чувствительностию изображаться будут в дарованном ему от Бога понятии, как примеры

великих дел, его освященных предков, так и те непосредственные обучения, коими он всечасно научиться будет в царствование нашей всемилостивейшей государыни, какое сердце, нрав и чувствительность благой монарх имеет, какия средства он употребляет к воздвижению себе престола на сердцах своих подданных! А из таких примеров и обучений, он сам в своем чувствии откроет духовной и естественной закон, которой Бог непосредственно предписал откровением священнаго писания, и в здоровой совести Своим избранным помазанным, яко Его во плоти наместникам, о попечении народного благосостояния в сей временной жизни. Из чего познает его императорское высочество, что нет народу наивящей от Бога милости, как поданием ему государя боголюбиваго, правосуднаго и милосердаго, следовательно он так, как любезнейшие отечеству его предки, сам же признает обязуемой его пред отечеством долг и то, что он вышним промыслом произведен в свет в радость своей человеколюбивой государыни, и к обнадеживанию насаждаемаго ея материнскою рукою благополучия, до наиотдаленнейших времен Российской империи.

Одним словом сказать, ничто достаточнее изобразить не может в чувствительности воспитываемаго как монаршеския принципы, правила и дела ея императорскаго величества: что добрый государь не имеет и не может иметь ни истиннаго интереса, ниже истинной славы разделенными от пользы и благосостояния ему Божеским призрением подданных народов, которые устроят ему жертвенники в сердцах своих.

Но дабы здесь представленные, и столь много отечеству обещающие способы, произвели полное свое действие, я к тому достаточнейшее предъоставляя мнениям искуснейших, сам думаю по крайним силам моего малаго смысла, что тот, кому ея величество сие драгоценное воспитание поручить всевысочайше соизволяет, должен с крайнейшим прилежанием, и так сказать, равно с попечением о сохранении здоровья его императорскаго высочества, неусыпно стараться, предостерегать и не допускать ни делом, ни словами ничего такого, ежеб хотя мало могло развратить те душевныя способности к добродетелям, с которыми человек на свет происходит; а напротив пристойными к тому средствами, оныя так распространять, чтоб еще в детских хотениях у его императорскаго высочества, нечувствительно произ-

росла склонность и желание подражать добру и честности, претительность же к делам худым, и честность повреждающим. Можно достигнуть до сего намерения, порядочными по состоянию лет обучениями, наставлениями и исправлением, когда только дневное время, да и самыя забавы его высочества так обращены будут, чтоб изъ каждой вещи ему происходило, или что к добру наставляющее, или хотяб единственно что от худа отвращало.

Три главные и начальныя человеческия добродетели, о которых здесь упомянуть должно, суть: чувствительное познание своего Творца; Его святое намерение в создании нас, и нашей за то Ему посвященной должности. Первое происходит тогда, когда уже наполнится сердце любовью и повиновением к Нему и ко власти, от Него постановленной; второе — от сердечнаго желанія о точном исполнении своего звания, для которых на свет производимся; третье от ревности и попечения — учинить себя способным к исполнению долга того звания. Простое человеческое бытие воображает понятию первыя начертатя сих трех правил жизни; наше же православное христианство просвещает оныя, и отворяет в сердце к добру дорогу. Почему обучения закона, есть несумненно наиважнейший пункт добраго воспитания, — следовательно избранной к тому наставник — должен иметь речь внятную и ласковую, душу прямую и безкорыстную, разумок здравой, и был бы чужд всякаго предубверения и суеверства, вещь, свойственная одним ложным законам, разорительная же нашему благочестию, где вера с добрыми делами не разрывно сопряжена. И так по моему слабому понятию в настоящем нежном детстве его императорскаго высочества, должно наипаче поспешествовать плодам научения закона, ограждением его добрыми нравами, нравоучительным просвещением в нем произрастающих мыслей и разсуждений, к чему особливо математическия понятия полезны: ибо они, очищая разумок, больше приучают к основанию правды, нежели все другія основания разума. Но дабы не уважаемою поспешностию не изнурит, или и не отяготить нежные органы его императорскаго высочества: то надлежит все умеривать его летами, и оказывающимися сорожденными способностями, так чтоб в начале все обучения не прямою наукою, но больше наставлениями производимы были. Тоже разумеется и о всех других, как о нужных, так и о украшающих разум любо-

пытных науках и знаниях. Между первыми, где гистория будучи по справедливости почитаема лучшим руководством для тех, кои рождены к общему благополучию, и потому она достойна особеннаго места в сем воспитании и начаться должна без упущения времени нарочными краткими и внятными сочинениями □ пред-почтительно о своем отечестве. Что касается добром научении собственнаго нашего языка хотя б Россия еще и не имела Ломоносовых и Сумароковых, тоб, при обучении закона, чтение и одной древняго писания псалтири, уже отчасти оное исполнило. Притом сначала малая и легкая письменная экзерциция мыслей и разсуждений его императорскаго высочеству же поспешествовать будут; а имеющие честь быть к нему приставленными, должны прилежно наблюдать, чтоб его высочество не привыкал к употреблению подлых наречений и слов, нижеб поносныя и язвительныя из уст его выходили.

Нашего времени обычай и множество изрядных книг, учили в Европе общим французской язык; немецкой же в России надобен в разсуждении соседства и завоеванных провинций; но и тому и другому, яко живым языкам, возможно в детстве обучать больше наслышкою разговоров, дабы без нужды не тратить дорогое время воспитания. А когда лета дойдут до той зрелости, где без отягощения понятия научение грамматических правил способны будут, тогда его высочество найдется в состоянии сам себя поправлять в тех погрешностях, кои почти завсегда в разговорах попадаются.

Кавалерския экзерциции также по мере возраста употребляемы быть должны, по натуральной же веселаго дитяти склонности к невинным забавам, танцам и рисовальному художеству надо дать первенство.

Во время, когда его императорское высочество достигнет помощи Божиею тех лет, в которыя всем пристойным наукам сам обучаться изволит в обыкновенном порядке, тогда будет весьма полезно учинить особенное разсуждение, каким способнейшим образом приступить к прямой государственной науке, то есть: к познанию коммерции, казенных дел, политики внутренней и внешней, войны морской и сухопутной, учреждений мануфактур и фабрик, и прочих частей, составляющих правление государства его, силу и славу монаршу.

Между тем к достижению сего совершенства доброго воспитания, нужно есть особливое старание возбуждать всякими мерами в его императорском высочестве полезныя к тому склонности и вкус, к чему, между прочими средствами, мнится быть и то оне бесполезно, когдаб определена была некоторая годовая малая сумма, на собственное его высочеству собрание книг, математических и физических инструментов, ружья, купферштихов, картин и прочих кабинетов, еже все собирая помаленьку пред его очами, может нечувствительно подать ему охоту, любовь и любопытство вообще ко всем наукам и художествам. Из той же суммы не худо платить и тем учителям, кои по часам для подания уроков призываны будут; сего звания люди, от своего искусства имеют промысел, а достаточная и добровольная заплата поощряет более, нежели другие способы, их смысл и прилежание, от чего будет большая польза его императорскому высочеству.

Всепоподданнейшая ревность и усердие не позволяют ничего оставить на совести, и преодолев рабскую несмелость, заставляют при заключении сего росписания, всенижайше представить, как малое мое понятие мне воображает, что сходственнее быть может с мудрым ея императорскаго величества намерением о воспитании государя великаго князя, если всякое излишество, великолепие и роскошь, искушающая молодость, от него отдалены, и неинако ему представляться будут, как надеждою будущаго награждения в тех летах, когда воспитание окончится за усердное соответствование в том всевысочайшей воли и желанию ея императорскаго величества; комнату же его высочества, или двор сочинить так, чтоб сравненно с его природным достоинством, чин, благопристойность и добронравие были всему украшением. Время ласкателям довольно вперед остается; но неть ничего излишняго в летах воспитания для тех, кои верою и должностию обязаны будут пещись о добродетелях, и предостерегать пороки. В разсуждении чего главнейшая надобность в том состоит, чтоб определяемые в услугу его императорскаго высочества кавалеры были все благородныхъ сентиментов, добрых нравов и обычаев; но как сии два последния качества редко прямо открыты в общем обращении служб и знакомств: ибо их действие больше в своих семьях и между домашними, нежели на общем театре, того ради полезнее б было для его высочества, если бы на первое время ни

каких рангов к тем должностям присвоено не было, но довольно определить достаточное к тому жалованье; а избранные к сей службе могут сохранить те места, из которых возмутся, и тем не меньше получать отличность входа в кавалерские покои ея императорского величества, когда они и просто называться станут кавалерами его высочества.

Существо такого важнаго и деликатнаго дела требовало б и особливаго плана с точным содержанием персоны его императорского высочества, с росписанием при нем служб, с распоряжением по часам его времени, учения и забав, с избранием наук, и для них учителей. Но сему основанием должно быть всевысочайшее о всем намерение ея императорского величества в той инструкции, коя дана будет определенному главным к воспитанию. Причем и то достойно уважения, что разность сложений воспитываемых, и происходима я почти безпрестанно по детским склонностям и летам в них перемена едва-ли когда ни есть могут дозволить точное исполнение такова единожды предписаннаго плана, хотя б оной и таким человеком сочинен был, которой бы уже и прежде сам знал сложение воспитываемаго и весь тот порядок, в которомъ он воспитывается. И так для исправнаго исполнения всевысочайшаго материнскаго намерения ея императорского величества лутчий и кратчайший способ есть, всемилостивейшее дозволение к себе доступи со всеподданнейшими докладами и представлениями, ежели по обстоятельствам времени и случаев, когда что по силе инструкции исправить или переменить должно. Я же, приступая к такой великой вещи, объят вернаго раба ревностию, усердием и трепетом, к недостаткам натуральной способности и искусства, сим больше испытываю себя собственно, нежели с надежностію о себе исполняю мне высокое повеление. Повиновение воли монаршей есть мой первой закон и счастлив буду, еслиб не только труды, верность, рачение и прилежание, но хотя б и живот мог то заменить и наградить, чего исполнить не найдусь в состоянии.

Сообщ. из бумаг В.Ф и Б.Ф. Булгариных в 1871 г.

Акт о порядке престолонаследия 5 апреля 1797 г.

Акт, Высочайше утвержденный в день священной коронации его императорского величества и положенный для хранения на престол Успенского собора. Мы, Павел, наследник, цесаревич и великий князь, и мы, супруга его, Мария, великая княгиня.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

Общим нашим добровольным и взаимным согласием, по зрелом рассуждении и с спокойным духом постановили сей акт наш общий, которым по любви к Отечеству избираем наследником, по праву естественному, после смерти моей, Павла, сына нашего большого, Александра, а по нем все его мужское поколение. По пресечении сего мужескаго поколения наследство переходит в род второго моего сына, где и следовать тому, что сказано о поколении старшаго моего сына, и так далее, если бы более у меня сыновей было; что и есть первородство. По пресечении последняго мужескаго поколения сыновей моих наследство остается в сем роде, но в женском поколении последне-царствовавшего, как в ближайшем престолу, дабы избегнуть затруднений при переходе от рода в род, в котором следовать тому же порядку, предпочитая мужское лице женскому; однако здесь приметить надлежит единожды навсегда, что не теряет никогда права то женское лице, от которого право непосредственно пришло. По пресечении сего рода наследство переходит в род старшаго моего сына в женское поколение, в котором наследует ближняя родственница последне-царствовавшего рода вышеупомянутаго сына моего, а в недостатке оной то лице мужское или женское, которое заступает ея место, наблюдая, что мужское лице предпочитается женскому, как уже выше сказано; что и есть заступление. По пресечении же сих родов наследство переходит в женский род прочих моих сыновей, следуя тому же порядку, а потом в род старшей дочери моей в мужское ея поколение, а по пресечении онаго в женское ея поколение, следуя порядку, наблюдаенному в женских поколениях сыновей моих. По пресечении поколения му-

жескаго и женскаго старшей дочери моей наследство переходит к поколению мужескому, а потом женскому второй дочери моей, и так далее. Здесь правилом положить должно, что меньшая сестра, хотя бы и сыновей имела, не отъемлет права у старшей, хотя бы незамужней, ибо она могла бы выйти замуж и родить детей; брат же меньший наследует прежде старших своих сестер. Положив правила наследства, должен объяснить причины оных. Оне суть следующие: дабы государство не было без наследника. Дабы наследник был назначен всегда законом самим. Дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать. Дабы сохранить право родов в наследствии, не нарушая права естественного, и избежать затруднений при переходе из рода в род. Учредив таким образом наследство, должно дополнить сей закон нижеследующим: когда наследство дойдет до такого поколения женскаго, которое царствует уже на другом каком престоле, тогда предоставлено наследующему лицу избрать веру и престол, и отречься вместе с наследником от другой веры и престола, если таковой престол связан с законом, для того, что государи российские суть главою церкви; а если отрицания от веры не будет, то наследовать тому лицу, которое ближе по порядку. Засим должным обязаться свято наблюдать сей закон о наследстве при вступлении и помазании. Если наследовать будет женское лицо, и таковая особа будет замужем или выйдет, тогда мужа не почитать государем, а отдавать однако ж почести наравне с супругами государей, и пользоваться прочими преимуществами таковых, кроме титула. Женитьбы не почитать законными без дозволения государя на оныя. В случае малолетства наследующей особы порядок и безопасность государства и государя требуют учреждения правительства и опеки до совершеннолетия. Совершеннолетие полагается государям обоего пола и наследникам шесть на десять лет, дабы сократить время правительства. Если последне-царствовавший не назначил правителя и опекуна, ибо ему следует учинить сей выбор для лучшей безопасности; правительство государства и опека персоны государя следуют отцу или матери, вотчим же и мачеха исключаются; а за недостатком сих ближнему к наследству из родственников совершеннолетних обоего пола малолетнаго. Совершеннолетие прочих обоего пола особ государских фамилий

полагается 20 лет. Неспособность законная препятствует быть правителем и опекуном, а именно: безумие хотя бы временное, и вступление вдовых во второй брак во время правительства и опеки. Правителю полагается Совет правительства, и как правитель без Совета, так и Совет без правителя существовать не могут; Совету же нет дела до опеки. Совету сему состоять из 6 особ первых двух классов по выбору правителя, которому и назначать других при случающихся переменах. В сей Совет правительства входят все дела без изъятия, которые подлежат решению самого государя, и все те, которые как к нему, так и в Совет его вступают; правитель же имеет голос решительный. Мужския особы государственной фамилии могут заседать в сем Совете по выбору правителя, но не прежде своего совершеннолетия и в числе 6-ти особ, составляющих Совет. Назначение сего Совета и выбор членов оного полагается в недостатке другого распоряжения скончавшагося государя, ибо оному должны быть известны обстоятельства и люди. Сим мы должны были спокойствию государства, которое на твердом законе о наследстве основано, о чем каждый доброммыслящий уверен. Мы желаем, чтоб сей акт послужил доказательством самым сильнейшим пред всем светом нашей любви к Отечеству, любви и согласия нашего брака и любви к детям и потомкам нашим. В знак и свидетельство чего подписали наши имена и приложили печати гербов наших. Подлинный акт подписан собственными их императорских величеств руками тако: Павел. Мария.

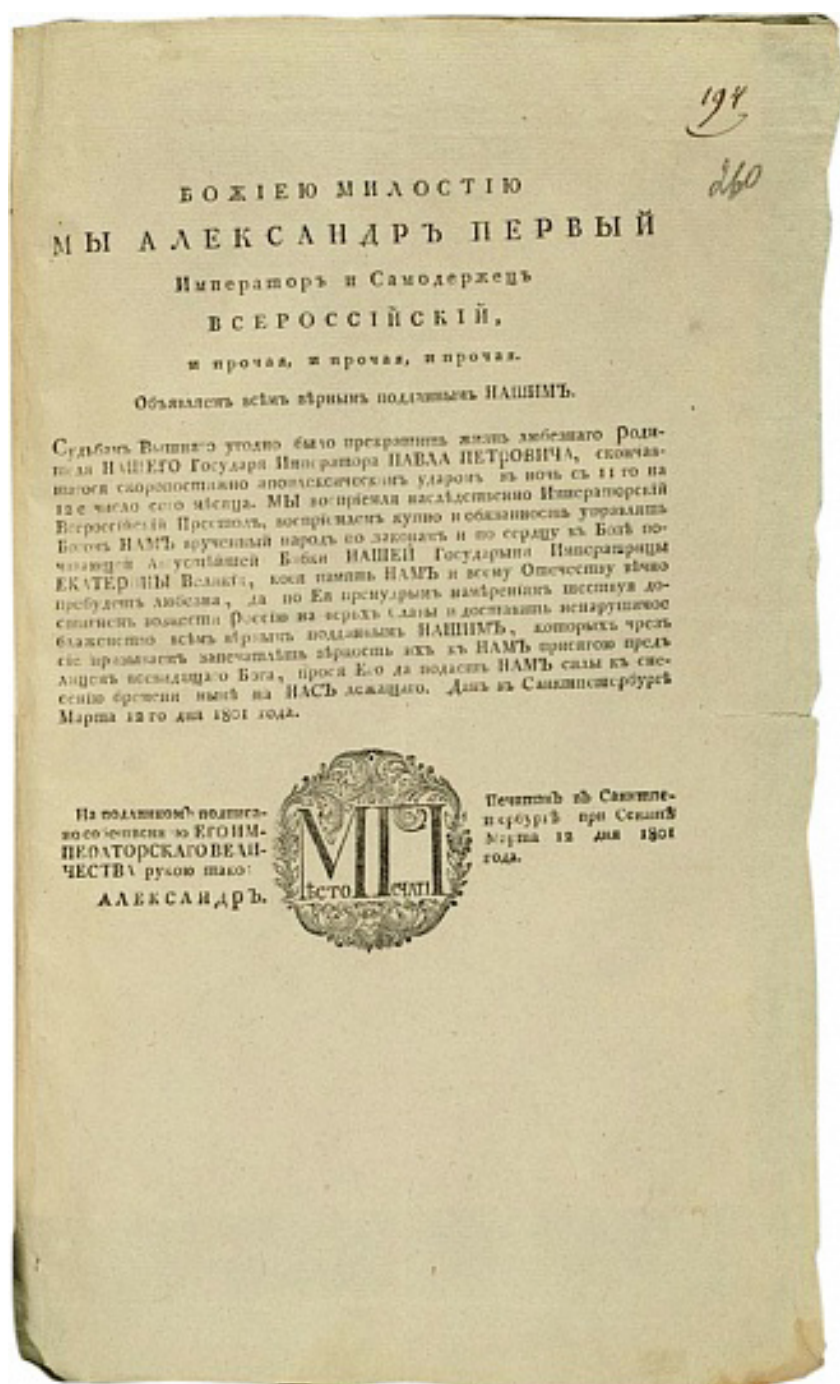
Выверено по изданию: Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Собрание первое. Т. XXIV (С 6 ноября 1796 по 1798). (№ 17910.) СПб., 1830.

**Манифест «О трехдневной работе помещичьих крестьян
в пользу помещика, и о непринуждении
к работе в дни воскресные»**

Объявляем всем Нашим верноподданным. Закон Божий, в десятословии Нам преподанный, научает Нас седьмой день посвящать Ему; почему в день настоящий, торжеством Веры Христианской прославленный, и в который Мы удостоились воспринять священное миропомазание и Царское на Прародительском Престоле Нашем венчание, почитаем долгом Нашим пред Творцом и всех благ Подателем подтвердить во всей Империи Нашей о точном и непременном сего закона исполнении, повелевая всем и каждому наблюдать, дабы никто и ни под каким видом не дерзал в воскресные дни принуждать крестьян к работам, тем более, что для сельских изделий остающиеся в неделе шесть дней, по равному числу оных вообще разделяемые, как для крестьян собственно, так и для работ их в пользу помещиков следующих, при добром распоряжении достаточны будут на удовлетворение всяким хозяйственным надобностям.

Манифест о вступлении на престол императора Александра Первого

**Письма графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных
к государю императору Павлу I**

**Державнѣйшій Императоръ Павелъ Петровичъ, Самодержецъ
Всероссійскій,**

Государь всемилостивѣйшій.

Вашему Императорскому Величеству свѣдомо, что покойный мой братъ Министръ Графъ Панинъ сочинялъ къ поднесенію Вашему Величеству разсужденіе о истребившейся въ Россіи со всѣмъ всякой формы государственнаго правленія, и отъ того озыблемомъ состояніи какъ Имперіи, такъ и Самыхъ Государей.

А какъ Россія предопредѣлена правомъ природы вступить въ свое время подъ обладаніе къ Наслѣднику Престола Ея, воспитанному подъ надзираніемъ покойнаго, то и поставилъ онъ долгомъ своимъ примыслить по возможнымъ силамъ усмотрѣнія его и по всему усердію, форму Государственнаго Правленія и фундаментальныя законы, свойственнѣйшіе существительному положенію и правамъ обитателей Отечества своего, къ прочнѣйшей безопасности на всѣ времена оному и Государямъ; но незапность смерти не допустила Покойнаго доврѣшить сего намѣренія.

Однако жъ начатое имъ сохранилось отъ преслѣдованія въ самой часъ смерти всѣхъ бумагъ скончавшагося вѣрнѣйшимъ къ нему приверженцемъ Денисомъ Ивановичемъ фонъ Визиномъ, къ которому братъ мой имѣлъ полную довѣренность, а Господинъ фонъ-Визинъ оправдалъ предо мною собственно какъ оную, такъ и подданныческую вѣрнѣйшую свою преданность къ Вашему Императорскому Величеству весьма достаточными опытами, ибо онъ означенное брата моего разсужденія, сохранивъ со всею вѣрностію, отдалъ мнѣ коль скоро пріѣхалъ я въ Петербургъ, то потому и не могъ я здѣсь пропустить безъ порученія Господина фонъ Визина въ Вашу Монаршую милость и призрѣніе, какъ человѣка при томъ съ особливими способностями къ гражданской и политической службѣ.

Покойный братъ мой по послѣднемъ выѣздѣ въ путешествіе Вашего Императорскаго Величества лишился возможности употреблять собственную свою руку на долгое писаніе, да и голова его перестала уже выносить долгую тиктатуру, для того все оное разсужденіе писано рукою фонъ Визина изъ преподаваемыхъ словѣсныхъ только Покойнымъ назнаменованій.

Извѣстны по несчастію ужасныя примѣры въ Отецествѣ нашемъ надъ цѣлыми родами сыновъ его, за одни только и разсужденія противу деспотизма, распространяющагося изъ всѣхъ уже Божескихъ и естественныхъ

законовъ; сего ради, а особливо что и собственная Вашего Величества безопасность состояла еще въ подвластномъ положеніи, не дерзнулъ я осмѣлиться поднести Вамъ сочиненія брата моего противу всемогущества, господствующаго надъ всякими законами и надъ справедливостію, поставилъ моею должностію сохранить его у себя и приуготовлять способъ поднести его тогда, когда вышній Промыслъ возведетъ Ваше Величество на Природной Престолъ, хотя уже и по смерти моей.

Соизволите Вы Высочайше усмотрѣть, что сочиненіе брата моего осталось послѣ его чернымъ, то хотя и сказано въ немъ, что фундаментальныя права тутъ же приносятся, но смерть его не допустила и зачать еще оныя.

Я по искреннѣйшимъ братствѣ и дружбѣ съ Покойнымъ имѣлъ при всякомъ удобномъ случаѣ откровенныя разсужденія и примышленія о всемъ ономъ, то зная его предположенія къ фундаментальнымъ правамъ, поставилъ моею должностію, вѣрностію и усердіемъ къ Вашему Императорскому Величеству сочинить къ разсужденію брата моего прибавленіе о всемъ томъ, на что мнилось имѣть полезнымъ Отечеству нашему фундаментальныя права; которое теперь я приобщая къ оставшему отъ покойнаго брата моего разсужденію, приѣмлю смѣлость симъ препроводить къ Стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Воспримите, Всемиловитѣйшій Государь, хотя уже и по смерти моей, сіи два сочиненія отъ обоихъ насъ братьевъ, знакомъ истинныхъ нашихъ усердія и вѣрности къ Вашему Императорскому Величеству не раздѣльно со отечествомъ, и что мы оба промышляли и сочиняли оныя единственно на поверженіе ихъ къ усмотрѣнію во благое ихъ употребленіе, или и ко уничтоженію природному Нашему Государю, одаренному разумомъ проникательнымъ и чистымъ, душою справедливою и всѣмъ просвѣщеніемъ, потребнымъ великому и человѣколюбивому Монарху.

А потому въ полной вѣрѣ и радостной надеждѣ стану смыкать я въ послѣдніе глаза мои, что оставшіе наслѣдники обоихъ насъ, дѣти мои, и при случаѣ уничтоженія сихъ сочиненій не будутъ ни чего претерпѣвать и не отженутся отъ Монаршаго призрѣнія мнѣ всемиловитѣйше обѣщаннаго, для того и дерзаю чрезъ сіе жъ повергнуть ихъ во оное. Имѣя счастіе и умирать безпредковенно со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ и съ искреннѣйшею подданическою преданностію.

Вашего Императорскаго Величества
Всемиловитѣйшаго Государя

всенижайшимъ и преданнѣйшимъ
подданнымъ, Графъ Петръ Панинъ.

Октября 1-го дня 1784 г.
Въ Селѣ Дугинѣ.

Найденное въ бумагахъ покойнаго Графа Никиты Ивановича Панина разсужденіе о непрѣмннхъ Государственныхъ Законахъ.

Верховная власть ввѣряется Государю для единого блага Его подданныхъ. Сію истинну тираны знаютъ, а добрые Государя чувствуютъ. Просвѣщенный ясностію сея истинны и великими качествами души одаренный Монархъ, облекшись въ неограниченную власть и стремясь къ совершенству по скольку смертному возможно, Самъ тотчасъ ощутить, что власть дѣлать зло есть не совершенство, и что прямое самовластіе тогда только вступаетъ въ истинное свое величество, когда само у себя отѣмлетъ возможность къ содѣланію какого-либо зла.—И дѣйствительно, все сіяніе Престола есть пустой блескъ, когда добродѣтель не сидитъ на немъ вмѣстѣ съ Государемъ: но вообразя его таковымъ, котораго умъ и сердце столько были-бъ превосходны, чтобъ никогда не удалялся Онъ отъ общаго блага, и что бѣ сему правилу подчинилъ Онъ всѣ свои намѣренія и дѣянія, кто можетъ подумать, что-бѣ сею подчиненностію безпредѣльная власть Его ограничивалась? Нѣтъ; она есть одного свойства со властію существа Вышняго. Богъ потому и всемогущъ, что не можетъ дѣлать ни чего другаго, кромѣ блага; а дабы сія невозможность была безконечнымъ знамѣніемъ Его совершенства, то постановилъ онъ правила истинны для самаго себя не преложныя, по коимъ управляетъ Онъ вселенною и коихъ не претавъ быть Богомъ самъ преступить не можетъ. Государь, подобіе Бога, преемникъ на землѣ вышней Его власти, не можетъ равнымъ образомъ ознаменоватъ ни могущества, ни достоинства Своего иначе, какъ постановя въ Государствѣ своемъ правила непреложныя, основныя, основанныя на благѣ общемъ, и которыхъ не могъ-бы нарушить Самъ, не претавъ быть достойнымъ Государемъ.

Безъ сихъ правилъ, или, точнѣе объяснить, безъ непрѣмннхъ Государственныхъ Законовъ, не прочно ни состояніе Государства, ни состояніе Государя. Не будетъ той подпоры, на которой бы Ихъ общая сила утвердилась. Всѣ въ намѣреніяхъ полезнѣйшія установленія ни какого основанія имѣть не будутъ. Кто оградить ихъ прочность? Кто поручится, ятобъ Преемнику не угодно было въ одинъ часъ уничтожить все то, что во всѣхъ прежнія царствованія устанавливаемо было. Кто поручится, чтобъ Самъ Законодатель, окруженный неотступно людьми, затмѣвающими предъ нимъ истинну, не раззорилъ того сего дня, что созидалъ вчера? Гдѣ-же произволъ одного есть законъ верховный, тамо прочная общая связь и существовать не можетъ; тамо есть Государство, но нѣтъ Отечества; есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединялись-бы узломъ взаимныхъ правъ и должностей. Одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія; ибо не нравъ Государя принаравливается къ законамъ, но законы къ Его нраву. Какая-же довѣренность,

какое почтеніе можетъ быть къ законамъ, не имѣющимъ своего естественнаго свойства, т. е. соображенія съ общею пользою? Кто можетъ дѣла свои располагать тамо, гдѣ безъ всякой справедливой причины, завтра вмѣнится въ преступленіе то, что сего дня не запрещается? Тутъ каждый подверженъ будучи прихотямъ и не правосудію сильнѣйшихъ, не считаетъ себя въ обязательствѣ наблюдать того съ другими, чего другіе съ нимъ не наблюдаютъ.

Тутъ, съ одной стороны, на законы естественныя, на истинныя ощутительныя, дерзкое невѣжество требуетъ доказательствъ, и безъ указа имъ не повинуются, когда съ другой стороны безумное велѣніе сильнаго, съ рабскимъ подобоострастіемъ непрекословно исполняется. Тутъ, кто можетъ, повелѣваетъ, но ни кто ничѣмъ не управляетъ; ибо править должныствовали бы законы, кои выше себя ничего не терпятъ. Тутъ подданные поработаны Государю, а Государь обыкновенно Своему недостойному *любимцу*. Я назвалъ его недостойнымъ потому, что названіе *любимца* не приписывается никогда достойному мужу, оказавшему Отечеству истинныя заслуги, а принадлежитъ обыкновенно человѣку, достигшему высокихъ степеней по удачной своей хитрости правиться Государю. Въ такомъ развращенномъ положеніи, злоупотребленіе самовластия восходитъ до невѣроятности, и уже престаесть всякое различіе между Государственнымъ и Государевымъ, между Государевымъ и любимцовымъ. Отъ произвола сего послѣдняго все зависитъ. Собственность и безопасность каждаго колеблется. Души унываютъ, сердца развращаются, образъ мыслей становится низокъ и презрителенъ. Пороки любимца не только входятъ въ обычай, но бываютъ почти единымъ средствомъ къ возвышенію. Есть ли любить онъ пьянство, то сей гнусный порокъ всѣхъ вельможей заражаетъ. Есть ли духъ его объять буйствомъ, и дурное воспитаніе приучило его къ подлому образу поведѣнія, то во время его знати поведеніе благородное бываетъ уже довольно заградить путь къ счастью: но есть ли Провидѣніе въ лютѣйшемъ своемъ гнѣвѣ къ человѣческому роду попускаетъ душею Государя овладѣть чудовищу, который все свое любочестіе полагаетъ въ томъ, чтобъ Государство неминуемо было жертвою насильствъ и игралищемъ прихотей его; Есть ли всѣ уродливыя движенія души влекутъ его первенствовать только богатствомъ, титлами и силою вредить; Есть ли взоръ его, осанка, рѣчь, ни чего другаго не знамѣнуютъ, какъ: «боготворите меня, я могу васъ погубить»; — Есть ли безпредѣльная его власть надъ душою Государя, препровождается въ его душѣ безчисленными пороками; есть ли онъ гордъ, наглъ, коваренъ, алченъ къ обогащенію, сластолюбецъ, безстыдный, лѣнивѣцъ, тогда нравственная язва становится всеобщою, всѣ сии пороки разливаются и заражаютъ Дворъ, городъ, и наконецъ—Государство. Вся молсдость становится надмѣнна и принимаетъ тонъ буйственнаго презрѣнія ко всему тому, что должно быть почтенно. Всѣ узы благочинія расторгаются къ крайнему соблазну, ни вѣкъ изнуренный въ служеніи отечества, ни санъ, пріобрѣтенный истинною службою, не ограждаетъ почтеннаго человѣка отъ нахальства и дерзости едѣа изъ ребятъ вышедшихъ и однимъ случаемъ поднимаемыхъ негодницъ. Коварство и ухищреніе прі-

емлется главнымъ правиломъ поведенія. Никто нейдетъ стезею себѣ свойственною. Никто не намѣренъ заслуживать; всякой ищетъ выслуживать. Въ сіе благопоспѣшное недостойнымъ людямъ время, какого воздаянія могутъ ожидать истинныя заслуги, или паче есть ли способъ оставаться въ службѣ мыслящему и благородное любочестіе имѣющему гражданину? Какой чинъ, какой знакъ почести, какое мѣсто государственное не изгажено скареднымъ прикосновеніемъ пристрастнаго покровительства? Посвятя жизнь свою военной службѣ, лестно ль дослуживаться до полководства, когда вчерашній капраль, неизвѣстно кто и не вѣдомо за что, становится сего дня полководцемъ и принимаетъ начальство надъ заслуженнымъ и ранами покрытымъ офицеромъ?—Лестно ль быть судьей, когда правосуднымъ быть не позволяется? Тутъ алчное корыстолюбіе довершаетъ общее развращеніе. Головы занимаются однимъ примышленіемъ средствъ къ обогащенію. Кто можетъ—грабить; кто не можетъ—крадетъ, и когда Государь безъ непреложныхъ Государственныхъ законовъ зиждетъ на пескѣ свои зданія и выдавая непрестанно частныя уставы, думаетъ истреблять вредныя Государству откупы, тогда не знаетъ онъ того, что въ Государствѣ Его не наказанность всякаго преступленія давно на откупѣ, что для безсовѣстныхъ хищниковъ стало дѣломъ одинаго расчета, изчислить, что принесетъ ему преступленіе, и во что Милостивый Указъ стать ему можетъ.—Когда же правосудіе претворилось въ торжище, и можно бояться потерять безъ вины свое и надѣяться безъ права взять чужое, тогда всякой спѣшитъ наслаждаться безъ пощады тѣмъ, что въ его рукахъ, угождая развращеннымъ страстямъ своимъ. И что можетъ остановить стремленіе порока, когда идолъ самаго Государя, предъ очами цѣлаго свѣта, въ самыхъ Царскихъ Чертогахъ, водрузилъ знамя беззаконія и нечестія; когда насыщая безстыдно свое сластолюбіе, ругается онъ явно священными узами родства, правилами чести, долгомъ человѣчества, и предъ лицомъ Законодателя Божескіе и человѣческіе законы попираетъ дерзаетъ? Не вхожу я въ подробности гибельнаго состоянія дѣлъ, изторгнутыхъ имъ подъ особенное его начальство: но вообще видимъ, что есть ли съ одной стороны заразившій его духъ любоначалія кружить всѣ головы, то съ другой, духъ праздности посѣлившій въ него весь адъ скуки и нетерпѣнія, распространяется далеко, и привычка къ лѣности укореняется тѣмъ сильнѣе, что рвеніе къ трудамъ и службѣ почти оглашено дурачествомъ смѣха достойнымъ.

Послѣ всего мною сказаннаго и живымъ примѣромъ утверждаемаго, не ясно ль видимъ, что не тотъ Государь Самовластнѣйшій, который на недостаткѣ Государственныхъ законовъ чаеъ утвердить Свое самовластіе. Порабощенъ одному или нѣсколькимъ рабамъ Своимъ, почему онъ Самодержецъ? Развѣ потому, что Самаго держутъ въ кабалѣ не достойные люди? Подобенъ будучи прозрачному тѣлу, чрезъ которое насквозь видны дѣйствующія имъ пружины, тщетно пишетъ Онъ новые законы, возвѣщаетъ благодѣяніе народа, прославляетъ премудрость своего Правленія: новые законы Его будутъ ни что иное, какъ новые обряды, запутывающіе старые законы, народъ все будетъ угнѣтенъ, дворянство уни-

жено, и не смотря на собственное Его отвращеніе къ тиранству, Правленіе Его будетъ правленіе тиранское. Нація тѣмъ не менѣе страждетъ, что не Самъ Государь принялся ее терзать, а отдалъ на расхищеніе извергамъ себѣ возлюбленнымъ. Таковое положеніе долго и устоять не можетъ. При крайнемъ ожесточеніи сердецъ, всѣ частныя интересы, раздробленные существомъ деспотическаго правленія, не чувствительно въ одну точку соединяются. Вдругъ всѣ устремляются разторгнуть узы нестерпимаго порабоженія. И тогда что есть Государство? Колоссъ, державшійся цѣпами. Цѣпи разрываются, колоссъ упадетъ и самъ собою разрушается. Деспотичество, раздающееся обыкновенно отъ анархіи, весьма рѣдко въ нее опять не возвращается

Для отвращенія таковыя гибели, Государь долженъ знать во всей точности всѣ права Своего Величества, дабы, первое, содержать ихъ у своихъ подданныхъ въ почтеніи, и второе, что бѣ Самому не преступить предѣловъ, означенныхъ Его правамъ самодержавнѣйшею всѣхъ на свѣтѣ властію, а именно властію здраваго разсудка. До перваго достигаетъ Государь правотою, до втораго кротостію.

Правота и кротость суть лучи Божественнаго Свѣта, возвѣщающіе людямъ, что правящая ими власть поставлена отъ Бога и что достойна она благоговѣйнаго ихъ повиновенія: слѣдственно всякая власть, не означенная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія времянь попустили уступая силѣ унижить человѣческое свое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средства разорвать свои оковы тѣмъ-же правомъ, какимъ на нее наложены, весьма умно дѣлаетъ, есть ли разрываетъ. Тутъ дѣло ясное. Или она теперь въ правѣ возвратить свою свободу, или никто не былъ въ правѣ отнимать у ней свободы. Кто не знаетъ, что всѣ человѣческія общества основаны на взаимныхъ добровольныхъ обязательствахъ, кои разрушаются такъ скоро, какъ ихъ наблюдать перестаютъ. Обязательства между Государемъ и подданными суть равнымъ образомъ добровольныя; ибо не было еще въ свѣтѣ Націи, которая насильно принудила-бы кого стать Ея Государемъ; и есть ли она безъ Государя существовать можетъ, а безъ нея Государь не можетъ, то очевидно, что первобытная власть была въ ея рукахъ, и что при установленіи Государя не о томъ дѣло было, чѣмъ онъ націю пожалуетъ, а какою властію она Его облакаетъ. Возможно ль же, что бѣ нація добровольно постановила сама законъ, разрѣшающій Государя дѣлать неправосудіе безъ отчотно.

Не стократно ль для нея лучше не имѣть никакихъ законовъ, нежели имѣть такой, который даетъ право Государю дѣлать всякія насильства? а потому и долженъ Онъ быть всегда наполненъ сею великою истинною, что Онъ установленъ для Государства, и что собственное Его благо отъ щастія Его подданныхъ долженствуетъ быть неразлучно.

Разсматривая отношенія Государя къ подданнымъ, первый вопросъ представляется разуму, что жъ есть Государь? Душа правимаго Имъ общества. Слаба душа, есть ли не умѣетъ управлять прихотливыми стрем-

леніями тѣла. Нещастно тѣло, надъ коимъ властвуетъ душа безразсудная, которая чувствамъ, своимъ истиннымъ министрамъ, или воевъ вѣряется, или ни въ чемъ недовѣряетъ. Положась на нихъ безопасно принимаетъ кучу за гору, планету за точку: но буде призираетъ она ихъ служеніе, буде возмѣчаетъ о себѣ столько, что захочетъ сама замурясь видѣть и заткнувъ уши слышать, какой правильной разрѣшимости тогда ожидать отъ нея можно, и въ какія напасти она сама себя не увлекаетъ!

Государь, душа политическаго тѣла, равной судьбинѣ подвергается. Отверзаетъ-ли Онъ слухъ свой на всякое внушеніе, отвращаетъ ли онъ отъ всякихъ представленій, уже истинна Его не просвѣщаетъ: Но есть ли Онъ Самъ и не признаетъ верховной ея власти надъ Собою, тогда всѣ отношенія Его къ Государству въ источникахъ своихъ развращаются: пойдутъ различія между Его благомъ и Государственнымъ; тотчасъ посѣляется къ Нему ненависть; скоро Самъ Онъ начинаетъ бояться тѣхъ, которые его боятся, словомъ: вся власть Его становится незаконная; ибо не можетъ быть законна власть, которая ставитъ себя выше всѣхъ законовъ естественнаго правосудія.

Просвѣщенный умъ въ Государѣ, представляетъ Ему сіе заключеніе безъ сомнѣнія во всей ясности, но Просвѣщенный Государь есть тѣмъ меньше человѣкъ. Онъ какъ человѣкъ рождается, какъ человѣкъ умираетъ и въ теченіи своей жизни какъ человѣкъ погружается: а потому и должно разсмотрѣть, какое есть свойство человѣческаго просвѣщенія. Между первобытнымъ его состояніемъ въ естественной его дикости и между истиннаго просвѣщенія разстояніе толь велико, какъ отъ неизмѣримой пропасти до верху горы высочайшей. Для восхожденія на гору потребно человѣку пространство цѣлой жизни: но взошедъ на нее, есть ли позволить онъ себѣ шагнуть чрезъ черту, раздѣляющую гору отъ пропасти, уже ни что не останавливаетъ его падѣнія, и онъ погружается опять въ первобытное свое невѣжество. На самомъ порогѣ сея страшныя пропасти стоитъ просвѣщенный Государь. Стражи, не допускающіе Его падѣнія, суть Правота и Кротость. Въ тотчасъ, какъ Онъ изъ рукъ ихъ Себя изторгаетъ погибель Его совершается, меркнетъ свѣтъ душевныхъ очей Его, и лѣтя стремглавъ въ бездну, вопіетъ Онъ внѣ ума: «все мое, я все, всѣ ничто».

Державшійся Правоты и Кротости Просвѣщенный Государь не поколеблется ни когда въ истинномъ Своемъ Величествѣ; ибо свойство правоты таково, что самое Ея ни какія предубѣжденія, ни дружба, ни склонности, ни самое состраданіе поколебать не могутъ. Сильный и не мощный, великій и малый, богатый и убогій, всѣ на одной чредѣ стоятъ;—Добрый Государь добръ для всѣхъ, и всѣ уваженія Его относятся не къ частнымъ выгодамъ, но къ общей пользѣ. Состраданіе производится въ душѣ Его не жалобнымъ лицомъ обманывающаго Его корыстолюбца, но истинною бѣдностію нещастныхъ, которыхъ Онъ не видитъ и которыхъ жалобы часто къ нему не допускаются. При всякой милости, оказуемой вельможѣ, долженъ Онъ весь Свой народъ имѣть предъ глазами. Онъ долженъ знать, что Государственнымъ награждается одна заслуга Государству, что неповинно оно платитъ за угожденія Его собственнымъ страстямъ,

и что всякой налогъ, взыскемый не ради пользы Государства, есть грабежъ въ существѣ своемъ и формѣ. Онъ долженъ знать, что нація, жертвуя частію естественной своей вольности, вручила свое благо Его попеченію, Его правосудію, Его достоинству; что Онъ отвѣчаетъ за поведеніе тѣхъ, кому вручаетъ дѣль правленіе, и что слѣдственно ихъ преступленія Имъ терпимыя, становятся Его преступленіями. Тщетно Государь помыслилъ бы оправдаться тѣмъ, что Самъ Онъ предъ Отечествомъ невиненъ и что тѣмъ весь долгъ Свой предъ нимъ исполняетъ. Нѣтъ, невинность Его есть платежъ долгу, коимъ Онъ Самъ Себѣ долженъ: но Государству все еще должникомъ. Онъ повиненъ отвѣчать ему не только за дурно, которое сдѣлалъ, но и за добро, котораго не сдѣлалъ. Всякое поущеніе—Его вина; всякая жестокость—Его вина; ибо Онъ долженъ знать, что послабленіе пороку есть одобреніе злодѣяніямъ, и что съ другой стороны наистрожайшее правосудіе надъ слабостями людскими есть наивеличайшая человѣчеству обида. Къ несчастію подданныхъ, приходитъ иногда на Государя такая полоса, что Онъ ни о чемъ больше не думаетъ какъ о томъ, что Онъ Государь; иногда ни о чемъ больше, какъ о томъ, что Онъ человѣкъ. Въ первомъ случаѣ обыкновенно походитъ Онъ въ дѣлахъ своихъ на худаго человѣка, во второмъ бываетъ неминуемо худымъ Государемъ. Чтобъ избѣгнуть сихъ обѣихъ крайностей, Государь не на одинъ мигъ не долженъ забывать ни того, что Онъ человѣкъ, ни того, что Онъ Государь. Тогда бываетъ Онъ достоинъ имени Премудраго. Тогда во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ вмѣщаетъ судъ и милость. Ничто за черту свою не преступаетъ. Кто поведеніемъ своимъ возмущаетъ общую безопасность, предается всей строгости законовъ. Кто поведеніемъ своимъ безчеститъ самаго себя, наказывается Его презрѣніемъ. Кто не рачитъ о должности, теряетъ свое мѣсто. Словомъ, Государь, правоту наблюдающій, исправляетъ всечасно пороки, являя имъ грозное чело, и утверждаетъ добродѣтель, призывая ее къ почестямъ.

Правота дѣлаетъ Государя почтеннымъ; но кротость, сія человѣчеству любезная добродѣтель дѣлаетъ Его любимымъ. Она напоминаетъ Ему непрестанно, что Онъ человѣкъ и правитъ людьми. Она не допускаетъ поселиться въ Его голову несчастной и нелѣпой мысли, будто Богъ создалъ милліоны людей для ста человѣкъ. Между кроткимъ и горделивымъ Государемъ та ощутительная разница, что одинъ заставляетъ себя внутренно обожать, а другой наружно боготворить; но кто принуждаетъ себя боготворить, тотъ внутри души своей видно чувствуетъ, что онъ человѣкъ. Напротивъ того кроткій Государь не возвышается никогда униженіемъ человѣчества. Сердце Его чисто, душа права, умъ ясенъ. Всѣ сіи совершенства представляютъ Ему живо всѣ Его должности. Они твердятъ Ему всечасно, что Государь есть первый служитель Государства; что преимущества Его распространены націю только для того, что бъ Онъ въ состояніи былъ дѣлать больше добра, нежели всякой другой; что силою публичной власти Ему ввѣренной, можетъ Онъ жаловать почести и преимущества частнымъ людямъ, но что самое націю ничѣмъ пожаловать не можетъ; ибо она дала ему все то, что Онъ Самъ имѣетъ; что для Его же собственнаго блага, долженъ Онъ уклоняться отъ власти дѣлать зло,

и что слѣдственно желать деспотичества есть ни что иное, какъ желать найти Себя въ состояніи пользоваться сею пагубною властію. Не возможность дѣлать зло можетъ ли быть досадна Государю? а есть ли можетъ, такъ развѣ для того, что дурному человѣку всегда досадно не смочь дѣлать дурна. Право деспота есть право сильнаго: но и разбойникъ то же право себѣ присволяетъ. И кто невидитъ, что изрѣченіе *право сильнаго* выдуманно въ посмѣяніе. Въ здоровомъ разумѣ сіи два слова никогда вмѣстѣ не встрѣчаются. Сила принуждаетъ, а право обязываетъ. Какое-же то право, которому повинуются не по должности, а по нуждѣ и которое въ тотъ моментъ у силы исчезаетъ, когда большая сила сгоняетъ ее съ мѣста. Войдемъ еще подробнѣе въ существо сего мнимаго права. Потому, что я не въ силахъ кому нибудь сопротивляться, слѣдуетъ-ли изъ того, чтобъ я морально обязанъ былъ признавать Его волю правиламъ моего поведенія? Истинное право есть то, которое за благо признано разсудкомъ, и которое слѣдственно производитъ нѣкое внутреннее чувство, обязывающее насъ повиноваться добровольно. Въ противномъ случаѣ повиновение не будетъ уже обязательство, а принужденіе. Гдѣ-же нѣтъ обязательства, тамъ нѣтъ и права. Самъ Богъ въ одномъ Своемъ качествѣ Существа Всемогущаго, не имѣетъ ни малѣйшаго права на наше повиновение. Вообразимъ себѣ существо всемогущее, которое не только ко всему принудить, но и вовсе истребить насъ можетъ, которое захотѣло бы сдѣлать насъ несчастными, или по крайнѣй мѣрѣ не захотѣло бы никакъ пешичь о нашемъ благѣ, когда чувствовали ли бы мы въ душѣ обязанность повиноваться сей вышней волѣ, клонящейся къ нашему бѣдствію, или насъ пренебрегающей? Мы уступили бы по нуждѣ Ея всемогуществу, и между Богомъ и нами было бы ничто иное, какъ одно физическое отношеніе. Все право на наше Благотворѣнное повиновение имѣетъ Богъ въ качествѣ Существа Всеблагаго. Разсудокъ, признавая благимъ употребленіе Его всемогущества, совѣтуетъ намъ соображаться съ Его волею и влечетъ сердца и души Ему повиноваться. Существо Всеблагому можетъ ли быть пріятно повиновение, вынужденное однимъ страхомъ? И такое гнусное повиновение прилично ль существу разсудкомъ одаренному? Нѣтъ; Оно не достойно ни разумаго повелителя, ни разумныхъ исполнителей. Сила и право совершенно различны какъ въ существѣ своемъ, такъ и въ образѣ дѣйствованія. Праву потребны достоинства, дарованія, добродѣтели. Силѣ надобны тюрьмы, желѣзы, топоры. Совсѣмъ излишне входить въ толки о разностяхъ формъ правленія и розыскивать, гдѣ Государь самовластнѣе, и гдѣ ограниченнѣе. Тиранъ, гдѣ бѣ онъ ни былъ, есть тиранъ, и право народа спасать бытіе свое, пребываетъ вѣчно и вѣздѣ непоколебимо.

Истинное блаженство Государя и подданныхъ тогда совершенно, когда всѣ находятся въ томъ спокойствіи духа, которое происходитъ отъ внутренняго удостовѣренія о своей безопасности. Вотъ прямая *политическая вольность* націи. Тогда всякой воленъ будетъ дѣлать все то, чего позволѣно хотѣть, и никто не будетъ принужденъ дѣлать того, чего хотѣть не должно: а дабы нація имѣла сію вольность надлежитъ правленію быть такъ устроено, чтобъ гражданинъ не могъ страшиться злоупотребленія

власти; чтобъ никто не могъ быть игралищемъ насильствъ и прихотѣй, чтобъ по одному произволу власти никто изъ послѣдней степени не могъ быть взброшенъ на первую, ни съ первой свергнутъ на послѣднюю; чтобъ въ лишеніи имѣнія, чести и жизни одного данъ былъ отчетъ всѣмъ и чтобъ слѣдственно всякой безпрепятственно пользоваться могъ своимъ имѣніемъ и преимуществами своего состоянія.

Когда жъ свободной человѣкъ есть тотъ, которой не зависитъ ни отъ чьей прихоти; на противъ же того рабъ деспота тотъ, которой ни собою, ни своимъ имѣніемъ располагать не можетъ, и которой на все то, чѣмъ владѣть, не имѣетъ другого права, кромѣ Высочайшей милости и благоговѣнія, то по сему истолкованію политической вольности, видна не разрывная связь Ея съ правомъ *собственности*. Оно есть ни что иное какъ право пользоваться: но безъ вольности пользоваться, что оно значитъ? Равно и вольность сія не можетъ существовать безъ права; ибо тогда не имѣла бы она никакой цѣли; а потому и очевидно, что нельзя никакъ нарушать вольности не разрушая права собственности, и нельзя никакъ разрушать права собственности, не нарушая вольности.

При изслѣдованіи, въ чемъ состоитъ величайшее благо государствъ и народовъ, и что есть истинное намѣреніе всѣхъ системъ законодательствъ, найдемъ необходимо два главнѣйшіе пункта, а именно тѣ, о коихъ теперь разсуждаемо было: *вольность* и *собственность*. Оба сіи преимущества, равно какъ и форма, каковою публичной власти дѣйствовать, должны быть устроены сообразно съ физическимъ положеніемъ государства и моральнымъ свойствомъ націи. Священные законы, опредѣляющіе сіе устройство, разумѣемъ мы подъ именемъ законовъ фундаментальныхъ. Ясность ихъ должна быть такова, чтобъ ни малѣйшаго недоразумѣнія никогда не повстрѣчалось, чтобъ изъ нихъ Монархъ и подданный равномѣрно знали свои должности и права. Отъ сихъ точно законовъ зависитъ общая ихъ безопасность, слѣдственно они и должны быть непремѣнными.

Теперь представимъ себѣ государство, объемлющее пространство, каковаго ни одно на всемъ извѣстномъ земномъ шарѣ не объемлетъ, и котораго по мѣрѣ его обширности нѣтъ въ свѣтѣ малолюднѣе; государство, раздробленное съ лишкомъ на тридцать большихъ областей, и состоящее можно сказать изъ двухъ только городовъ, изъ коихъ въ одномъ живутъ люди большою частію по нуждѣ, въ другомъ большою частію по прихоти; — государство, многочисленнымъ и храбрымъ своимъ воинствомъ страшное, и котораго положеніе таково, что потеряніемъ одной баталіи, можетъ иногда бытіе Его вовсе истребиться; — государство, которое силою и славою своею обращаетъ на себя вниманіе цѣлаго свѣта, и которое мужикъ, однимъ человѣческимъ видомъ отъ скота отличающійся, и ни кѣмъ не предводимый, можетъ привести такъ сказать въ нѣсколько часовъ на самый край конечнаго разрушенія и Гибели; — Государство, дающее чужимъ землямъ Царей, и котораго собственный Престоль зависитъ отъ отворенія кабаковъ для звѣрской толпы буянъ, охраняющихъ безопасность Царскія Особы; — государство, гдѣ есть всѣ политическія людей состоянія, но гдѣ ни которое не имѣетъ никакихъ преимуществъ, и одно отъ дру-

гого пустымъ только именемъ различаются; — государство, движимое ежедневными и часто другъ другу противурѣчущими указами, но не имѣющее никакого твердаго законоположенія; — государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія, имѣетъ право быть вмѣстѣ истцемъ и судьей надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый слѣдственно можетъ быть за всегда или тиранъ, или жертва; — государство, въ которомъ почтеннѣйшее изъ всѣхъ состояній, долженствующее оборотомъ Отечество купно съ Государемъ и корпусомъ своимъ представляетъ націю, руководствуемое одною честію *Дворянство* уже именемъ только существуетъ, и продается всякому подлецу, ограбившему Отечество; гдѣ знатность, сія единственная цѣль благородныя души, сіе достойное возмездіе заслугъ, отъ рода въ родъ оказываемыхъ Отечеству, затмѣвается фаворомъ, поглотившимъ всю пищу истиннаго любочестія; — государство не деспотическое: ибо нація ни когда не отдавала себѣ Государю въ самовольное Его управленіе и всегда имѣла трибуналы гражданскіе и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступленія; не монархическое: ибо нѣтъ въ немъ фундаментальныхъ законовъ; не аристократія: ибо верховное въ немъ правленіе есть бездушная машина, движимая произволомъ Государя; на демократію же и походить не можетъ земля, гдѣ народъ, пресмыкаяся во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носить безгласно бремя жестокаго рабства.

Просвѣщенный и добродѣтельный Монархъ заставъ Свою Имперію и Свой Собственныя права въ такой несообразности и неустройствѣ, начинаетъ великое Свое служеніе немѣдленнымъ огражденіемъ общія безопасности посредствомъ законовъ непреложныхъ. Въ семъ главномъ дѣлѣ не долженъ Онъ изъ глазъ выпускать двухъ уваженій: первое, что государство Его требуетъ немедленнаго врачеванія отъ всѣхъ золъ, приключаемыхъ Ему злоупотребленіемъ самовластія; второе, что государство Его ничѣмъ такъ скоро не можетъ быть подвергнуто конечному разрушенію, какъ есть ли вдругъ и не приуготовя націю, дать ей преимущества, коими наслаждаются благоучрежденные Европейскіе народы. При такомъ соображеніи, каковы могутъ быть первые фундаментальные законы, прилагается при семъ особенное начертаніе *).

Въ заключеніе надлежитъ признать ту истинну, что главнѣйшая наука правленія состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть сдѣлать людей способными жить подъ добрымъ правленіемъ. На сіе никакіе именныя указы не годятся. Узаконеніе быть добрыми не подходитъ ни подъ какую главу Устава о благочиніи. Тщетно было бы вырѣзывать Его на доскахъ и ставить на столы въ Управахъ; буде не врезано оно въ сердца, то всѣ Управы будутъ плохо управляться. Чтобъ устроить нравы, нѣтъ нужды ни въ какихъ пышныхъ и торжественныхъ обрядахъ. Свойство истиннаго Величества есть то, чтобъ наивеличайшія дѣла дѣлать наипростѣйшимъ обра-

---

*) Сего начертанія не допустила Покойнаго сочинить скоропостижная его кончина.

зомъ. Здравой разсудокъ и опыты всѣхъ вѣковъ показываютъ, что одно благонравіе Государя образуетъ благонравіе народа. Въ Его рукахъ пружина куда повернуть людей: къ добродѣтели или пороку. Всѣ на Него смотрятъ, и сіяніе, окружающее Государя, освѣщаетъ Его съ головы до ногъ всему народу. Ни малѣйшія Его движенія ни отъ кого не скрываются, и таково есть щастливое или несчастное Царское состояніе, что Онъ ни добродѣтелей, ни пороковъ Своихъ утаить не можетъ. Онъ судитъ народъ, а народъ судитъ Его правосудіе. Есть ли жъ надѣется Онъ на развращеніе Своей націи столько, что думаетъ обмануть ее ложною добродѣтелию, Самъ сильно обманывается. — Чтобъ казаться добрымъ Государемъ, необходимо надобно быть такимъ; ибо какъ люди порочны ни были бъ, но умы ихъ никогда столько не испорчены, сколько ихъ сердца, и мы видимъ, что тѣ самые, кои меньше всего привязаны къ добродѣтели, бываютъ часто величайшіе знатоки въ добродѣтеляхъ. Быть узнану есть необходимая судьбина Государей, и достойный Государь ея не устрашается. Первое Его титуло есть титуло честнаго чловѣка, а быть узнану есть наказаніе лицемѣра и истинная награда честнаго чловѣка. Онъ, ставъ узнанъ своею націею, становится тотчасъ образцомъ Ея. Почтеніе Его къ заслугамъ и лѣтамъ бываетъ наистрожайшимъ запрещеніемъ всякой дерзости и нахальству. Государь, добрый мужъ, добрый отецъ, добрый хозяинъ, не говоря ни слова, устрояетъ во всѣхъ домахъ внутреннее спокойство, возбуждаетъ чадолубіе, и самодержавнѣйшимъ образомъ запрещаетъ каждому выходить изъ мѣръ своего состоянія. Кто не любитъ въ Государѣ мудраго чловѣка? а любимый Государь чего изъ подданныхъ сдѣлать не можетъ? Оставляя всѣ тонкіе разборы правъ политическихъ, спросимъ себя чистосердечно: кто есть Самодержавнѣйшій изъ всѣхъ на свѣтѣ Государей? Душа и сердце возопіють единоголосно: тотъ, кто болѣе любимъ...

Прибавленіе къ разсужденію, оставшемуся послѣ смерти Министра Графа Панина, сочиненное Генераломъ Графомъ Панинымъ, о чемъ между ими разсуждалось имѣть полезнымъ для Россійской Имперіи фундаментальные права, не премѣняемая на всѣ времена никакою властію.

1.

О утвержденіи на всѣ времена формы государственному правленію, признанной всѣмъ разумнымъ свѣтомъ для Монаршескаго владѣнія съ фундаментальными, непремѣнными законами.

2.

О утвержденіи и о непремѣнномъ всегда соблюденіи безъ всякой прикосновенности, господствующей издревлѣ и до нынѣ въ Россійской Импе-

ріи Греко-Католической вѣры въ точности настоящихъ церковныхъ догматовъ.

3.

О не исповѣданіи Монархомъ Россійскимъ и Высокой Ихъ Фамиліи иной вѣры какъ Греко-Католической.

4.

О не воспрещеніи и о дозволеніи прочимъ всякаго званія вѣрамъ уже утвердившимся, а не отпадающимъ сектамъ, имѣть полную свободу вѣры свои во всей Имперіи содержать и богослуженіе отправлять по законамъ своимъ безпрепятственно.

5.

О запрещеніи подъ неизбежною смертною казнію ни какой другой вѣры, кромѣ господствующей, принимать въ Россіи изъ одной вѣры въ другую, да и господствующей въ присоединеніи и къ своей церкви силою ни кого не принуждать и не принимать.

6.

О запрещеніи подъ наказаніемъ за возмущеніе общаго покоя ни въ какой безъ изъятія вѣрѣ не только не проповѣдывать въ церквахъ ниже и не произносить ни въ публичныхъ, ни въ тайныхъ собраніяхъ, ничего изъ одной вѣры противъ другой предосудительнаго и дерзновеннаго, а паче еще поноснаго и оклеветывающаго.

7.

О не раздробленіи и о не раздѣленіи никакою самоизвольною властію Россійской Имперіи, ни въ наслѣдства, ни въ продажи, ни въ мѣны, ни въ заклады, ниже и ни подъ какими другими наименованіями или предлогами какого бы то роду и названія быть могло.

8.

О утвержденіи Престолу Россійскому одинаго права наслѣдственнаго, не премѣняемаго никакою единою властію, съ предпочтеніемъ мужской Персоны и колѣна предъ женской.

9.

О прехожденіи наслѣдственнаго права къ Престолу, при пресеченіяхъ, съ одного лица и съ одного колѣна на другія.

10.

О узаконеніи лѣтъ возраста къ полученію наслѣдственнаго надѣ Имперією Монаршескаго владѣнія и формы къ торжественному онаго воспріятію.

11.

О узаконеніи формы опекунскаго государственнаго правленія при не-возрастныхъ лѣтахъ, или при слабости законнаго Престола Наслѣдника, до вступленія въ оныя или по случаю слабости до исправленія онаго.

12.

О узаконеніи государственной формы на случай несчастливаго пересеченія наслѣдственныхъ къ Престолу колѣнъ: кому, какъ, изъ кого избирать и торжественно какъ оглашать и утверждать Монарха на Всероссійскій Престоль и послѣдующаго отъ Него Наслѣдника ко обладанію Имперією на фундаментальныхъ правахъ.

13.

О предположеніи изъ государственныхъ доходовъ денежныхъ не премѣнныхъ отдѣленій, сходственныхъ съ достоинствомъ и богатствомъ Имперіи, при самомъ рожденіи не только Наслѣдника Престола, да и при рожденіи изъ законнаго брака владѣющаго Монарха всякаго дитяти какъ мужескаго такъ и женскаго пола, въ капиталы каждому, съ роздачею оныхъ на имя всякаго дитяти въ проценты, дабы съ ихъ капиталовъ процентами и ежегоднымъ соразмѣрнымъ прибавленіемъ къ капиталамъ, могли капиталы возрасти къ приспѣнію возраста cadaго на достойное содержаніе по достоинству всякаго, а Великія Княжны чтобъ достойно могли капиталы свои повести за собою и въ приданое.

14.

О узаконеніи права наслѣдственнаго на оныя капиталы при несчастливыхъ случаяхъ пресеченія чьей жизни.

15.

О правѣ Дворянству.

16.

О правѣ Духовенству.

17.

О правѣ Купечеству.

18.

О правѣ Мѣщанству.

19.

О правѣ Крестьянству.

20.

О узаконеніи для каждого состоянія государственныхъ подданныхъ личнаго наслѣдственнаго права ко всякому званію имѣнія ихъ, съ переходеніемъ послѣ смерти отъ одного къ другому, держась сколько возможно ближе къ окоренившимся прежде въ Имперіи о томъ законамъ.

21.

О правѣ собственности каждому.

22.

О правѣ надъ наслѣдственными имѣніями.

23.

О правѣ вольности къ незапрещенному, но къ позволенному законами.

24.

О правѣ и формѣ завѣщаній, или духовнымъ.

25.

О правѣ на раздѣлы всякому имѣнію, остающемуся безъ завѣщаній.

26.

О правѣ на приданья при замужествахъ, и о обязательствахъ при томъ.

27.

О правѣ для расходившихся необходимостію отъ брачнаго сожитія на прижитыхъ дѣтей и на всякое имѣніе ихъ.

28.

О правѣ родителей надъ дѣтьми, и о должностяхъ дѣтей противу-родителей.

29.

О правѣ и обязательствахъ между супружествомъ.

30.

О власти помѣщиковъ надъ своими подданными, и о должностяхъ оныхъ къ помѣщикамъ ихъ.

31.

О власти господъ надъ вольными служителями, и о должностяхъ оныхъ къ господамъ ихъ.

32.

О не сужденіи ни за какія злодѣянія и преступленія, ни какого званія людей въ иныхъ особыхъ мѣстахъ, какъ единственно въ учрежденныхъ публичныхъ для всѣхъ на то судахъ.

33.

О истолкованіи и утвержденіи истиннаго существа злодѣянію, оскорбляющему Величество.

34.

О утвержденіи во всей Россіи на всѣ мирныя времена не премѣнной доброты и цѣны ходячей монеты, и числу той, которая выпускается въ народное обращеніе къ облегченію перевозокъ, по соразмѣрности числа, полагаемаго на замѣнъ оной капитала.

35.

О не наложеніи и о не умноженіи ни подъ какими названіями на подданныхъ новыхъ податей и работъ, безъ разсужденія и предположенія напередъ о томъ въ главномъ государственномъ присутственномъ мѣстѣ, а потомъ въ Министерскомъ Совѣтѣ на поднесеніе доклада къ утвержденію Самому Монарху.

36.

О предположеніи и утвержденіи одного главнаго государственнаго присутственнаго мѣста къ надзиранію подъ очами Самаго Монарха во всемъ государствѣ надъ всѣми прочими присутственными мѣстами и надъ всѣмъ государствомъ управленія и преподаванія суда и расправы, съ наблюденіемъ всю точность и не прикосновенность къ не опроверженію фундаментальныхъ законовъ.

37.

О учрежденіи и утвержденіи повсемѣстно для государственнаго правленія и суда и расправы присутственныхъ мѣстъ, никогда не премѣняемыхъ.

38.

О учрежденіи и утвержденіи жъ единого не премѣняемаго никакою властію присутственнаго государственнаго мѣста подъ угоднымъ названіемъ Монарху, но такого, что бѣ чрезъ оное только, а не какими другими дорогами приходили къ Самому Монарху жалобы и доношенія на послѣднее рѣшеніе, и что бѣ всѣ они безъ изъятія въ присутствіи Самаго Монарха, или и безъ Его, но всегда прочитываны были въ семь мѣстѣ, и каждый въ немъ Министръ чтобъ давалъ къ запискѣ въ протоколъ свое на нихъ разсужденіе, которыя бы относились на рѣшительную единственную власть Самаго Монарха.

39.

О ясномъ утвержденіи и истолкованіи всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, что въ должностяхъ ихъ есть часть государственнаго управленія, и что единое разобраніе тяжбъ и преподаваніе суда и расправы, дабы впредь уже недоумѣніями и придирками не могла употребляться во зло власть отдѣляется судебнымъ мѣстамъ единственно на часть государственнаго управленія, въ часть разобранія тяжбъ.

40.

О предположеніи изъ государственныхъ доходовъ денежной ежегодной суммы на содержаніе во всемъ государствѣ всѣхъ войскъ для обороны Имперіи и славы Государя, а по размѣрности оной суммы о предположеніи-жъ на всякое мирное время содержанія числа всякаго званія войскъ, и особенно тѣхъ, которыя наполняются хлѣбопашцами, размѣривъ число оныхъ къ неоскуднѣнію земледѣльства, какъ главнаго члена на существованіе Имперіи.

Объ отдѣленіи изъ государственныхъ же доходовъ денежной соразмѣрной суммы на построение и на ежегодное содержаніе для всего государства четырехъ крѣпостей ко вмѣщенію знатныхъ гарнизоновъ, сверхъ всѣхъ донинѣ имѣющихся, съ предположеніемъ по зрѣлымъ разсужденіямъ знающими особыми избранія подъ нихъ мѣстоположеній наиспособнѣйшихъ по не отдаленности отъ послѣднихъ Россійскихъ границъ, и сколько можно ближе къ пристанямъ, съ тѣмъ наблюденіемъ, дабы таковымъ устроеніемъ крѣпостей, съ наполненіемъ въ нихъ на всякой военной случай достаточно арсенала и магазейновъ, были бы отвращены уже на всѣ времена существующія до нынѣ отъ того опасности, есть ли бѣ по несчастію случилось Россіи потерять и одну только генеральную баталію, то побѣдителю отверсты разныя безпрепятственные пути внести оружіе свое и утвердиться въ сердцѣ Имперіи, и подвергнуть изобильнѣйшія части земли подъ свою контрибуцію, но чтобъ при случаяхъ начинающейся войны, отъ которой стороны быть бы то не могло, оныя четыре крѣпости, приближенныя къ сторонамъ границъ, служили впередъ какъ собирающимся противу непріятеля, такъ и при несчастіи разбитымъ войскамъ сборными мѣстами, готовыми арсеналами и магазейнами.—

Сего Россія со всею своею обширностію еще не имѣетъ, кромѣ единственно къ сторонѣ Швеціи и на самомъ краю противу Пруссіи; но въ нынѣшнемъ положеніи сосѣдственныхъ державъ сколько Швеція противу Россіи ослабѣла, столь больше усилились и приблизились чрезъ Польшу Имперія Римская и Пруссія, а Россія возвращеніемъ своимъ и вліяніемъ въ связь всей Европы обратила на себя гораздо больше прежняго вниманія, зависти и осторожности къ противнымъ союзамъ безсильныхъ державъ съ сильными.

О предположеніи, чтобы отдѣленныя денежныя суммы изъ государственныхъ доходовъ на ежегодное содержаніе всей государственной обороны и всѣхъ воинскихъ устроеній, не употреблялись никакою властію ни въ какія безъ изъятія другіе расходы, кромѣ единственнаго содержанія государственной обороны и на войну, то чтобъ и остатки отъ неполности по штатамъ сохраняемы были всегда ежегоднымъ отдѣленіемъ въ военную кладовую золотыми и серебрянными монетами, къ минованію при случаѣ войны, есть ли не совсѣмъ, то хотя на первыя кампаніи, особливыхъ для войны налоговъ и займовъ на государство.

О утвержденіи пребывать на всѣ времена безъ всякой прикосновенности всему тому, чего въ формѣ государственнаго правленія и въ фундаментальныхъ правахъ точно не предписано, въ единственной собственно

Самодержавной во всемъ власти владѣющаго законнаго Монарха, а по Немъ и Наслѣдниковъ Всероссійскаго Престола.

44.

О предположеніи формы присяги для всѣхъ государственныхъ подданныхъ на всеподданническое повиновеніе и соблюденіе фундаментальныхъ правъ по установленной формѣ государственному монаршескому правленію.

Сочинено въ селѣ Дугинѣ, 1784 года,
въ мѣсяцъ Сентябрѣ.

Письмо къ Наслѣднику Престола для поднесенія при законномъ вступленіи Его на Престоль.

По обыкновенномъ титулѣ.

Приготовленнымъ мною предъ симъ всеподданнѣйшимъ письмомъ для поднесенія Вашему Императорскому Величеству въ надлежащее время сочиненія покойнаго моего брата съ прибавленіемъ къ оному и отъ меня собственно, сколько я ни надѣялся успокоиться отъ государственнаго позора, угрызающаго всегда насъ съ покойнымъ, о томъ, что общее злополучіе со всѣми вѣрнѣйшими дѣтьми Отечества, судило жить намъ въ томъ вѣкѣ, когда два Правителя Отечества и два Государя наши, коимъ всѣ подданные въ вѣрности присягами, свергались съ такимъ гнуснымъ обличеніемъ въ клятвопреступленіяхъ подданныхъ, что никто и изъ незнавшихъ совсѣмъ, по какимъ законнымъ и справедливымъ причинамъ производится сверженіе, не сдѣлалъ ни малѣйшаго и виду на защищеніе своего Государя.

Столь позорное угрызеніе сердець было во обоихъ насъ братьяхъ почти при всякомъ съѣздѣ, по безпредѣльной нашей подданнической вѣрности и преданности къ Вашему Императорскому Величеству, сильнѣйшимъ возбужденіемъ на размышленіе къ спознанію причинъ: отъ чего бы народъ, просвѣщенный христіанскимъ закономъ, и оказующій въ военныхъ случаяхъ похвальную храбрость и мужество, могъ весь безъ изъятія ввергаться въ такія поработеннѣйшія клятвопреступленія? Чѣмъ-бы оное отвратить, и чѣмъ утвердить надежнѣйшую безопасность Вашему Императорскому Величеству и Высокому Наслѣдію на всѣ времена, и чѣмъ-же привлечь искреннѣйшую вѣрность и любовь всѣхъ подданныхъ къ Государямъ Нашимъ?

Сколько мы оба ни напрягали къ оному всѣхъ нашихъ силъ и лучшаго разумѣнія, но по всему нашему чистосердечію не могли мы пріобрѣсти другихъ о томъ вѣроятнѣйшихъ спознаній, кромѣ сихъ:

Въ Россійской Имперіи издревлѣ окорененныхъ нетолько общихъ обы-

чаевъ, ниже и изъ самихъ тѣхъ законовъ, которые приѣмлются во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ фундаментальными законами и вѣрнѣйшею твердостью державъ, ни единой почти не остался, въ святой неприкосновенности, но всѣ они безъ изъятія свержены подъ самовластіе не только Самодержавцевъ, да и попранны подъ ноги злонамѣренныхъ людей, достигающихъ къ похищенію государскихъ довѣренностей на самовластное употребленіе, отъ чего Россійскіе сыны не имѣли уже въ общемъ государственномъ благосостояніи ни какого съ Государями союза, и пребывая во всегдашнемъ трепетѣ, не только о своихъ всѣхъ собственностяхъ, да и о себѣ самихъ остаются при несчастливыхъ сверженіяхъ Государей всѣ безъ изъятія въ недѣйствіяхъ къ соблюденію присягъ своихъ, ласкаясь единственно, не можетъ ли при новыхъ перемѣнахъ произойти чего лучшаго къ твердости Отечества и къ вѣрнѣйшей безопасности собственностямъ и безвинностямъ каждаго, а потому на возвращеніе Россійскихъ подданныхъ къ соблюденію при всякихъ случаяхъ данныхъ Государямъ своихъ присягъ, и къ привлеченію всѣхъ ихъ въ искреннѣйшую подданическую вѣрность и любовь къ Вашему Величеству, не находили мы, по всему нашему къ Вамъ чистосердечію, другихъ способовъ, кромѣ, чтобъ въ общемъ на всегда благосостояніи государства связать всѣхъ подданныхъ съ Государемъ неразрывнымъ узломъ утвержденныхъ государственныхъ фундаментальныхъ правъ и формы правленія, не подверженіемъ ихъ къ перемѣнамъ и отрѣшеніемъ ни какому самовластію, дабы таковымъ союзнымъ сопряженіемъ Государя со всею Имперією, весь народъ по внутреннему увѣренію каждаго въ себѣ, не имѣлъ уже причины ожидать въ новыхъ перемѣнахъ лучшаго, но былъ бы всегда готовъ защищать жизнь свою того Государя, подъ владѣніемъ котораго сохраняются во всей цѣлости государственные фундаментальные законы и форма правленія, подъ сѣнію коихъ соблюдались общее благо, вѣрность и безопасность каждаго подданнаго.

На семъ единственномъ предположеніи, возбуждаемомъ чистѣйшею вѣрностью къ Вашему Императорскому Величеству, подданическаго преданностію и усердіемъ, покойный братъ мой составлялъ то сочиненіе, да и я прибавленіе къ оному, которыя учредилъ я поднести въ свое время Вашему Императорскому Величеству; но и съ тѣмъ совсѣмъ не могъ я еще освободиться отъ прежняго меня государственнымъ стыдомъ угрызенія, для того принужденъ сталъ пойтить въ дальнѣйшія размышленія, предписуемая душѣ моей самою чистѣйшею подданическою вѣрностію и усердіемъ къ Государямъ, и составилъ еще для поднесенія къ Стопамъ Вашего Величества въ надлежащее время два сочиненія: одно подъ № 1, изъ котораго не можетъ ли быть что угодно при законномъ вступленіи Вашемъ на Престоль ознаменовать о Государственныхъ Вашихъ примѣчаніяхъ, пріобрѣтшихъ съ возрастомъ лѣтъ Вашихъ, и о предположеніи намѣренія о Царствованіи Вашемъ со увѣщаніемъ развратившихся изъ благонравія исправиться; а подъ № 2—есть ли соизволите Всемилостивѣйше пожаловать Отечество утвердительными какими формою государственнаго правленія и фундаментальными непремѣнными пра-

вами, то не может ли къ оному благословенному начинанію удостоиться что либо изъ того ко Всемиловѣйшему Вашему употребленію.

Я не могу не признаться, что какъ въ сихъ двухъ поднесеніяхъ, такъ и въ прибавленіи моемъ къ сочиненію брата моего, распространился я на нѣкоторые предмѣты не совсѣмъ пристойные въ помѣщенные имъ мѣста: но оное произошло единственно изъ жарчайшаго моего усердія, что бы при начальномъ Вашемъ воспарствованіи не прокралось отъ Монаршаго свѣдѣнія ни чего изъ того, что мнѣ воображалось потребнымъ къ истинной Славы Величайшему въ свѣтѣ Государю, къ твердѣйшей Ему и Наслѣдію Его на всѣ времена безопасности ихъ совершенному на всегда союзному благосостоянію Государя и Отечества. Что же тутъ не могло входить ни какое собственное мое пристрастіе, въ томъ засвидѣтельствоваться не зазираетъ меня совѣсть симъ, что проживши я 65 лѣтъ и разрушившись увѣчною болѣзнію во всемъ моемъ тѣлесномъ составѣ, не могу имѣть уже я нужды для себя ни въ чемъ другомъ, кромѣ могилы, и чтобъ войтить въ ее съ тѣмъ сладостнымъ душевнымъ послѣднимъ утѣшеніемъ, что я тому моему Государю, которому преданъ былъ вѣрнѣйшимъ и непорочнѣйшимъ сердцемъ, принесъ все то, что душа моя поставляла вѣрнѣйшими способами къ возведенію истинной славы на самую вышнюю степень Государя моего и отечества и на обоюдное ихъ утвержденіе ко всей безопасности на всѣ времена.

Почту я себя наиблагополучнѣйшимъ изъ подданныхъ во всемъ мірѣ, есть ли обоихъ насъ братьевъ сочиненія, которыя будутъ отъ меня поднесены къ подножію Вашему, признаются къ таковому Вашего Императорскаго Величества благоволенію, съ каковыми мы оба не предковенными никогда были подданныческими вѣрностію къ нашимъ Государямъ и къ отечеству, и съ каковыми же буду я смыкать въ послѣдніе глаза мои преданностію и благоговѣніемъ собственно

Вашего Императорскаго Величества
Всемиловѣйшаго Государя и прочая.

№ 1-й. Формы Манифесту, какой разсуждаются, не может ли быть угоденъ къ изданію при законномъ по предопредѣленію Божескому возшествіи на Престоль Наслѣдника.

По обыкновенномъ титулѣ.

Призирающее всегда на Отечество Наше, а особливо при опасныхъ случаяхъ, милосердіе Всевышняго Творца соизволило Насъ какъ единый остатокъ уже крови, предопредѣленной Святымъ Промысломъ Его къ обладанію Всероссійскаго Престола, возрастить со младенчества безъотлучно въ нѣдрахъ нашего Отечества, и сохранивъ чудесно отъ разныхъ бѣдственныхъ угрозеній, угодно стало Святой Его волѣ возвести Насъ на Праро-

Приступая исполнять столь важный Намъ предъ Творцомъ вселенной обѣтъ и призывая на помощь Всемогущую Его Десницу, восхотѣли Мы первоначально слѣдующими подъ симъ пунктами всенародно какъ объявить, на какихъ непремѣнныхъ предположеніяхъ утвердились Мы обладать Богомъ врученною Намъ Имперіею и взыскивать неупустительно по законамъ исправленія предписанныхъ каждому должностей и безпорочности въ истинномъ благонравіи, такъ и увѣщевать о признаніи чистосердечномъ въ совѣстяхъ каждому и о исправленіи себя безъ упущенія времени во всемъ томъ, въ чемъ найдеть кто себя обличеннымъ противу пунктовъ здѣсь изображенныхъ, на которое исправленіе и даетъ Мы времени «   » мѣсяцевъ отъ публикованія сего въ каждомъ мѣстѣ, по минованіи которыхъ будутъ уже во всей своей симъ и непремѣнности дѣйствовать Божескіе и государственные законы надъ всѣми обличающими въ государственныхъ зловерностяхъ и въ развращеніи общаго благонравія, утвержденного заповѣдями господними и законами гражданскими.

Пункты.

1.

Монаршая Наша Самодержавная воля и узаконеніе есть и всегда будетъ, дабы во всей Російской Имперіи любезнаго Отечества, каждый житель и ни кто вообще не дерзали отнюдь обнаруживаться не толико дѣяніями, ниже и соблазнами противу заповѣдей Господнихъ и противу догматовъ Господствующей и Нами исповѣдуемой Греческой Православной вѣры, и чтобъ все обитатели Російскіе содержали вѣры свои и исполняли по законамъ каждой во всей принадлежащей имъ святости, поступая и исполняя во всемъ должности и обязательства свои со страхомъ Божиимъ, съ безмолвственнымъ повиновеніемъ къ Его Святому Промыслу, съ любовію къ отечеству, къ Государю и къ ближнему по гражданскимъ законамъ и по всей гражданской и естественной правотѣ.

2.

Какъ гражданскія узаконенія не имѣютъ конечно отъ своихъ законодателей ни какихъ отнюдь другихъ основаній и намѣренія, кромѣ гражданской и естественной правоты, утвержденныхъ единственно для истинныхъ вообще жизни, безопасности, вѣрности, предохраненія и пользы каждому лицу и всѣмъ вообще, то и повелѣваемъ Мы: въ отправленіи всякихъ дѣлъ и въ преподаваніи суда и расправы по присутственнымъ мѣстамъ и при всякихъ чиноначальствахъ, въ случаяхъ иногда притивурѣчныхъ указовъ и рѣшительныхъ примѣрныхъ опредѣленій, хотя бы и Именныхъ, брать всегда къ рѣшеніямъ своимъ, но безпристрастно, точность правоты гражданской, то есть особое узаконеніе какъ въ гражданствѣ, такъ и войскѣ, изданное не на одно отдѣленное лицо, но на всѣхъ вообще; а есть ли на

что и онаго въ законахъ не найдется, то брать къ рѣшеніямъ въ основаніе единую, самую чистую, естественную истинну, которая уже есть и всегда будетъ веѣмъ законамъ непремѣнное и точное предположеніе.

3.

Объявля Мы здѣсь Нашу Монаршую волю и непремѣнное предположеніе о Царствованіи Нашемъ, подтверждаемъ благовременно всѣмъ и каждому любезнымъ сынамъ Нашего Отечества, осмотрясь въ совѣстяхъ чистосердечно, есть ли кто найдетъ самъ себя въ чемъ обличеннымъ, тому раскаясь, да и всѣмъ вообще, запретить себѣ навсегда попускаться впредь погрѣшать или развращать противу Нашей воли, предписанной здѣсь какъ въ первоначальныхъ, такъ во всѣхъ послѣдующихъ пунктахъ.

4.

Да сохраняется во всѣхъ случаяхъ по самому чистосердечію и праводушію подданическая вѣрность къ Государю и къ Отечеству, съ неприкосновенностію ни подъ какими видами для собственныхъ корыстей и гнуснаго тщеславія къ расхищенію государства и ко введенію примѣрами и развращеніями зловердныхъ соблазновъ, противныхъ истиннамъ, добродѣтели, праводушію, благодравію и мѣрѣ собственнымъ прожиткамъ противу годовыхъ доходовъ каждаго, ибо предъ Нашими глазами расточившій собственное имѣніе и ввергшійся въ раззорительные долги, лишаетъ самъ себя полной государственной довѣренности и подвергается въ большое сомнѣніе на корыстные искушенія.

5.

Какъ истинная цѣлость славы Государевой, безвердная навсегда прочность Отечества и безопасность собственно каждаго, утверждаютъ и сохраняются особливо на томъ, чтобы всѣ вступающіе и избираемые лица въ государственное служеніе употребляли ревности свои съ чистосердечіемъ и безкорыстіемъ возвышаться въ чины дѣятельными трудами и заслугами, желая отличествовать одинъ другаго трудами и способностями, въ радѣніяхъ къ истинной славѣ Государа и Отечества, и отвращаться всѣми образами подлыхъ подслугъ въ личныя угодности для происковъ себѣ мѣсть и чиновъ, куплею и предательными ласкательствами съ пожертвованіемъ и собственного благороднаго любочестія.

6.

То, во утвержденіе сего, Мы здѣсь Императорскимъ словомъ объявляемъ и обѣщаемъ, что къ Нашему благоволѣнію и къ справедливымъ воздаяніямъ будутъ угодны только тѣ достойныя дѣти и слуги Имперіи, которые будутъ отправлять государственное служеніе по установленнымъ

каждому званію дорогамъ безъ пронырствъ и подлыхъ домогательствъ въ чины и къ мѣстамъ тунеядскимъ, неприличнымъ каждому по своей породѣ всѣ же пронырщики въ службѣ государственной и празднолюбцы въ разумѣніи Нашемъ суть унижены и недостойны справедливыхъ въ чины возвышеній и Монаршихъ награжденій, потому что чины установлены для награжденія трудовъ и заслугъ, а не ради испорченія службы и нерадѣнія къ трудамъ.

7.

Весь благоразумной свѣтъ, да и Мы Сами признаемъ корпусъ благороднаго дворянства первымъ членомъ государства, подпорою и обороною Государя и Отечества отъ непріятелей внѣшнихъ и отъ случающихся внутреннихъ злодѣевъ, а оборона Отечеству надежнѣйшая утверждается военною службою; по государственнымъ же законамъ, дворянство рождается къ приобрѣтенію себѣ наслѣдства землями и подданными, а на-противъ того прочихъ подданныхъ государству жребій приобрѣтати и первоначальное себѣ пропитаніе трудами разныхъ промысловъ и работою собственныхъ рукъ, то и неоспоримо по всей справедливости корпусу дворянскому, по обязательству къ Государямъ и Отечеству за всегдашнее сохраненіе въ цѣлости дворянскаго права и наслѣдствамъ своимъ, принадлежитъ въ особенности и предпочтительнѣй всѣмъ прочимъ служеніе въ войскѣ, обороняющемъ и ихъ собственное имѣніе.

8.

По сей непреложной истинѣ, принятой во всемъ разумномъ свѣтѣ, полагаемъ Мы твердую надежду, и требуемъ, чтобъ впередъ при воспитаніи всего дворянскаго въ Имперіи Нашей юношества, какъ въ собственныхъ домахъ, такъ и во всѣхъ государственныхъ училищахъ, прилагалось лучше прежняго старанія вкоренять въ самые еще нѣжныя сердца дворянства главнымъ любочестіе къ истинной военной славѣ, то есть приобитаемой дѣятельною службою, а не чинами только, къ мужеству ихъ храбрости, каковыми препохвальными качествами сыны Россійскаго дворянства издревлѣ и по сіе время знаменитѣйше прославлялись, и употребляли безъ малѣйшей утомленности въ военное служеніе всѣ лѣта лучшей молодости и всю крѣпость здоровья своего, стараясь всѣми силами превосходить въ ономъ одинъ другаго и гнушаясь совершенно похищать и входить въ тѣ гражданскія службы, которыя отнюдь не свойственны не оборонѣ, ниже и правленію государственныхъ дѣлъ, а оставляются для государственныхъ прочихъ разночинцовъ.

9.

Съ того времени, какъ Россійское дворянство получило по единому милосердію своего Монарха, драгоцѣннѣйшій взему своему корпусу даръ

вольности со всею свободою вступать и не вступать въ службу Государя и Отечества, выходить и возвращаться въ оную по выгодамъ единственно собственно каждому и сколько можетъ обязывать къ оному всякаго усердіе, можно было понадѣяться, что вліяніе въ чувства благородныхъ сердецъ справедливаго къ тому признанія обязетъ дворянство продолжать изъ особенной благодарности службу Государямъ и Отечеству ревнительнѣй и неутомленнѣй еще и предковъ своихъ; но кто изъ правослыщихъ сыновъ Отечества не видитъ съ душевною прискорбностію, что большая часть молодого дворянства покидаютъ службу въ самыхъ лучшихъ лѣтахъ молодости и здоровья своего, а къ сугубой неблагодарности противу Отечества, и самые тѣ, которые милосердымъ Монаршимъ попеченіемъ отъ самаго младенчества на коронномъ иждивеніи возвращены, обучены и офицерскими чинами награждены, да и тѣ еще, кои не выходя почти изъ домовъ семей своихъ пожалованы офицерами-же, выходятъ изъ службы, да и семьи ихъ къ себѣ принимаютъ безъ малаго зазора о томъ, что они ни малѣйшей заслуги Отечеству своему не сдѣлали за толико полученные отъ него себѣ милости.

10.

Какъ представляется быть оному главною причиною первоначальное обрадованное движеніе къ воспользованію приобрѣтеннаго вольностію, то Мы и надѣемся, что по минованіи уже первой занальчивости къ оной, все дворянство Россійское перестанетъ не чувствовать обязательства своего къ службѣ Государей и Отечества, оберегающей и ихъ собственную во всемъ цѣлость и обратить свою ревность еще сугубѣй прежняго изъ новой благодарности за полученный даръ вольности и за воспитаніе весьма многихъ дворянскихъ дѣтей почти отъ самаго младенчества на иждивеніи Государственномъ, особливо есть ли въ семьяхъ и училищахъ стануть при-воспитаніи дворянскаго юношества, предпочтительно многomu прочему, вкоренять въ нѣжныя сердца ихъ любочестіе къ истинной военной славѣ, къ мужеству и къ храбрости на подражаніе предковъ ихъ, прославляющихся сими препохвальными качествами издревлѣ и до сего времени, и которыя превосходили одинъ другаго всею ревностію въ томъ, чтобъ лучшую свою молодость и здоровье употреблять въ военной службѣ, и съ покрытыми ранами никакъ ею не утомляться, а стыдиться до крайности похищать происками и вступать въ тѣ государственныя службы, которыя не составляютъ ни обороны Отечества, ни государственнаго правленія, слѣдовательно и не свойственныя совсѣмъ благородному дворянскому.

11.

Не можемъ Мы проминать и сего вкрадшагося злоупотребленія, что молодые люди, не отдѣленные еще отъ семей своихъ и не приобрѣтшіе никакого себѣ собственнаго пропитанія, покидая службы безъ позволнія

ни родителей, ни старшихъ имъ своихъ родственниковъ, возвращаются въ семьи свои на пропитаніе ко умноженію въ оныхъ собственнаго отъ крайней бѣдности претерпенія, но такихъ своевольствъ противу родителей, противу семей и противу старшихъ родственниковъ своихъ, не дозволяютъ отнюдь ни оказанность покровъ, ни Божескіе, ни Гражданскіе законы, да и Мы не только сіе святое узаконеніе не отрѣшаемъ, но еще и возобновляемъ во всю его законную силу, съ тѣмъ объясненіемъ, что изъ получающихъ пропитаніе свое изъ единого жалованья, повинны изъ службы не выступать на чужой хлѣбъ, не приобрѣтши собственно своего безъ благословѣнія родителей.

12.

Всякой правомыслящій челоѣкъ не можетъ съ Нами не согласиться, что между худомыслящими Россійскими сынами вкоренилась еще и сія зловердность, что дѣти, не вошедшіе въ указныи возрастъ, а хотя и вошедшіе, но не отдѣленные отъ семей, или состоящіе подъ опекунствами мужеска и женска пола, да къ пущему пострамленію и жены, живущія съ мужьями, скрытно отъ семейства и отъ начальства надъ собою, занимаютъ деньги и забираютъ товары на векселя и на щеты, а купечество, промышляющее беззаконными ухищреніями, даютъ на таковыя векселя имена свои изъ грабительныхъ процентовъ, либо для собственнаго воскорыствованія, либо ради тѣхъ, кто умышляетъ на переписываніе такихъ векселей и щетовъ изъ года въ годъ до тѣхъ поръ, пока умретъ тотъ, изъ чьего имѣнія наследуетъ такой векседавецъ, слѣдовательно весь въ томъ корыстной и продерзостный умыселъ, можно сказать проклятой, основывается на желаніяхъ скорѣйшей смерти тѣмъ, послѣ кого имѣетъ наследство принять, и тому, отъ кого получены беззаконныя векселя и щеты, то Мы и объявляемъ, что оная окоренившаяся въ государствѣ Нашемъ беззаконнѣйшая зловердность, предъ справедливостію Нашею есть въ существѣ и формѣ самое воровство и измѣна притиву кровныхъ, надъ которыми при обличеніяхъ и будутъ дѣйствовать во всей строгости предписанныя законы за воровство и обманы.

13.

Не могло же скрыться отъ Нашего примѣчанія, что не только разночинцы, но и знатное и многое дворянство, предавшись въ необузданныя и безпредѣльныя роскоши, сдѣлались безчеловѣчными игроками, ищущими въ игрѣ не забавъ, но убивственнаго раззорѣнія, и не между собою только, но проискывая невиннѣйшую молодость, поставляли игры коммерческимъ промысломъ, а подобно тому и многое Россійское купечество, отступая совѣмъ отъ праводушія предковъ своихъ, слѣдующихъ во всемъ страху Божію, позволило себѣ давать обыгранной молодости на векселя въ число денегъ товары за безсовѣстнѣйшія цѣны и проценты, подсылая въ то же время къ нимъ изъ сообщниковъ своихъ тѣ-же самыя товары обращать

къ себѣ за меньшія еще цѣны, да и при всякихъ купеческихъ торгахъ и промыслахъ попускаются возвышать цѣны не только на прихотныя вещи, но и на самое пропитаніе, до такой неумѣренности, что бѣдныхъ людей, не возмогшихъ оныя платить, подвергаютъ умирать съ голоду, да и въ мѣрахъ и вѣсахъ употребляютъ всякія на ухищреннѣйшія обманы, того ради не оставляемъ Мы объявить во всенародно, что въ играхъ, въ торгахъ, въ промыслахъ, въ договорахъ и во всемъ прочемъ безъ изытія, всякія обманы и отступленія отъ праводушія почитаемъ Мы сущимъ воровствомъ, подлежащимъ неупустительному наказанію, предписанному законами за воровство и обманы, съ присовокупленіемъ совершеннаго омерзения и изгнанія изъ честныхъ сообществъ всякаго обличеннаго въ ономъ.

14.

Всякой праводушный сынъ Отечества не можетъ не согласиться съ Нами, что вкоренившимся въ Россію зловердностямъ изображеннымъ здѣсь суть главныя причины: 1-я, выступленіе почти всеобщее прожитками безпредѣльными изъ всей мѣры благословенныхъ каждому доходовъ; 2-я, произшедшая изъ того алчность къ безпредѣльнымъ обогащеніямъ на роскошныя жизни и ко извлеченіямъ себя изъ нажившихъ роскошью пагубныхъ долговъ, первовстрѣчающимися всякими способами по представляющимся соблазнамъ въ расхищеніяхъ государственной казны, въ мздоимствахъ съ народа и со всѣхъ безъ исключенія, до кого только кому доходить ухищреніями удается, а какъ однимъ и другимъ изъ сихъ государственныхъ уязвленій угрожается Отечество Наше бѣдственными слѣдствіями, то Мы по расточительной роскоши увѣщаемъ каждому впадшему возвратиться конечно прожитками своими въ мѣру только годовыхъ своихъ доходовъ всею не предковенною вѣрою, что Мы будемъ имѣть довѣренности къ государственнымъ употребленіямъ гораздо предпочтительнѣйшему, кто по умѣреннымъ прожиткамъ есть добрые хозяева въ своихъ домахъ, добрые мужья къ женамъ, добрые отцы къ дѣтямъ и добрые господа къ своимъ слугамъ, передъ тѣмъ, кто не выдутъ и будутъ еще погружаться въ долги выше своихъ доходовъ.

15.

Кто не видитъ и прискорбность не ощущаетъ, что мздоимство распространено въ любезномъ и благомъ Нашемъ Отеествѣ до такой степени, что оно угрожаетъ ему крайнимъ бѣдствіемъ и невинный Нашъ народъ не выходитъ почти отъ онаго изъ горчайшихъ слезъ, ибо все мздоимство, съ кого бы оно ни было, падаетъ на послѣдокъ на невинныхъ и всегда потомъ омывающихся хлѣбопашцевъ и промышленниковъ, доставляющихъ всѣмъ вообще прокормленіе, то Мы и почли необходимымъ объявить въ въ особенности Наше Монаршее заключеніе и послѣдующее здѣсь повелѣніе на мздоимство.

Сколько до Насъ доходить могло то о лихоимствѣ, окорѣнились между

мздоимцами два раздѣленія: одно подъ названіемъ подарки за праведные по дѣламъ труды, а другое уже лихоимство, но предъ Нашими глазами и въ Нашемъ Монаршемъ заключеніи все то безъ изыятія, что берется съ другаго волоченіемъ его дѣла, всякими разными другими притяжками и притесненіями, равнымъ образомъ угроженіями и обѣщаніями отъ сильнаго къ безсильному, сдѣланная какъ въ дѣлѣ неправда, такъ произвожденіе въ чинѣ и перемѣщенія отъ мѣста къ мѣсту, содѣланные же къ убытку казнѣ всякаго рода подряды и казенныя покупки, суть во всемъ существѣ и формѣ государственныя воровства и грабительство, а емлемое при наборѣхъ рекрутскихъ, при всякихъ государственныхъ поборѣхъ, работахъ и нарядахъ, сверхъ воровства суть еще государственныя уязвленія, подлежащія всѣ оныя злодѣянія непремѣнному наказанію по предписаннымъ законамъ на государственныя воровства и уязвленія по мѣрѣ содѣланнаго каждымъ чрезъ то государству зла, но безщаднаго всегда возвращенія всего пограбленнаго назадъ тому, кому что прежде принадлежало, сего ради Монаршая справедливость и востребовала повелѣтъ Намъ чрезъ сіе въ особенности, дабы каждый обличающійся совѣстію своею воспретилъ себѣ совершенно дерзать впередъ поступать на таковыя зловредныя и уязвительныя Отечеству своему и Государству лихоимства и раскаясь чистосердечно въ содѣланномъ, всякой бы доставилъ письмами въ собственныя Наши руки покаяніе, отдавая оныя письма въ ближнихъ городахъ почтмейстерамъ, съ показаніемъ въ нихъ, кто съ кого за какое именно дѣло или за что именно жъ прочее кому самолично или чрезъ кого именно взялъ или далъ, а Мы Императорскимъ словомъ обѣщаемъ чрезъ сіе, что кто принесетъ Намъ таковыя повиновѣнія, то не только не отданы будутъ къ наказаніямъ, ниже и никому отъ Насъ объявлены они не будутъ, да и по постороннимъ иногда въ ономъ обличеніямъ останутся безъ указнаго наказанія; но ежели кто останется ожесточеннымъ въ своемъ сердцѣ безъ принесенія Намъ покаянія, надъ таковыми подлежащіе указы конечно воздѣйствуютъ во всей ихъ безпощадной строгости и силѣ, да и тѣ самыя, кои хотя брали лихоимства не для себя, а ради господъ, или другихъ какихъ лицъ, и не принесутъ къ Намъ означеннаго покаянія, будутъ же безъ всякаго помилованія подвержены подѣ всю строгость законовъ.

16.

Нельзя не почестъ большимъ же государственнымъ поврежденіемъ въ общемъ благоустройствѣ и оскорбленіемъ службы вошедшій сей соблазнъ, что почти всѣ, не только дворянство да и имущіе разночинцы проискамы или куплею вводятъ дѣтей своихъ въ службу почти со младенчества, проискивая имъ еще до возраста и сержантскіе, а потомъ отпускавъ въ полки для единственнаго вмѣщенія въ старшинство списковъ и къ пріисканію жъ въ ординарцы къ штабъ-офицерамъ съ домогательствомъ обратнаго отпуска къ семьямъ своимъ на погруженіе въ праздную жизнь и на ожиданіе старшинства ко вступленію въ офицеры, со всѣмъ незнающими офицер-

скаго званія, и облѣнившимися и къ малымъ трудамъ: то кто же изъ усердныхъ Россіянъ не видитъ съ оскорбленіемъ, что такіе къ службѣ пронырства доставляютъ Отечеству не заслуги, но похищеніе чиновъ и оскорбленіе какъ усердно служившихъ, такъ и самому корпусу дворянскому, потому, что ревнительно заслуживающіе чины обижаются похищеніемъ принадлежащихъ имъ чиновъ и изгоняются сами изъ службы подверженіемъ ихъ въ подчиненство ребятамъ и незнающимъ совѣмъ должностей званія ихъ, а весь корпусъ дворянскій обижается тѣмъ, что объявленнымъ образомъ достигающіе въ ребячьихъ лѣтахъ въ офицерскіе чины и разночинскія дѣти вступаютъ въ право дворянское, которое принадлежитъ единственной породѣ дворянской и оказавшимъ Отечеству многіе заслуги почтеннымъ разночинцамъ, а не пронырщикамъ, да и самыя дворянскіе дѣти вступленіемъ ребятами въ офицеры безъ всякаго наученія ихъ должностей, обижаются тѣмъ, что офицеры не слѣдуютъ уже къ наученію должностей своихъ чиновъ, но принадлежатъ ко взысканію исправнаго во оныхъ со всѣмъ знанію, то получившіе пронырствомъ юноши офицерскіе чины, при самомъ не строгомъ взысканіи за незнаніе своихъ должностей, тотчасъ службу по праву дворянской вольности покидаютъ и погружаясь потомъ въ пущую праздность, лѣнь и во всю силу пороковъ, свойственныхъ молодымъ людямъ, а тѣмъ причиняютъ какъ потерю себя самихъ, такъ и раззоряютъ Отечественную службу, по таковой же справедливости Мы надѣемся и повелѣваемъ чтобъ впредь пресѣчъ такими пронырствами къ похищенію чиновъ не возрастнымъ дѣтямъ, да и нужды въ томъ никакой не будетъ, потому, что менѣе двадцати лѣтъ никто въ службу приниматься изъ таковыхъ не будутъ, особливо дворянство, которые воспитываются въ своихъ ли семьяхъ, или въ учрежденныхъ корпусахъ, въ училищахъ и университетахъ, въ наукахъ полезныхъ и способствующихъ службѣ Нашей, но по мѣрѣ наученія онымъ, имѣютъ таковыя приниматься прямо въ офицерскіе субалтерскіе чины, для того здѣсь и объявляемъ Мы, какія именно науки—предпочтительнѣй другимъ, будутъ руководствовать юношеству вступать въ войско въ офицерскіе субалтерскіе чины прямо.

17.

Поставляемъ Мы науки, способствующія государственному служенію, слѣдующія на Россійскомъ языкѣ: 1-е, Читать и писать по правиламъ Грамматики, Катехизисъ, четыре части Ариѳметики, военнымъ экзерциціямъ пѣшей и кавалерійской какъ показанію темповъ, такъ и командующихъ словъ и построенію фронтовъ по изданнымъ о томъ предписаніямъ; 2-е, Геометрію, Фортификацію съ полевыми укрѣпленіями и съ практическими показаніями; 3-е, Исторію и Географію послѣдняго вѣка, съ предпочтеніемъ о собственномъ Отеествѣ и прилежащихъ къ нему границами постороннихъ державъ и 4-е, Разсуждать и мыслить по правиламъ Логики, на бумагу мысли располагать и говорить по правиламъ Риторики.

Всѣмъ же симъ наукамъ, раздѣленнымъ на четыре части, почитающимся

Нами способственными къ служенію Имперіи и руководствующими къ полученію при вступленіи возрастнаго уже Юношества въ военную службу прямо Офицерскихъ Субалтерскихъ чиновъ, нѣтъ отъ нынѣ уже отговорки, чтобъ нельзя имъ научиться на собственномъ языкѣ, есть-ли только будутъ радѣтельно способствоватьъ сверхъ заведенныхъ государственныхъ училищныхъ корпусовъ, публичныхъ школъ, университета, гимназій и самыхъ семинарій, не только отдавая дѣтей своихъ въ оныхъ заведенія, но приговаривая изъ нихъ для подаванія уроковъ способныхъ учителей, а для военныхъ наукъ свободныхъ оберъ и унтеръ офицеровъ; Мы же таковымъ съ военными науки свободнымъ не только офицерамъ да и генераламъ благодѣтельствоватьъ въ томъ юношеству собственного Отечества, не только дозволяемъ къ Нашему собственному благоволенію, да и общаемъ таковымъ смотря по успѣхамъ учениковъ и Наше покровительство и поощреніе.

18.

Науки чужестраннымъ языкамъ, вышней математики и всѣмъ прочимъ вышнимъ познаніямъ, приедемъ Мы въ особое же Наше покровительство, и упражняющихся въ оныхъ весьма не только похваляемъ, да и успѣвающихъ съ превосходствомъ, неоставимъ конечно отличать Монаршимъ благоволеніемъ и поощреніями; но какъ сіи науки больше украшаютъ самихъ себя и возвышаютъ слава сколько государственную, столько же и собственную, а способностями своими руководствуютъ на приуготовленіе каждому себя къ службѣ внѣшняго и внутренняго Министерства и на предсѣдательства при дѣлахъ государственнаго правленія, то и нельзя никакъ великому числу Дворянства настоль малое число въ Государствѣ оныхъ мѣстъ помѣщаться, почему и приличныя наученія чужестраннымъ языкамъ и путешествіи по чужимъ государствамъ единственно тѣмъ домамъ, которые въ состояніи выносить потребныя на то не малые издержки безъ всякаго въ капиталахъ своихъ раззорѣнія, а отнюдь не съ причиненіемъ юношеству такихъ долговъ на самое вступленіе еще только ихъ въ службу, которыхъ тягость будетъ ихъ обремененіемъ своимъ при-
нуждать не о службѣ радѣть, но какъ всѣми и не позволѣнными хотя уже способами только извлечь себя изъ долговъ.

Сочинено въ 1784 году.

Шумигорский Е.С. Император Павел I.
Жизнь и царствование. С. 226-256.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брикнер, А.Г. Смерть Павла I / А.Г. Брикнер. – СПб., 1907. – 225 с.
2. Буцинский, П.Н. Отзывы о Павле I его современников / П.Н. Буцинский. – Харьков, 1901. – С. 15.
3. Валишевский, К. Сын великой Екатерины. Император Павел I. Его жизнь, царствование, смерть / К. Валишевский. – М., 1914. – 662 с.
4. Ежов, В.В. Самые знаменитые заговоры и перевороты России / В.В. Ежов. – М., 2003. – 301 с.
5. Карамзин, Н.М. История государства российского / Н.М. Карамзин. – М.: Эксмо, 2002. – 1023 с.
6. Ключевский, В.О. Русская история: полный курс лекций: в 3-х т. Кн. 2 / В.О. Ключевский. – М.: Мысль, 1993. – 584 с.
7. Кобеко, Д.Ф. Цесаревич Павел Петрович / Д.Ф. Кобеко. – СПб., 1882. – С. 295-297.
8. Ковалевский, П.И. Император Павел I / П.И. Ковалевский // Психиатрические эскизы и истории в 2-х томах. – М.: Терра, 1995. – 544 с.
9. Окунь, С.Б. Дворцовый переворот 1801 года в дореволюционной литературе / С.Б. Окунь // ВИ. – 1979. – № 11. – С. 27-41.
10. Песков, А.М. Павел I / А.М. Песков. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 124 С.
11. Платонов, С.Ф. Лекции по Русской истории, ч. 2 / С.Ф. Платонов. – М., 1994. – 301 с.
12. Покровский, М.Н. Павел Петрович / М.Н. Покровский // История России в XIX веке. – М., 1908. – С. 21–30.
13. Русская старина. – Санкт-Петербург, 1883. – Т.40. – № 10.
14. Саблуков, Н.А. Записки Н.А. Саблукова / Пер. С.А. Рачинского, предисл. К. Военского // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. – 2-е изд. – СПб., 1908. – С. 1-105.
15. Скоробогатов, А.В. Павел Первый в российской литературе / А.В. Скоробогатов. – Казань, 1999. – 172 с.
16. Сорокин, Ю.А. Павел I. Личность и судьба / Ю.А. Сорокин. – Омск: Омский гос. университет, 1996. 205 с.

17. Тартаковский, А.Г. Павел I / А.Г. Тартаковский // Романовы: исторические портреты. 1762–1917. Т. 2. □ М., 1997. □ С. 78-91.
18. Томсинов, В.А. Император Павел Первый (1754-1801): государственный деятель и законодатель / В.А. Томсинов. □ М., Зерцало, 2008. □ С. 25-64.
19. Труайя, Анри. Павел Первый / Анри Труайя. □ М., 2005. □ 310 с.
20. Устрялов, Н.Г. Русская история до 1855 года в двух частях / Н.Г. Устрялов. □ Петрозаводск, 1997. □ 167 с.
21. Фишер, А. Александр. Павел I / А. Фишер // Русские цари 1547-1917. □ М., 1997. □ 175 с.
22. Чулков, Г.И. Императоры: Психологические портреты / Г.И. Чулков. □ М., 1991. □ 201 с.
23. Шильдер, Н.К. Император Павел Первый / Н.К. Шильдер. □ СПб., 1901. □ 507 с.
24. Шумигорский, Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование / Е.С. Шумигорский. □ СПб., Типография В.Д. Смирнова, Екатерининский кан., д. № 45. □ 1907. □ 264 с.
25. Эйдельман, Н. Грань веков / Н. Эйдельман. □ М., 1986. □ 157 с.

ИСТОЧНИКИ

1. Беннигсен, Л.Л. Из записок графа Беннигсена / Л.Л. Беннигсен // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 107–128.
2. Гейкинг, К.Г. Записки барона Гейкинга / К.Г. Гейкинг // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 241–266.
3. Коцебу, А. Записки Августа Коцебу / Август Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 267.
4. Ланжерон, А.Ф. Из записок графа Ланжерона А.Ф. Ланжерон // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 129–154.

5. Ливен, Ш.К. Из записок княгини Ливен / Ш.К. Ливен // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 171–200.

6. Саблуков, Н.А. Записки Н. А. Саблукова / Н.А. Саблуков // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 1–106.

7. Фонвизин, П.И. Из записок Фонвизина / П.И. Фонвизин // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 155–170.

8. Чарторыйский, Адам. Записки князя Адама Чарторыйского / Адам Чарторыйский // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. □ М., 1990 [1907]. □ С. 201–240.

Ирина Викторовна Самойлова

**ПАВЕЛ I. ВЕЛИЧИЕ ИЛИ ЗАБВЕНИЕ.
ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР ИЛИ
БЕЗЖАЛОСТНЫЙ ТИРАН**

Монография

Компьютерная верстка И.В. Самойловой

Корректор

Л.А. Артамонова

Подписано в печать 23.12.2015 г.

Формат 60×84 1/16

Бумага Гознак *Print*

Отпечатано на ризографе

Усл. печ. л. 11,63

Тираж 500 экз.

Заказ № 191

РИО ПГСХА
440014, г. Пенза, ул. Ботаническая, 30